

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ISSN 1726-1139

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

2015. № 11(83)

Научно-практический журнал

Выходит ежемесячно

С 2005 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека)

Сведения, касающиеся изданий и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям **“Ulrich’s Periodicals Directory”**

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 199004, Санкт-Петербург,
В. О., 8-я линия, д. 61
Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10
Факс: (812) 335-42-16
E-mail: antonova-ev@szipa.ru, uk@szags.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей

При перепечатке ссылка на журнал «Управленческое консультирование» обязательна

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2015
- © Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2015
- © Редакция журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2015
- © Все права защищены

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- Шамахов В. А.** — директор Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса (Санкт-Петербург) — председатель совета, главный редактор;
- Елисеева И. И.** — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);
- Еремеев С. Г.** — доктор экономических наук, профессор, декан факультета политологии СПбГУ, сопредседатель Российского общества политологов (Санкт-Петербург);
- Сморгунов Л. В.** — доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Субетто А. И.** — доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества, член Президиума Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург);
- Комаровский В. С.** — доктор философских наук, профессор, председатель Совета Учебно-методического объединения кафедр политологического профиля РАНХиГС и региональных академий государственной службы (Москва);
- Макаров В. Л.** — доктор физико-математических наук, профессор, академик Российской академии наук, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- Квинт В. Л.** — доктор экономических наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, почетный доктор Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, председатель совета (Москва);
- Крастиньш А. В.** — почетный доктор Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, директор Института международных экономических связей и таможи Рижского технического университета (Латвия);
- Лезеан Э.** — PhD, доктор философии по политическим наукам (Франция);
- Хань Лихуа** — профессор, директор Института Конфуция при Российском гуманитарном университете (Москва), профессор Института международной экономики Университета международного бизнеса и экономики (Пекин, Китай);
- Вольман Х.** — PhD, доктор права, профессор (Германия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Косов Ю. В.** — доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург), заместитель главного редактора;
1. *По политическим наукам:*
- Акопов С. В.** — кандидат политических наук, доцент (Санкт-Петербург);
- Волков В. А.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Вульфович Р. М.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Казанцев А. А.** — доктор политических наук (Москва);
- Колесников В. Н.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Малькевич А. А.** — кандидат политических наук, доцент (Омск);
- Полякова Т. М.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Теребнёв Л. В.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
2. *По истории*
- Вершель В. П.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Ежова Г. В.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Исаев А. П.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Лушин А. И.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Морозов В. И.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Новикова И. Н.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Сергеев В. М.** — доктор исторических наук, профессор (Москва);
- Шумилов М. М.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
3. *По экономике*
- Балашов А. И.** — доктор экономических наук, доцент (Санкт-Петербург);
- Запорожан А. Я.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Каранатова Л. Г.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Куклина Е. А.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Халин В. Г.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Ходачек В. М.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Цыгалов Ю. М.** — доктор экономических наук, профессор (Москва);
- Яновский В. В.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург).

EDITORIAL COUNCIL

- Shamakhov V. A.** — Director of North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class (St. Petersburg) — Chairman of the board, Chief Editor;
- Eliseeva I. I.** — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg);
- Eremeev S. G.** — Doctor of Science (Economics), Professor, Dean of the Faculty of Political Science of the Saint-Petersburg State University, Cochairman of the Russian Association of Political Experts (Saint-Petersburg);
- Smorgunov L. V.** — Doctor of Science (Philosophy), Professor (St. Petersburg);
- Subetto A. I.** — Doctor of Science (Philosophy, Economics), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, President of Noosphere Public Academy of Sciences, Vice-President of the St. Petersburg office of Academy of Problems of Quality, Member of Presidium of Petrovsky Academy of Sciences and Arts (St. Petersburg);
- Komarovsky V. S.** — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Chairman of the board of educational and methodological Association of chairs of a Political Sciences Profile of a RANEPa and regional academies of public administration (Moscow);
- Makarov V. L.** — Doctor of Science (Physics and Mathematics), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic-Mathematical Institute (Moscow)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

- Kvint V. L.** — Doctor of Science (Economics), Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Doctor of North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chairman of the Board (Moscow);
- Krastins A. V.** — Honored Doctor of North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), Professor, Director of Institute of the International Economic Relations and Customs of the Riga Technical University (Latvia);
- Lezean E.** — PhD in Political Sciences (France);
- Han Lihua** — Professor, Director of Institute of Confucius at the Russian Humanities University (Moscow), Professor of Institute of the International Economy of University of the International Business and Economy (Beijing, China);
- Wolman H.** — PhD, Doctor of Science (Jurisprudence), Professor (Germany)

EDITORIAL BOARD

- Kosov Yu. V.** — Doctor of Science (Philosophy), Professor (St. Petersburg), Deputy Chief Editor;
1. *Political Sciences*
- Akopov S. V.** — PhD in Political Sciences, Associate Professor (St. Petersburg);
- Volkov V. A.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
- Vulfovich R. M.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
- Kazantsev A. A.** — Doctor of Science (History), Moscow Это в политические науки;
- Kolesnikov V. N.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
- Malkevich A. A.** — PhD in Political Sciences, Associate Professor (Omsk);
- Polyakova T. M.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
- Terebnev L. V.** — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
2. *History*
- Vershel V. P.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);
- Ezhova G. V.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);
- Isaev A. P.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);
- Lushin A. I.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);
- Morozov V. I.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);
- Novikova I. N.** — Doctor of Science (History), Professor (Saint-Petersburg)
- Sergeev V. M.** — Doctor of Science (History), Professor (Moscow)
- Shumilov M. M.** — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg).
3. *Economics*
- Balashov A. I.** — Doctor of Science (Economics), Associate Professor (St. Petersburg)
- Zaporozhan A. Ya.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Karanatova L. G.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Kuklina E. A.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Halin V. G.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Khodachek V. M.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
- Tsygalov Yu. M.** — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);
- Yanovskiy V. V.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg).

ЕВРАЗИЙСКИЙ ВЫЗОВ

- 8 ШАМАХОВ В. А.**
Многовекторность процесса евразийской интеграции
- 15 ГРИГОРЬЕВ Е. Д.**
Возможности, которые открывает сотрудничество в рамках Евразийского экономического союза, необходимо активно использовать, в том числе на региональном уровне
- 19 КУЧЕРЯВЫЙ М. М.**
К пониманию политики модернизации национальной безопасности
- 33 КРОТОВ М. И., МУНТИЯН В. И.**
Евразийский экономический союз: история, особенности, перспективы
- 48 ИВАШОВ Л. Г., ШАЦКАЯ В. И.**
ЕАЭС — новый вызов Западу
- 50 ХАВИНСОН В. Х., БЕНБЕРИН В. В., МИХАЙЛОВА О. Н., СИДОРЕНКО А. В.**
Старение в странах с развивающейся экономикой: вызовы и возможности
- 59 КОСОВ Ю. В., ФРОЛОВ В. Е.**
О перспективах расширения Евразийского экономического союза
- 66 ХАНЬ ЛИХУА**
Перспектива стыковки стратегии «Один пояс — один путь» и Евразийского экономического союза
- 71 НОВИКОВА И. Н., БУРКОВ В. Г., МЕЩЕРЯКОВ К. Е.**
Политика России на постсоветском пространстве после возвращения Крыма: вызовы и приоритеты
- 80 КАЗАНЦЕВ А. А., ГУСЕВ Л. Ю.**
Продвижение «мягкой силы» России в Центральной Азии как инструмент развития евразийской экономической интеграции
- 92 ТОРОПЫГИН А. В.**
Создание торговых зон с партнерами — новое направление сотрудничества Евразийского экономического союза
- 98 ВАСИЛЬЕВА Н. А.**
ЕАЭС: российские геополитические интересы
- 105 ГРИБАНОВА Г. И.**
Национализм и евразийская интеграция: к вопросу о роли политических элит на постсоветском пространстве
- 112 ЗЕЛЕНЕВА И. В., КОНЦОВА Е. А.**
АСЕАН и ЕАЭС: проблемы и перспективы сотрудничества
- 124 ЛАГУТИНА М. Л.**
ЕС и ЕАЭС: проблемы и перспективы сотрудничества в современных геополитических реалиях

- 137 ЕСИПОВ И. И.**
Международная молодежная интеграция на евразийском пространстве
- 142 БУЛАНАКОВА М. А.**
Политика содействия международному развитию стран Северо-Восточной Азии на Африканском континенте в XXI в.*
- 157 ЛАНКО Д. А.**
Мимикрия как препятствие для развития отношений между Евразийским экономическим союзом и Европейским союзом
- 170 ВОВЕНДА А. В., КОРЯГИН П. А.**
Развитие молодежного научно-технического сотрудничества в государствах-партнерах по Евразийскому экономическому союзу (проект «Евразийская объединенная ассоциация «Фаб-лабов»)

EURASIAN CALL

- 8 SHAMAKHOV V. A.**
Multivector Nature of the Eurasian Integration Process
- 15 GRIGORIEV E. D.**
Opportunities Opened by Cooperation within the Eurasian Economic Union, Need to Actively Be Used, Including at the Regional Level
- 19 KUCHERYAVYY M. M.**
On Understanding of the Policy of National Security Modernization
- 33 KROTOV M. I., MUNTIYAN V. I.**
Eurasian Economic Union: History, Features, Prospects
- 48 IVASHOV L. G., SHATSKAYA V. I.**
Eurasian Economic Union — a New Call to the West
- 50 KHAVINSON V. KH., BENBERIN V. V., MIKHAILOVA O. N., SIDORENKO A. V.**
Aging in Emerging Economies: Calls and Opportunities
- 59 KOSOV YU. V., FROLOV V. E.**
On Prospects of Expansion of the Eurasian Economic Union
- 66 HAN LIHUA**
Prospect of the Correlation of the Strategy «One Belt — One Road» and the Eurasian Economic Union
- 71 NOVIKOVA I. N., BURKOV V. G., MESHCHERYAKOV K. E.**
Policy of Russia in the Former Soviet Union after Return of the Crimea: Challenges and Priorities
- 80 KAZANTSEV A. A., GUSEV L. Yu.**
Promotion of «Soft Power» of Russia in Central Asia as an Instrument of Development of the Eurasian Economic Integration
- 92 TOROPYGIN A.V.**
Creation of Trade Zones with Partners — New Direction of Cooperation of the Eurasian Economic Union
- 98 VASILYEVA N. A.**
Eurasian Economic Union: Russian Geopolitical Interests
- 105 GRIBANOVA G. I.**
Nationalism and Euroasian Integration: the Role of Post-Soviet Political Elites
- 112 ZELENEVA I. V., KONTSOVA E. A.**
ASEAN and EAEU: Cooperation Problems and Prospects
- 124 LAGUTINA M. L.**
EU and EEU: Problems and Prospects of the Cooperation in the Current Geopolitical Conditions
- 137 ESIPOV I. I.**
International Youth Integration at the Eurasian Space

- 142 BULANAKOVA M. A.**
The North-East Asian countries assistance for international development on African continent in the XXI century
- 157 LANKO D. A.**
Mimicry as an Obstacle for Development of the Relations between the Eurasian Economic Union and the European Union
- 170 VOVENDA A. V., KORYAGIN P. A.**
The Development of Youth Scientific and Technical Cooperation in the Partner Countries of the Eurasian Economic Union

Многовекторность процесса евразийской интеграции

Шамахов Владимир Александрович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Директор
Доктор экономических наук
director@sziu.ru

РЕФЕРАТ

В статье представлена характеристика многовекторности евразийской интеграции, в контексте общемировых трендов современного развития. Одним из основных направлений взаимодействия в рамках евразийской интеграции сегодня выступает ЕАЭС — «Экономический пояс Шелкового пути». Такого рода взаимодействие предполагает развитие не только сферы экономики или транспорта, но и новые взаимоотношения в различных формах публичной дипломатии как важнейшего механизма становления межгосударственного стратегического партнерства на евразийском пространстве в долгосрочной перспективе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

многовекторность интеграции, ЕАЭС, «Экономический пояс Шелкового пути», транспортные коридоры, публичная дипломатия, зоны свободной торговли, рынки, региональные интеграционные процессы, региональные соглашения

Shamakhov V. A.

Multivector Nature of the Eurasian Integration Process

Shamakhov Vladimir Alexandrovich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Director
Doctor of Science (Economy)
director@sziu.ru

ABSTRACT

In the article is characterized the multi-vector of the Eurasian integration in the context of global trends of modern development. One of the key directions of cooperation within the framework of Eurasian integration now is the Eurasian Economic Union — «The economic belt of the Silk Road». Such collaboration involves the development of not only the economy or transport, but also a new relationship in various forms of public diplomacy as an important mechanism for the formation of international strategic partnership within the Eurasian space in the long term.

KEYWORDS

multi-vector integration, the Eurasian Economic Union, «The economic belt of the Silk Road», transport corridors, public diplomacy, free trade zones, markets, regional integration processes and regional agreements

Евразийская интеграция сформировалась как многовекторный процесс, охватывающий все основные сферы жизнедеятельности общества и государства. До недавнего времени интеграционная политика России была ориентирована в большей степени на западное направление. Основным торговым партнером являлся Европейский Союз. Поэтому усиление восточного вектора в последние годы создает возможность сбалансировать общую интеграционную политику нашей страны.

Россия и ее партнеры по евразийской интеграции формируют новое геополитическое пространство в соответствии с планами совместного интеграционного проекта. Контуры этого проекта были определены в 2011 г. в трех основополагающих статьях лидеров трех стран: В. В. Путина «Новый интеграционный проект для Евразии. Будущее, которое рождается сегодня»¹, А. Г. Лукашенко «О судьбах нашей интеграции»², Н. А. Назарбаева «Евразийский союз: от идеи к истории будущего»³. В сжатой, концептуальной форме в этих работах даны ответы на все важнейшие вопросы:

- почему необходима евразийская интеграция;
- в чем ее основной смысл;
- что представляет собой евразийский регион в экономическом, социальном и политическом смыслах.

В статьях изложены также организационные принципы евразийского интеграционного проекта и основные направления его конкретного воплощения.

За время, прошедшее от момента публикаций до сегодняшнего дня, произошло много событий. В полном соответствии с намеченными планами Россия, Казахстан и Беларусь перешли к новому этапу интеграции — формированию Евразийского экономического союза (ЕАЭС), который, как известно, начал работать с 1 января 2015 г. В определенном смысле, это событие знаковое не только с экономической точки зрения, но и человеческой — в обиход вернулось слово «союз» в значении близких дружеских отношений. Вскоре к Союзу присоединились Армения и Киргизия.

Развитие общего рынка в рамках ЕАЭС — сложнейшая социально-экономическая и политическая задача. Существуют внутренние и внешние негативные факторы, тормозящие развитие процесса интеграции. Не до конца гармонизированы различные сферы правоотношений. Многие регулируются национальными законами, далекими от унификации. Пока не удалось создать равные условия для деятельности предприятий разных государств, а также правил налогообложения и др. Этим постоянно занимается Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК). Стоит также добавить общемировую экономическую стагнацию, низкие цены на нефть и сырьевые ресурсы на мировом рынке, санкции. Одним словом, сейчас то время, когда необходимо мобилизоваться!

В целом евразийская интеграция вписывается в общемировой тренд регионального развития. США с ЕС, а также со странами Тихоокеанского региона уже договорились о разворачивании межрегиональных интеграционных процессов. Создание таких обширных зон свободной торговли — общемировая тенденция. Речь идет о том, на чьих условиях они будут создаваться.

Регионализация в форме международной, и, в первую очередь, экономической интеграции — это тренд межгосударственных взаимоотношений. И в этом смысле современная Евразия представляется пространством геополитической трансформации.

В данном случае имеются в виду как новые независимые государства, так и различные международные структуры. Центральное место в евразийском регионе занимают такие международные институты, как ШОС, ОДКБ, Таможенный союз, СНГ. Но здесь действуют и другие международные структуры, имеющие трансрегиональный характер, которые нельзя не принимать во внимание. Это следующие международные институты: Организация исламского сотрудничества (ОИС), Ис-

¹ См. Статья В. В. Путина «Новый интеграционный проект для Евразии. Будущее, которое рождается сегодня» // [Электронный ресурс]. URL: <http://izvestia.ru/news/502761> (дата обращения: 19.10.15).

² См. статья А. Г. Лукашенко «О судьбах нашей интеграции» // [Электронный ресурс]. URL: <http://izvestia.ru/news/504081> (дата обращения: 19.10.15).

³ См. статья Н. А. Назарбаева «Евразийский союз: от идеи к истории будущего» // [Электронный ресурс]. URL: <http://izvestia.ru/news/504908> (дата обращения: 19.10.15).

ламский банк развития (ИБР), Организация экономического сотрудничества (ОЭС)¹. Конечно, необходимо помнить о таких структурах, как Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Совет евроатлантического партнерства (СЕАП), программа НАТО «Партнерство во имя мира», программа ЕС «Региональная стратегия поддержки Центральной Азии Евросоюзом» и «Европейская инициатива в области демократии и прав человека».

Следует согласиться с известным экспертом Ж. О. Омуровой, сотрудником Киргизского национального университета им. Баласыгана, которая пишет, что ШОС — это китайский вектор внешних связей региона, ОИК, ОЭС, ИБР — исламский вектор, ОБСЕ, ЕС — европейский, а СЕАП и программы НАТО, соответственно, евроатлантический. Таким образом, можно говорить, что в Евразии складывается региональная система многоуровневого управления. Совершенно понятно, что глобализация не знает региональных границ, и влияние указанных уровней, конечно, далеко не одинаковое. Так, Китайская Народная Республика продвигает свой интеграционный проект «Экономический пояс Шелкового пути». Россия и Китай договорились о достижении взаимодействия двух интеграционных проектов — Евразийского экономического союза и «Экономического пояса Шелкового пути». Но взаимодействие не отвергает конкуренции, как между этими ведущими странами, так и остальными объектами международных отношений. Основные выгоды получит тот, кто успешнее, с большей для себя пользой впишется в новый проект, будет создавать многоуровневую систему управления интеграцией.

В чем наши сравнительные преимущества? Для их нахождения и обоснования, безусловно, требуется исследовательская деятельность. Однако есть сферы деятельности и правоотношений, где такие преимущества позволяет выявить даже краткий анализ евразийского регионального развития. К таким зонам превосходства относятся транспорт и трансграничное/приграничное сотрудничество.

Вокруг «Шелкового пути», вдоль дорог, соединивших Восток и Запад, возникали государства, впитавшие в себя мудрость Востока и прагматизм Запада. Транспорт привнес новое качество жизни.

Нам, жителям Петербурга, это может быть даже яснее чем другим. В нашем городе закладывались основы евразийского сотрудничества в транспортной сфере. Так, первая Международная евро-азиатская конференция по транспорту, которая состоялась в мае 1998 г. в Санкт-Петербурге, вызвала большой резонанс у профессионалов-транспортников и общественности. Вторая Международная евро-азиатская конференция по транспорту (Санкт-Петербург, 2000 г.)² обсудила конкретные проекты и документы.

В рамках этого обсуждения Европейская Экономическая комиссия ООН (ЕЭК ООН) и Экономическая и социальная комиссия для Азии и Тихого океана ООН (ЭСКАТО ООН) представили «Общую стратегическую позицию по евро-азиатским транспортным связям» — документ, охватывающий все направления развития транспорта в регионе Евразия.

В «Стратегической позиции» были представлены четыре основных евразийских транспортных коридора:

Транссиб: Европа (панъевропейские транспортные коридоры) — Российская Федерация — Япония (с тремя ответвлениями из РФ: Казахстан — Китай, Корейский полуостров, Монголия — Китай).

¹ Организация экономического сотрудничества (ОЭС) создана в 1985 г., с 1992 г. в нее входят Киргизия, Таджикистан, Туркменистан, Казахстан, Узбекистан, Афганистан, Азербайджан. Штаб-квартира в Тегеране (Иран).

²См. Вторая международная евро-азиатская конференция по транспорту // [Электронный ресурс]. URL: http://www.mintrans.ru/news/detail.php?ELEMENT_ID=680 (дата обращения: 19.10.15).

ТРАСЕКА: Восточная Европа — переправа на Черном море (Кавказ) — переправа на Каспийском море — Центральная Азия.

Южный: Юго-Восточная Европа — Турция — Исламская Республика Иран (с двумя ответвлениями на Центральную Азию — Китай, Южную Азию — Юго-Восточную Азию, Южный Китай).

Север–Юг: Северная Европа — Российская Федерация (с тремя ответвлениями на Кавказ — Персидский залив, Центральную Азию — Персидский залив, переправу на Каспийское море — Исламскую Республику Иран — Персидский залив).

Такой подход учитывается при развитии транспортной инфраструктуры евразийского региона. В Договоре «О евразийском экономическом союзе» развитию транспорта посвящен целый раздел. В нем ставится задача формирования скоординированной транспортной политики. Задачами такой политики являются:

- создание общего рынка транспортных услуг;
- эффективное использование транспортного потенциала;
- обеспечение безопасности на транспорте и т. д.

У нас есть все условия для того, чтобы предложить и, более того, влиять на правила развития этого сектора взаимодействия.

В контексте реализации таких масштабных проектов как новый «Экономический пояс Шелкового пути» и ЕАЭС одной из важнейших задач является развитие системы интеграционных связей между государствами в различных формах, в том числе и трансграничных. Основными участниками трансграничного сотрудничества являются внутренние субъекты: области, губернии, уезды, крупные города. Между субъектами данного сотрудничества устанавливаются прямые связи, которые регулируются национальными законодательствами и регламентируются в рамках договоров и соглашений, заключенных в рамках международных проектов. Подобная форма сотрудничества имеет наилучшие перспективы именно в рамках определенного геополитического пространства, так как территориальные образования внутри него относительно компактны в географическом измерении, с развитой системой транспортных коммуникаций и связи.

Важным этапом развития евразийского региона может стать совместный интеграционный проект России и Китая. 8 мая 2015 г. руководители России и Китая В. В. Путин и Си Цзиньпин договорились о сопряжении проектов ЕАЭС и «Шелковый путь». В результате такого сопряжения будет создано общее евроазиатское торгово-экономическое пространство и транспортный коридор между Европой и Азией.

Настоящий проект на данной стадии своего развития является двусторонним российско-китайским, однако даже краткий предварительный анализ геополитической конфигурации, экономической составляющей, транспортной и логистической структуры проекта показывает, что он может в разной степени вовлечь не один десяток стран. Уже сейчас большие надежды на данный проект возлагает Южная Корея. Из южнокорейских и китайских портов по морскому пути суда-контейнеровозы с товарами из Восточной Азии проходят путь до гаваней Западной Европы за 40–45 суток. Обсуждаемый проект позволит создать транспортный коридор, который сократит время в пути в 3–4 раза.

Сопряжение ЕАЭС и «Шелкового пути» следует рассматривать как мега-проект, который будет включать в себя большой массив разнообразных проектов различных масштабов. К ним относятся высокоскоростная магистраль Москва–Пекин, включая строящийся сейчас отрезок от Москвы до Казани, который станет ее частью. Возникнут финансовые подпроекты по финансированию сопряжения ЕАЭС и «Шелкового пути», в которых заинтересованы как китайские и российские банки, так и недавно созданный банк БРИКС, а также банки других, третьих стран.

В зонах, где будет проходить транспортный коридор, будут возникать новые предприятия и производства, а в месте концентрации таких предприятий появятся зоны высокого развития. Большой интерес к данному проекту проявляют государства Центральной Азии, прежде всего Казахстан; велик интерес к этому проекту в Беларуси, которая может стать мостом Западной Европы для прохождения значительных объемов грузов из транспортных коридоров Шелкового пути. В данной связи совершенно очевидно, что проект сопряжения ЕАЭС и «Великого шелкового пути» по мере своего развития будет все больше выходить за территориальные пределы и пределы юрисдикции Евразийского союза и КНР.

Для устойчивого функционирования данного мега-проекта и нахождения взаимопонимания между государствами, которые будут привлекаться к нему с различной скоростью вхождения и с различной степенью участия, необходимо создание международных организаций и институтов. Такие организации будут необходимы для поддержания устойчивого развития на общем экономическом пространстве ЕАЭС и «Шелкового пути» для снижения рисков и предотвращения угроз безопасности в геополитических рамках проекта. Безусловно, потребуются создание межгосударственных, межправительственных организаций и институтов. Эти вопросы призваны решать государственные структуры КНР, РФ и других заинтересованных стран силами кадровых дипломатов и государственных чиновников, имеющих соответствующие полномочия.

На завершающем этапе окончательное решение будет приниматься на высоком уровне глав государств России, Китая и других стран, вовлеченных в проект. Поэтому эксперты СЗИУ РАНХиГС не претендуют на разработку проектов указанных межгосударственных объединений. Задачи, которые мы перед собой ставим в исследовательском плане, несколько скромнее, но тем не менее актуальны.

Опыт последних десятилетий показывает, что многосторонняя дипломатия, международное, межгосударственное сотрудничество являются наиболее успешными там, где они опираются на народную дипломатию, на так называемую дипломатию «второй дорожки». Данная дипломатия обеспечивает многосторонним проектам межгосударственного сотрудничества позитивное восприятие в общественном сознании и поддержку народных масс.

Проведенный экспертами СЗИУ РАНХиГС анализ показал, что наиболее перспективными негосударственными организациями в рамках народной многосторонней дипломатии являются молодежные, профессиональные и информационные.

Особого внимания заслуживает деятельность молодежных организаций Китая, России и других стран, ориентированных на расширение интеграции на Евразийском континенте.

В документах Организации Объединенных Наций по молодежной политике подчеркивается, что участие молодежи в жизни общества в наибольшей мере следует осуществлять через неправительственные организации. ООН рекомендует неправительственным организациям учитывать новаторскую роль молодых людей в реализации программ этих организаций; способствовать широкому вовлечению молодежи в их деятельность с целью приобретения социального опыта; привлекать внимание общественности к молодым вопросам, как посредством пропаганды, так и через свои программы, свою деятельность; укреплять сотрудничество различных неправительственных организаций с целью объединения усилий и обмена идеями, опытом; проводить изучение различных проблем молодежи и определять пути их разрешения, объединяя усилия общества в этой сфере; вносить в национальные и местные правительства предложения и программы в области молодежной политики; укреплять связи разного рода неправительственных, в том числе молодежных, организаций с ООН и ее структурами для постановки вопросов о роли и месте молодежи в мировых процессах.

Молодежные организации возникают в результате общественной активности перспективных людей, представляющих академические круги, бизнес-сообщества, политические объединения и т. п. Как показывают наши исследования, среди молодежи Санкт-Петербурга, России, а также среди китайских студентов, обучающихся в России, решение лидеров двух наших стран получает широкую поддержку и желание участвовать в его реализации через создание молодежных объединений.

Важное значение для осуществления сопряжения проектов, о которых мы говорим, имеет участие молодежных организаций в сотрудничестве, охватывающем все основные сферы общественной жизнедеятельности, включая экономическую, социальную, культурную и духовную сферы жизнедеятельности.

В качестве примера приведу СЗИУ РАНХиГС, где активно действует Евразийская молодежная ассамблея (ЕМА), которая уже включилась в работу по налаживанию взаимодействия между ЕАЭС и проектом «Шелковый путь». Во время визита представителей ЕМА в КНР, в составе делегации Правительства Санкт-Петербурга, было проведено мероприятие «Бессмертный полк».

Указанная акция зародилась в России несколько лет назад и связана с увековечением памяти героев, погибших при защите Родины во время Второй мировой войны. Китай и Россия — два государства, внесших наибольший вклад в победу во Второй мировой войне и понесших наибольшие потери. В акции, которую организовали студенты нашего института, приняли участие их друзья и коллеги из китайских университетов. Таким образом, удалось совместно почтить память и российских, и китайских защитников наших стран в годы Второй мировой войны. Такое сотрудничество сблизило российских и китайских молодых людей, позволило им более конкретно и доверительно обсуждать взаимодействие наших стран при реализации будущих проектов сотрудничества.

В настоящее время рассматриваем возможность создания российско-китайской молодежной ассоциации ЕАЭС и «Шелкового пути», объединяющей равноуровневые молодежные организации международной направленности, существующие в наших двух странах. В дальнейшем к ней смогут присоединиться представители других стран Евразийского континента, которые будут представлять свою платформу для эффективного взаимодействия различных групп молодежи. В этой ассоциации могут быть представлены национальные советы молодежи, международные молодежные организации, международные отраслевые молодежные ассоциации, национальные молодежные неправительственные организации, национальные студенческие организации и местные молодежные организации, в зависимости от решаемых задач. Основными задачами ассоциации будут создание молодежной площадки для евразийской интеграции, осуществление прав и обеспечение активного участия молодежи в общественной жизни и процессе принятия решений, выявление потребностей молодежных организаций, а также участие в разработке и осуществлении молодежной политики.

Децентрализация сотрудничества создает новые возможности для проявления внутренними регионами большей самостоятельности в установлении и развитии внешних связей. Наиболее активно партнерство налаживается между внутренними регионами соседних государств, входящих в состав одного международного геополитического региона. Участники трансграничного сотрудничества могут выбирать себе партнеров, методы и формы взаимодействия без излишней бюрократизации, которая имеет место при централизации подобных отношений. Такой подход позволяет оптимизировать связи с учетом конкретных возможностей и потребностей регионов, делать их более динамичными и эффективными.

Трансграничные связи в контексте развития взаимодействия двух проектов должны охватывать основные сферы жизнедеятельности государств: политическую, экономическую, культурную, экологическую и др. Однако, в трансграничном со-

трудничестве ключевую роль должны играть экономические связи. Легче всего наладить трансграничный торговый обмен между сопредельными или близлежащими территориями различных стран. Подобные обмены обычно имеют взаимовыгодный и взаимодополняющий характер. В них наряду с крупными корпорациями может принять участие средний и малый бизнес. Углубление трансграничных экономических связей во многих случаях сопровождается созданием соответствующих транспортных сетей и телекоммуникационных систем. Возникая на основе локальных структур внутренних регионов, они превращаются в трансграничную инфраструктуру единого геополитического пространства.

И здесь существует, на наш взгляд, неплохой задел. Еще в рамках Евразийского экономического сообщества была разработана солидная нормативно-правовая база трансграничного и приграничного сотрудничества. Достаточно сказать, что приграничное сотрудничество осуществлялось в форме «евразрегионов», по аналогии с «еврорегионами» — основной моделью такого сотрудничества, как в Европе, так и между ЕС и Россией.

В статье мы рассмотрели лишь некоторые зоны превосходства, которые Россия может создать или развивать на более высоком уровне в результате конструктивного участия в процессах евразийской интеграции.

Возможности, которые открывает сотрудничество в рамках Евразийского экономического союза, необходимо активно использовать, в том числе на региональном уровне

Григорьев Евгений Дмитриевич

Председатель Комитета по внешним связям Санкт-Петербурга
grigoriev@kvs.gov.spb.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена перспективам, которые открываются для участников Евразийского экономического союза. Особое внимание уделено сотрудничеству на региональном уровне. Автор анализирует экономические, культурные, научные связи Санкт-Петербурга с государствами-участниками Евразийского экономического союза.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Евразийский экономический союз, Санкт-Петербург, интеграция, региональное сотрудничество, программа сотрудничества

Grigoriev E. D.

Opportunities Opened by Cooperation within the Eurasian Economic Union, Need to Actively Be Used, Including at the Regional Level

Grigoriev Evgeny Dmitriyevich

Chairman of the Committee for External Relations of Saint-Petersburg (Russian Federation)
grigoriev@kvs.gov.spb.ru

ABSTRACT

The article is devoted to prospects, which open for participants of the Eurasian Economic Union. The special attention is paid to cooperation at the regional level. The author analyzes economic, cultural, scientific relations of St. Petersburg with the State Parties of the Eurasian Economic Union.

KEYWORDS

Eurasian Economic Union, St. Petersburg, integration, regional cooperation, program of cooperation

Активизация интеграционных процессов в современном мире является логичным следствием произошедших изменений геополитического ландшафта и сдвигов в глобальной экономике. Экспертным сообществом эти тенденции уже давно воспринимаются как закономерность, и главное, о чем стоит рассуждать в этой связи, — это возможности использования текущей ситуации во благо своей страны и родного города.

Создание Евразийского экономического союза и его системное развитие, включающее проекты новых зон свободной торговли и работу по сопряжению ЕАЭС и «Экономического пояса Шелкового пути», формирует принципиально новые условия для стабильного и эффективного развития экономик государств-участников и повышения уровня жизни населения.

Четыре свободы в рамках ЕАЭС: свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а также координация экономической политики дают нам хорошие

преимущества для развития макроэкономики и финансового сектора, транспорта и энергетики, промышленного и агропромышленного комплексов и т. д.

Принципиальные договоренности, достигнутые в рамках ЕАЭС, задают определенное общее поле, в пределах которого регионы реализуют свои конкретные проекты. Сотрудничество на региональном уровне — это всегда интересная и предметная работа, непосредственные шаги по реализации сформулированных руководством страны задач. Образно это можно было бы представить так, что каждый из регионов укладывает собственные кирпичи в строительство единого и монументального здания, спроектированного на уровне федерального центра. И в продолжение этой метафоры хочу сказать, что Санкт-Петербург способен построить в этом здании весьма существенную часть.

Не будет преувеличением сказать, что Санкт-Петербург развивает контакты с городами-партнерами в государствах-участниках ЕАЭС на приоритетных началах.

Инструменты, которыми мы обладаем для развития взаимосвязей на региональном уровне, — это проведение Дней и культурно-деловых миссий Санкт-Петербурга в городах-партнерах и прием ответных мероприятий на берегах Невы, а также организация взаимных визитов конкретных специалистов для ознакомления с передовой практикой партнеров и проведения переговоров о сотрудничестве.

Согласно статистике, по итогам 2014 г. товарооборот между Санкт-Петербургом и странами Евразийского экономического союза увеличился на 8% по сравнению с 2013 г. и составил 2,6 млрд долл. Лидирующим торговым партнером Санкт-Петербурга среди государств-членов ЕАЭС остается Беларусь. В 2014 г. торговый баланс нашего города с Беларусью составил 1,9 млрд долл. (9-е место среди торговых партнеров Санкт-Петербурга). Объем взаимной торговли Санкт-Петербурга с Казахстаном по итогам 2014 г. составил 551,4 млн долл., с Киргизией — 103,7 млн долл., Арменией — 30,9 млн долл..

Бесспорно, при имеющемся потенциале эти цифры можно считать весьма скромными, и поэтому наиболее актуальная задача, которая сейчас перед нами стоит, — нарастить темпы сотрудничества, способствовать развитию кооперационных связей.

«Дорожной картой» для совместной работы являются Программы торгово-экономического, научно-технического и гуманитарного сотрудничества, которые дополняют Соглашения о сотрудничестве.

Такие Программы подписываются сроком на несколько лет и являются результатом большой предварительной работы по определению и согласованию перспективных и взаимовыгодных направлений. Подписывая такой документ, стороны выражают готовность действовать в соответствии с намеченным планом, позволяющим выстраивать взаимодействие комплексно и систематично.

Программы сотрудничества предусматривают совместную работу практически по всем направлениям, представляющим взаимный интерес: создание условий для развития бизнес-связей, в том числе проведение разносторонних встреч и круглых столов, сотрудничество в области строительства, охраны окружающей среды, изучение опыта организации городского хозяйства, внедрение энергосберегающих технологий, развитие транспортной инфраструктуры, взаимодействие между школами, общественными и молодежными организациями, культурный обмен и многое другое. Практически за каждым из профильных комитетов Администрации Санкт-Петербурга закреплен определенный участок работы, который планомерно превращается в жизнь.

В сотрудничестве с Республикой Беларусь важную роль в развитии двусторонних отношений играет Совет делового сотрудничества Правительства Санкт-Петербурга и Правительства Республики Беларусь, созданный в 2007 г. Председателем Совета со стороны Санкт-Петербурга является губернатор Санкт-Петербурга, со стороны Беларуси — премьер-министр Республики М. В. Мясникович.

Деятельность Совета направлена на координацию и содействие хозяйствующим субъектам, расположенным на территориях Санкт-Петербурга и Республики Беларусь, расширение кооперационных связей, реализацию совместных экономических проектов и программ сотрудничества, а также контроль за их исполнением. Совет также занимается вопросами подготовки совместных мероприятий в гуманитарной, научной и культурной сферах. Заседания Совета проходят ежегодно, в них принимают участие около 60 петербургских и белорусских предприятий и организаций. В ноябре этого года в Санкт-Петербурге пройдет восьмое заседание Совета.

Кроме того, следует отметить, что большой вклад в продвижение белорусских товаров на рынок Санкт-Петербурга играют регулярно проводимые закупочные сессии и выставки-ярмарки белорусских товаропроизводителей в районах Санкт-Петербурга. Важную роль играют активная позиция Министерства иностранных дел Республики Беларусь и Отделения Посольства Республики Беларусь в Российской Федерации в Санкт-Петербурге, взаимодействие между Санкт-Петербургской и Белорусской торгово-промышленными палатами.

Активные контакты поддерживаются и с другими государствами-партнерами по ЕАЭС.

Ежегодно мы проводим не менее 2–3 крупных совместных проектов с Казахстаном, Арменией и Киргизией. В числе таких проектов можно назвать деловую миссию Санкт-Петербурга в Казахстан в мае 2013 г., Дни Санкт-Петербурга в Астане в ноябре 2013 г. (прошли при участии губернатора Санкт-Петербурга Г.С. Полтавченко), Дни Астаны в Санкт-Петербурге в мае 2014 г. (при участии акима Астаны И.Н. Тасмагамбетова), культурно-деловая миссия Санкт-Петербурга в Алма-Ату в июне 2014 г., культурно-деловая миссия Санкт-Петербурга в сентябре 2015 г. Из последних событий, организованных совместно с городом-партнером Ереваном, следует назвать визит в Ереван делегации Санкт-Петербурга во главе с вице-губернатором О.А. Казанской в 2014 г., визит в Северную столицу мэра Еревана Т.А. Маргаряна в декабре 2014 г., культурно-деловая миссия Санкт-Петербурга в Ереван в конце апреля — начале мая 2015 г. и ответный визит делегации Еревана во главе с мэром города Т. Маргаряном в конце мая 2015 г. Помимо этого проводится множество рабочих встреч и других мероприятий, организованных, например, Санкт-Петербургской армянской национально-культурной автономией.

Среди крупных совместных проектов, реализуемых в соответствии с договоренностями руководства наших городов, особенно выделяется строительство «Торгового дома «Ереван» в Санкт-Петербурге и гостиницы «Санкт-Петербург» в Ереване. Зеркальное отражение названий этих знаковых для обеих сторон проектов служит своего рода мостом дружбы, проложенным через 3 тыс. километров.

В октябре 2013 г. прошли Дни Санкт-Петербурга в Бишкеке и г. Оше, в июне 2015 г. состоялись Дни Бишкека в Санкт-Петербурге (официальную делегацию Бишкека возглавил мэр города К.К. Кулматов).

При взаимодействии с Киргизией основным механизмом координации совместной работы являются ежегодные заседания Межправительственной санкт-петербургско-киргизской комиссии по торгово-экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству.

В заседаниях принимают участие представители исполнительных органов государственной власти и делового сообщества Санкт-Петербурга и Киргизской Республики. Ключевыми вопросами, обсуждаемыми в рамках заседаний, являются: энергетика и инженерное обеспечение, промышленность, поставки сельскохозяйственной продукции, транспорт, благоустройство, социальное развитие, здравоохранение, труд и занятость, наука и образование.

Седьмое заседание Межправительственной киргизско-санкт-петербургской совместной комиссии прошло в начале июня 2015 г. в Санкт-Петербурге.

Помимо экономики большой интерес у наших партнеров традиционно вызывают совместные проекты в области науки, образования, здравоохранения и в социальной сфере. У нас хорошо выстроена работа по обмену опытом и проведению консультаций специалистов в области медицины, организации курсов повышения квалификации и подготовки образовательных кадров.

Высшие учебные заведения нашего города традиционно имеют высокий рейтинг среди партнеров, поэтому большое внимание уделяется поддержке и развитию межвузовских программ сотрудничества, включающих прием и обучение молодежи из стран ЕАЭС.

Уверен, что Санкт-Петербургу со своей стороны будет что предложить, когда будет реализована состыковка ЕАЭС и «Экономического пояса Шелкового пути».

В конце сентября 2015 г. в китайском городе Сиань на Евразийском экономическом форуме делегация Санкт-Петербурга представила потенциал нашего города как стратегического центра на карте «Экономического пояса Шелкового пути». Согласно концепции, разработанной китайской стороной, одна из ветвей этой гигантской торговой артерии должна вести из Китая через Центральную Азию, Россию и до Европы через Балтийское море. И для этого маршрута с точки зрения логистики наиболее эффективной представляется опора на Санкт-Петербург.

Безусловно, можно с гордостью отметить, что наш город обладает высоким авторитетом на международной арене. Стабильные показатели социально-экономического развития, признанный научный, промышленный и культурный потенциал определяет Северную столицу как перспективного и надежного партнера. Санкт-Петербург является городом, открытым миру, и активно развивает внешние связи, в первую очередь, в рамках таких объединений, как Евразийский экономический союз.

К пониманию политики модернизации национальной безопасности

Кучерявый Михаил Михайлович

Руководитель управления Федеральной службы по техническому и экспортному контролю (ФСТЭК России) по Северо-Западному федеральному округу (Санкт-Петербург)
Генерал-лейтенант запаса
Доктор политических наук
szfo@fstec.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются вопросы обеспечения национальной безопасности России в условиях угроз из глобального информационного пространства. Впервые акцентируется внимание на реализацию государственной политики информационного суверенитета в условиях современного глобального мира, а также вводятся новые категории и понятия информационного измерения суверенитета России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

национальная безопасность, политика модернизации национальной безопасности, государственная политика информационного суверенитета, информационный суверенитет, информационная безопасность, информационно-политическая безопасность, угрозы национальной безопасности России, угрозы в информационной сфере

Kucheryavyy M. M.

On Understanding of the Policy of National Security Modernization

Kucheryavyy Mikhail Mikhailovich

The Chief of headquarters in the North-West Federal District of the Federal Service for Technical and Export Control (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Lieutenant General Reserve
Doctor of Political Science
szfo@fstec.ru

ABSTRACT

In the article questions of ensuring national security of Russia in the conditions of threats from global information space are considered. The attention to realization of a state policy of the information sovereignty in the conditions of the modern global world is for the first time focused, and also new categories and concepts of information measurement of the sovereignty of Russia are entered.

KEYWORDS

national security, policy of modernization of national security, state policy of information sovereignty, the information sovereignty, information security, information and political safety, threats of national security of Russia, threat in the information sphere

Статус России как великой мировой державы и ее ведущую роль в процессах обеспечения международной и национальной безопасности признают, а точнее вынуждены признавать все основные субъекты мирового сообщества. Это связано с целенаправленной деятельностью нашего государства по укреплению существующих и формированию новых центров политической, экономической и военной силы, таких как: СНГ, ОДКБ, ЕАЭС, ШОС, БРИКС и других. В условиях современного глобального мира существенно меняется система международных отношений: с одной стороны, тенденции перехода к многополярному миру носят необратимый характер; с другой —

устремление США и их союзников сохранить монополярный диктат значительно увеличивает угрозы национальной безопасности России.

В ежегодном послании Федеральному собранию 5 декабря 2014 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин отметил: «Мы будем отстаивать многообразие мира. Будем доносить до людей за рубежом правду. Чтобы все видели настоящий, а не искаженный, фальшивый образ России. И делать это даже в тех случаях, когда правительства некоторых стран пытаются выстроить вокруг России чуть ли не новый „железный занавес“» [3].

Президент России в ходе своего выступления на юбилейной 70-й Генеральной Ассамблее ООН в Нью-Йорке и в ходе завершения работы дискуссионного клуба «Валдай» в Сочи в октябре этого года дал оценку сложившейся геополитической обстановке в мировом сообществе, охарактеризовал новые угрозы миру и определил роль России по укреплению международной безопасности в данных условиях.

Геополитическая ситуация вокруг Российской Федерации становится все более сложной и напряженной, возникли прямые угрозы национальной безопасности страны, что вызвано агрессивной, целенаправленной политикой США и стран Запада по поддержке вооружением и финансами от наркобизнеса и нелегальной торговли нефтью международных террористов в Сирии и Ираке, так называемого «исламского государства»; разворачиванием элементов глобальной американской системы ПРО и продвижением непосредственно к нашим границам военно-политических и экономических блоков и союзов; подстрекательством нынешнего руководства Украины к развязыванию военных действий внутри страны.

Впервые термин «национальная безопасность» был введен в политический лексикон президентом США Теодором Рузвельтом в 1904 г. До 1947 г. он употреблялся в смысле «обороны», а не интеграции внешней, внутренней и военной политики.

В российской истории термин «национальная безопасность» впервые был применен в Федеральном законе «Об информации, информатизации и защите информации» в 1995 г. [5]. Свое дальнейшее развитие понятие «национальная безопасность» получило в Послании по национальной безопасности Президента Российской Федерации Федеральному собранию 13 июня 1996 года: «...национальная безопасность понимается как состояние защищенности национальных интересов от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее прогрессивное развитие личности, общества и государства» [4].

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. дано определение понятию «национальная безопасность» как «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойное качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства» [2].

Содержание национальной безопасности страны представлено на рис. 1.

Важное значение имеет постоянный политологический анализ всего спектра угроз национальной безопасности России. Причины угроз необходимо выявлять, проводить анализ для определения системности воздействия и выработать пути, методы и средства их нейтрализации.

Обобщенная схема структуры угроз национальной безопасности представлена на рис. 2.

Под угрозами национальной безопасности следует понимать возможность нанесения ущерба личности, обществу, государству с целью нарушения суверенитета, территориальной целостности и обороноспособности страны.

В сегодняшнем глобальном мире одним из основных приоритетов обеспечения национальной безопасности Российской Федерации является безопасность в информационной сфере. В данной связи необходимо выделить угрозы, кото-

Рис. 1. Содержание национальной безопасности

рые действуют через компоненты информационной сферы, и провести их классификацию.

Предлагается классификация угроз безопасности в глобальном информационном пространстве по следующим признакам: по происхождению угроз, по расположению источника угроз, по компонентам информационной сферы, по характеру деструктивного воздействия, по цели воздействия, по масштабу проявления (рис. 3).

Проведенный анализ основных групп угроз национальной безопасности показал, что на первый план в современной международной политике выходят вызовы и угрозы, имеющие трансграничную природу. Среди них в первую очередь следует выделить угрозы, которые воздействуют через компоненты информационной сферы. К ним можно отнести:

- информационное доминирование;
- информационную агрессию;
- возможность развязывания информационной войны;
- международный информационный терроризм;
- политическую пропаганду другими странами чуждых российскому менталитету идей;
- деструктивное воздействие интернета, СМИ на общественное сознание граждан, на систему политического управления государством;
- использование информационного пространства в ходе военных конфликтов всех масштабов — от локальных, региональных и до международных;
- борьбу за энергоресурсы и другие.

В этой связи общая стратегия политики модернизации национальной безопасности России на обозримый период будет определяться эффективностью решения глобальных проблем:

- предотвращением локальных и региональных конфликтов, борьбой с международным терроризмом и транснациональной преступностью;
- недопущением распространения ядерного оружия (ЯО), других видов оружия массового уничтожения (ОМУ) и их технологий;

Рис. 2. Структура угроз национальной безопасности страны

- принятием адекватных мер в связи с приближением НАТО к границам России, развертыванием элементов ПРО и гонкой вооружений;
- разрешением финансово-экономических, экологических, энергетических кризисов и проблем миграции населения, беженцев.

Как видно, данная стратегия безопасности ориентирована на деятельность государства в реальном геополитическом пространстве.

Для проведения политики модернизации национальной безопасности страны необходимо учитывать сложившиеся характерные тенденции глобального информационного мира:

- превращение информационной безопасности в базовый элемент всей системы национальной безопасности;
- повышение ценности и значимости информации для поддержания безопасности;
- увеличение доли информационных коммуникаций в оборонном потенциале;
- возникновение новых угроз информационной безопасности глобального масштаба.

Предлагаем комплексный подход по реализации политики модернизации национальной безопасности по направлениям, учитывающим современные тенденции в глобальном информационном пространстве:

- прогнозирование и предотвращение кризисных явлений во всех сферах жизнедеятельности общества с широким использованием ИКТ;

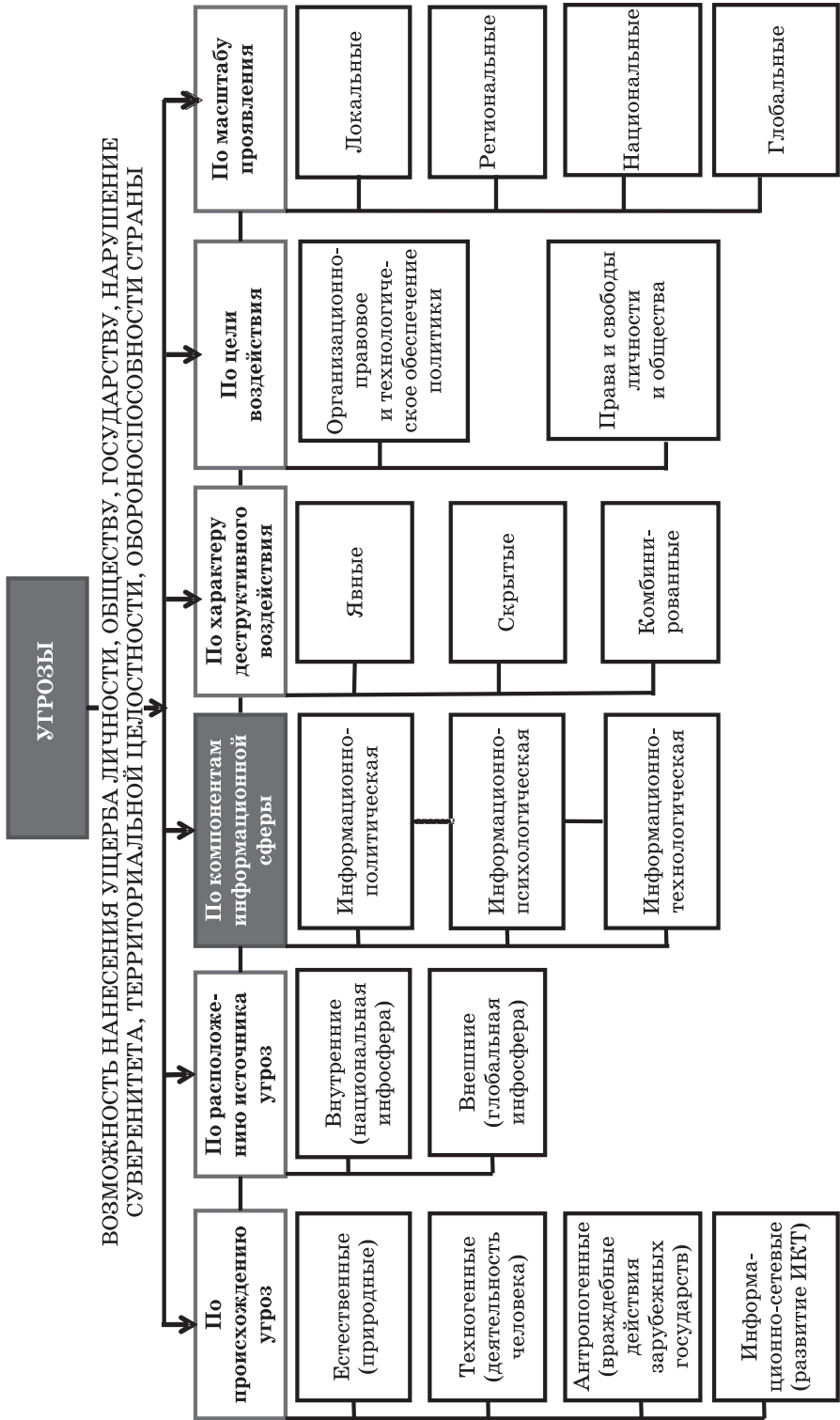

Рис. 3. Классификация угроз национальной безопасности в глобальном информационном пространстве

- сотрудничество с международным сообществом по предотвращению военных конфликтов, борьбе с международным терроризмом и трансграничной преступностью;
- военно-политическая и дипломатическая деятельность по нераспространению ЯО, неприменению ОМУ, ограничению системы ПРО;
- недопущение противоправного использования информационных технологий во всех сферах жизнедеятельности человечества.

Фактор воздействия военно-политической глобализации на национальную безопасность страны выступает ключевым в модернизации всей системы национальной безопасности страны.

Во-первых, государство с хорошо подготовленными и оснащенными вооруженными силами, в условиях жесткого противостояния, способно гарантировано обеспечить свою обороноспособность.

Во-вторых, военно-политическая глобализация дала толчок развитию инновационных технологий, которые позволили создать новые современные вооружения, новые виды, рода войск и стратегическое командование.

В-третьих, глобализация привела к расширению сфер боевого применения вооруженных сил не только в традиционном геополитическом пространстве (сухопутные, морские и воздушные территории), но и в космическом, а также виртуальном информационном пространстве.

Таким образом обосновывается целостность введения в политическую науку новых категорий и понятий, необходимых для теоретического изучения и практического применения в информационном измерении системы безопасности страны.

В ходе проведенного исследования автором проделана работа по систематизации содержания понятия «суверенитет» по его видам: внешний и внутренний и аспектам: государственный, национальный и народный. Раскроем содержание данных понятий.

В целом понятие «суверенитет» означает состояние независимости государственной власти от какой-либо иной власти.

Внутренний суверенитет — верховенство и полнота государственной власти по отношению ко всем другим учреждениям в политической системе общества.

Внешний суверенитет — независимость и равноправие государства как субъекта международного права во взаимоотношениях с другими государствами.

Государственный суверенитет — это качественный признак государства, характеризующий его политико-правовую сущность; такое политико-юридическое свойство государственной власти, которое означает ее верховенство и полноту внутри страны, независимость и равноправие во внешнем мире. В свою очередь основными видами государственного суверенитета являются: экономический, идеологический, дипломатический, военный, юридический.

Наряду с государственным суверенитетом используются такие понятия, как национальный и народный суверенитет.

Национальный суверенитет — полновластие нации, ее политическая свобода, обладание реальной возможностью определять характер своей национальной жизни.

Народный суверенитет — верховенство народа как источника и носителя власти, его право самому решать свою судьбу.

Охарактеризуем основные элементы, составляющие структуру государственного суверенитета.

Экономический суверенитет — это верховенство государства во внутренних экономических делах и обеспечение экономического равноправия страны среди всех государств мирового сообщества. Если внутри государства не обеспечиваются контрольные функции над своей экономикой, то ее будут контролировать другие зарубежные представители, которые в любой момент смогут обрушить экономику страны или сделать страну сырьевым придатком другого государства или союза

государств. В настоящее время развитие подобной ситуации наблюдается на территории Украины.

Идеологический суверенитет определяется наличием своей государственной идеологии, языка и культуры. Если государство не в состоянии иметь собственную идеологию, то обществу такой страны легко можно навязать любую чуждую культуру, что может привести к потере самого государства. Именно с потерей идеологического суверенитета начался распад такой мощной державы, как Союз Советских Социалистических Республик.

Военный суверенитет — безусловное обеспечение безопасности граждан своей страны, общества от внутреннего врага и надежная защита своего государства от внешнего военного нападения. Ослабление военного суверенитета СССР привело к выводу войск из Германии, Польши, Венгрии, краху Организации Варшавского договора и — как следствие — к развалу мощной структуры Вооруженных сил великой державы.

Дипломатический суверенитет — это возможность государства проводить независимую международную политику. Дипломаты свою деятельность соотносят всегда с военной мощью государства и развитой экономикой.

Юридический суверенитет — это закрепление статуса суверенного государства в законодательной форме и признание его странами мирового сообщества. Закрепляя законное право на существование государства, он является одним из главных показателей его суверенности.

Таким образом, можно констатировать тот факт, что утрата или ослабление любого из данных основных элементов (группы элементов) государственного суверенитета постепенно приведет к краху государства в целом.

В конце XX — начале XXI вв. значительно усилились процессы глобализации во всех сферах деятельности мирового сообщества, при этом многократно возрос информационный обмен с использованием информационно-коммуникационных технологий как внутри страны, так и за ее пределами. Здесь уместно процитировать слова академика А. И. Берга: «Информация пронизывает все поры жизни и общества» [6, с. 152].

Таким образом, в эпоху становления и дальнейшего развития информационного общества мы приходим к пониманию необходимости выделения в структуре государственного суверенитета обособленной ее части и определении его понятием как информационный суверенитет.

Структура и содержание информационного суверенитета представлены на рис. 4.

В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации сказано: «Интересы государства в информационной сфере заключаются в создании условий для обеспечения суверенитета и территориальной целостности России» [1]. Созданная глобальная информационная сфера привносит в информационный суверенитет и информационную безопасность новые черты: динамизм, быстрый обмен информацией и получение ее о событиях в мире в любой точке через сеть интернет; информационная сфера прозрачна, не существует четких границ для потока информации, поэтому в глобальной информационной сфере национальная безопасность и государственный суверенитет требуют принятия дополнительных организационных и технических мер.

При анализе проблемы информационного суверенитета принципиальное значение имеет рассмотрение и изучение проблемы угрозы информационному суверенитету.

Основные источники угроз информационному суверенитету следует разделить по источнику их происхождения на две большие группы: внешние и внутренние угрозы.

Внешние угрозы:

- деятельность политических, экономических, военных, разведывательных и др. структур в информационной сфере, направленных против суверенной власти («холодная информационная война»);

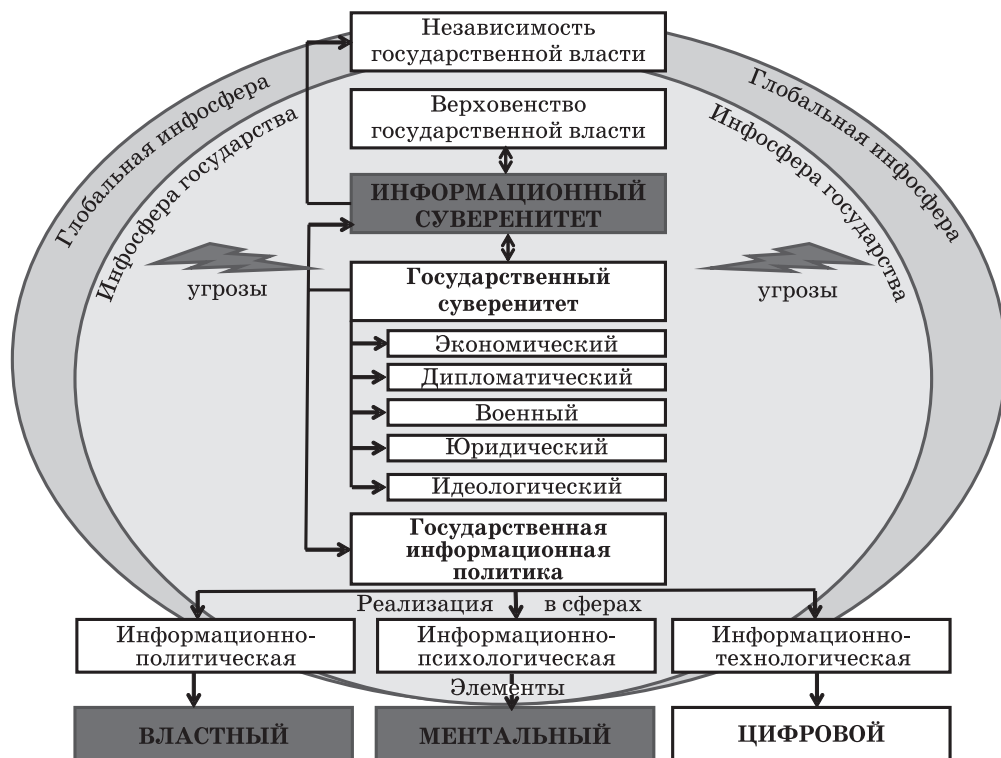

Рис. 4. Структура и содержание информационного суверенитета

- доминирование ряда стран в информационном пространстве с целью ущемления национальных интересов России и вытеснения ее с рынка информационно-коммуникационных технологий;
- деятельность международных террористических организаций;
- разработка странами Запада, во главе с США, концепций информационного противоборства и др.

Внутренние угрозы:

- отставание России по уровню и темпам информатизации от ведущих стран Запада и США;
- недостаточный уровень развития отечественного сектора науки и производства в области информационно-коммуникационных технологий;
- недостаточная координация со стороны федеральных органов государственной власти процессов информатизации в регионах;
- несовершенство нормативно-правовой базы и др.

Таким образом, на основании проведенного анализа можно сформулировать понятие информационный суверенитет как верховенство и независимость государственной власти при формировании и реализации информационной политики в национальном сегменте и глобальном информационном пространстве. Принципиальное значение для обеспечения информационного суверенитета имеет государственная информационная политика.

Государственная информационная политика имеет основной целью реализацию национальных интересов государства в области безопасности в информационной сфере.

В свою очередь под информационной сферой понимается «совокупность информации, информационной инфраструктуры, субъектов, осуществляющих сбор, формирование, распространение и использование информации, а также системы регулирования возникающих при этом общественных отношений» [5].

Данная политика реализуется в информационно-технологической, информационно-психологической и информационно-политической сферах.

Информационный суверенитет предполагает наличие:

- **в информационно-технологической сфере («цифровой» суверенитет)** — собственного технологического цикла, программно-аппаратной платформы, поисковой и навигационной систем, сетевого оборудования и средств защиты информации отечественного производства, национального сегмента сети интернет и социальных сетей, национальной платежной системы и др.;
- **в информационно-психологической сфере («ментальный» суверенитет)** — национальной идеи, высокого уровня информационной культуры и образованности общества;
- **в информационно-политической сфере («властный» суверенитет)** — внятной информационной политики, правительства народного доверия, патриотически настроенной элиты, прогосударственных средств массовой информации, устойчивой национальной валюты и др.

Составной частью и принципиально важным базовым элементом информационной политики является **государственная политика информационного суверенитета**.

Государственная политика информационного суверенитета представляет собой деятельность государства по осуществлению самостоятельной информационной политики на основе существующих законов страны и норм международного права в информационной сфере с целью обеспечения верховенства информационной безопасности личности, общества и государства внутри страны и ее независимости в глобальном информационном пространстве.

Государственная политика информационного суверенитета достигается деятельностью государства по следующим направлениям:

1. Определение геополитических информационных интересов страны в условиях глобализации всех сфер деятельности человечества (экономика, политика, идеология, дипломатия, вооруженные силы, культура и образование).

2. Создание нормативно-правовой базы, гарантирующей информационный суверенитет личности и общества, а на международной арене — участие в создании и развитии норм международного права в обеспечении информационного суверенитета государства

3. Образование национальных (государственных и социальных) защищенных информационных сетей и систем, способных безопасно взаимодействовать с глобальным информационным пространством.

4. Создание собственных сил и средств в области информационно-коммуникационных технологий.

5. Образование информационных войск, оснащенных современными средствами информационно-коммуникационных технологий для достижения целей и решения задач информационного противоборства.

6. Проведение широкой международной дипломатической деятельности по обеспечению информационного суверенитета страны на международной арене.

7. Контроль информационных потоков как внутри страны, так и поступающих извне с целью ограничения информации, пропагандирующей чуждые ценности.

Автором в политическую науку введены следующие понятия:

- **Информационно-политическая безопасность** — состояние защищенности государства, при котором обеспечивается информационный суверенитет страны в условиях существующих угроз из глобального информационного про-

странства с использованием сети интернет, СМИ и других средств коммуникации.

- **Информационно-политическая устойчивость** — способность государства осуществлять нейтрализацию существующих угроз в информационном пространстве с целью обеспечения стабильности политической сферы в системе национальной безопасности страны.
- **Информационно-политический кризис** — общественно-политическое явление, для которого характерны перенос политической борьбы в информационную сферу и использование в политических конфликтах средств информационного противоборства, что порождает возникновение серьезных негативных последствий для национальной безопасности государства.

Введение и использование новых категорий и понятий позволяет всесторонне охарактеризовать информационное противоборство с позиций политической науки, а именно: раскрыть содержание и характерные черты данного феномена, определить его политические цели и выбрать основные способы его реализации, что наглядно показано на рис. 5.

Информационно-политическое противоборство направлено на повышение эффективности реализации государственной информационной политики Российской Федерации, в том числе в информационном пространстве зарубежных государств.

Информационно-психологическое противоборство определяет деятельность государственных, общественно-политических организаций и граждан по формированию позитивного образа страны с использованием возможностей сети интернет и других ИКТ.

Информационно-технологическое противоборство отражает способность государства не только использовать зарубежные информационно-коммуникационные технологии, но и создавать отечественные ИКТ.

Основные характерные черты информационного противоборства:

- скрытый, неявный характер осуществления;
- широкомасштабное использование ИКТ;
- действия в глобальном информационном пространстве;
- высокая скорость распространения информации.

В ходе глобального информационного противоборства государство преследует следующие **политические цели**:

- защита и продвижение национальных интересов;
- проведение политики модернизации национальной безопасности;
- усиление политики информационной безопасности как существенного элемента национальной безопасности;
- укрепление международной информационной безопасности, путем противодействия враждебному использованию ИКТ;
- проведение государственной политики по обеспечению импортозамещения в сфере информационных технологий.

Автором исследованы и охарактеризованы **основные способы информационного противоборства**:

- **Контроль и управление потоками информации**; представляет собой скрытое целенаправленное вмешательство в дела суверенного государства из глобального информационного пространства другого государства с использованием современных достижений ИКТ.
- **Информационная асимметрия**, которую следует понимать как выборочный, ограниченный ответ на агрессивные информационные воздействия противника. При этом нет необходимости в поддержании паритета с возможным агрессором ни в количестве вооружений, ни в наносимом ущербе.

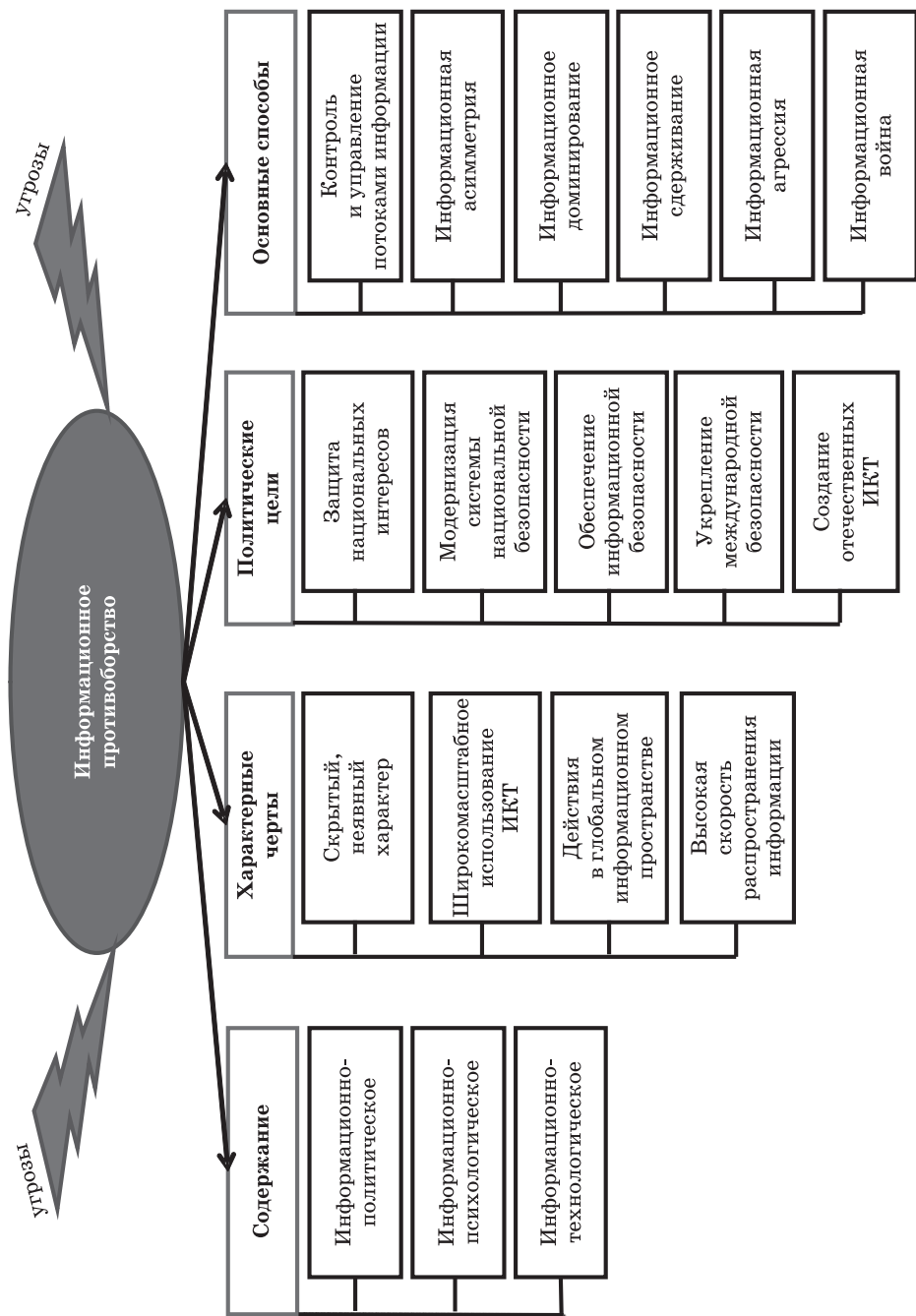

Рис. 5. Глобальный процесс информационного противоборства

- **Информационное доминирование**, или достижение превосходства, в информационном пространстве дает возможность ведущим державам достигать политических целей на мировой арене без применения вооруженных сил.
- **Информационное сдерживание**; включает систему сил и средств государства по проведению экспансии страны-противника в ходе информационного противоборства.
- **Информационная агрессия**; представляет собой одну из форм активного противоборства по причинению конкретного осязаемого ущерба государству-противнику в важных для него сферах жизнедеятельности.
- **Информационная война**; является крайней, наиболее динамичной, активной формой комплексного информационного воздействия с целью нанесения неотвратимого ущерба государству-противнику во всех сферах жизнедеятельности.

Таким образом, в ходе комплексного политологического анализа политических процессов современного глобального мира, а также существующих и возможных угроз в глобальном информационном пространстве, автором вводятся новые категории и понятия в политической науке: **«информационный суверенитет»** и **«государственная политика информационного суверенитета»**. Автор расширил содержание категории **«информационный суверенитет»** и включил кроме известного **информационно-технологического («цифрового») суверенитета** два новых понятия: **информационно-психологический («ментальный»)** и **информационно-политический («властный»)** суверенитеты.

В статье автором предложен механизм практической реализации **«информационного суверенитета»** в виде **«государственной политики информационного суверенитета»** и сформулированы ее основные направления.

Введенные автором статьи новые категории позволяют в теоретическом аспекте внести существенный вклад в развитие политической науки, а в практическом аспекте — предложить пути решения проблемы модернизации системы национальной безопасности Российской Федерации в целях обеспечения ее безопасности в современном глобальном мире.

Литература

1. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] / Утв. Президентом РФ от 9 сентября 2000 г. № Пр-1895. URL: http://www.rg.ru/oficial/doc/min_and_vedom/mim_bezop/doctr.html
2. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. / Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 // Российская газета. 2009. 19 мая.
3. Путин В. В. Послание Президента Федеральному собранию [Электронный ресурс]. 5 декабря 2014 г. URL: <http://президент.рф/news/17118>.
4. Послание по национальной безопасности Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина Федеральному собранию от 13 июня 1996 года.
5. Об информации, информатизации и о защите информации: Федеральный закон Российской Федерации от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ.
6. Кибернетика — неограниченные возможности и возможные ограничения. Современное состояние. М.: Наука, 1980.
7. Кучерявый М. М., Вус М. А., Шакин Д. Н., Юсупов Р. М. Эскиз системного подхода к формированию понятийного аппарата информационной безопасности // Информатизация и связь. 2012. № 9. С. 22–24.
8. Кучерявый М. М. Роль России и евразийского региона в формировании глобального подхода к обеспечению международной информационной безопасности // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2012. № 12. С. 121–127.
9. Кучерявый М. М. К вопросу о концептуальных направлениях организационно-правового обеспечения информационной безопасности государств-участников СНГ // Информатизация и связь. 2012. № 4. С. 4–11.

10. Кучерявый М. М. Проблема информационной безопасности и развитие информационного общества // Информатизация и связь. 2012. № 9. С. 3–6.
11. Кучерявый М. М. Основные факторы влияния политики информационной безопасности на национальную безопасность современной России // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2013. № 14. С. 164–168.
12. Кучерявый М. М. Обеспечение национальной безопасности Российской Федерации в аспекте глобальных политических процессов современного мира // Власть. Общественно-научно-политический журнал. 2014. № 2 (февраль). С. 105–109.
13. Кучерявый М. М. Роль информационной составляющей в системе политики обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2014. № 164. С. 155–163.
14. Кучерявый М. М. Российские инициативы в сфере формирования международного режима информационной безопасности // Интеграционные процессы и правовое обеспечение национальной безопасности в Европейско-Азиатском регионе: монография. Екатеринбург : Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия», 2012.
15. Кучерявый М. М. Словарь-справочник терминов и определений понятий модельного законодательства государств-участников СНГ. СПб. : Издательство «Юридический Центр-Пресс», 2012.
16. Кучерявый М. М. Основные тренды в информационной безопасности Российской Федерации: международный аспект // Евразийский регион в глобальной архитектуре современного мира: матер. междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 25 октября 2013 г. СПб. : РАНХиГС, 2013.
17. Кучерявый М. М. Проблема информационной безопасности в современном обществе // Информационная безопасность. Невский диалог — 2012: матер. 4-й науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 23–24 октября 2012 г. СПб. : ЛЕНЭКСПО, 2012. С. 5–6.
18. Материалы международной научно-практической конференции на тему: «Суверенитет государств и концепция «ответственности по защите»: эволюция международной ситуации и интересы России», 30 октября 2013 г [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dipacademy.ru/31.10.13.html>.

References

1. Doctrine of Information Security of the Russian Federation [Doktrina informatsionnoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii] [Electronic resource] / Approved by the President of the Russian Federation, on September 9, 2000. N Pr-1895. URL: http://www.rg.ru/official/doc/min_and_vedom/mim_bezop/doctr.html. (rus)
2. Strategy of national security of the Russian Federation till 2020 [Strategiya natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii do 2020 g.] / Approved by the Edict of the President of the Russian Federation on, May 12, 2009 N 537 // Russian newspaper. 2009. May 19. (rus)
3. Putin V.V. Message of the President to Federal Assembly [Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu] [An electronic resource]. On December 5, 2014. URL: <http://prezident.rf/news/17118>. (rus)
4. The message on national security of the President of the Russian Federation B.N. Yeltsin to Federal Assembly [Poslanie po natsional'noi bezopasnosti Prezidenta Rossiiskoi Federatsii B.N.El'tsina Federal'nomu sobraniyu], on June 13, 1996. (rus)
5. About information, informatization and about information security: The federal law of the Russian Federation. 27.07.2006. N 149-FZ [Ob informatsii, informatizatsii i o zashchite informatsii: Federal'nyi zakon Rossiiskoi Federatsii ot 27.07.2006 g. № 149-FZ]. (rus)
6. Cybernetics — unlimited opportunities and possible restrictions. Current state [Kibernetika — neogranichennye vozmozhnosti i vozmozhnye ogranicheniya. Sovremennoe sostoyanie]. M. : Science [Nauka], 1980. (rus)
7. Kucheryavyy M. M., Vus M. A., Shakin D. N., Yusupov R. M. *The sketch of system approach to formation of a conceptual framework of information safety* [Eskiz sistemnogo podkhoda k formirovaniyu ponyatiinogo apparata informatsionnoi bezopasnosti] // Informatization and Communication [Informatizatsiya i svyaz']. N 9, 2012. P. 22–24. (rus)
8. Kucheryavyy M. M. *Role of Russia and the Eurasian region in formation of global approach to ensuring the international information security* [Rol' Rossii i evraziiskogo regiona v formirovanii global'nogo podkhoda k obespecheniyu mezhdunarodnoi informatsionnoi bezopasnosti] // Eurasian integration: economy, law, policy [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. 2012. N 12. P. 121–127. (rus)

9. Kucheryavyy M. M. *On a question of the conceptual directions of organizational legal support of information security of the states — participants of the CIS* [K voprosu o kontseptual'nykh napravleniyakh organizatsionno-pravovogo obespecheniya informatsionnoi bezopasnosti gosudarstv- uchastnikov SNG] // Informatization and communication [Informatizatsiya i svyaz']. 2012. N 4. P. 4–11. (rus)
10. Kucheryavyy M. M. *Problem of information security and development of information society* [Problema informatsionnoi bezopasnosti i razvitie informatsionnogo obshchestva] // Informatization and communication [Informatizatsiya i svyaz']. 2012. N 9. P. 3–6. (rus)
11. Kucheryavyy M. M. *Major factors of influence of policy of information security on national security of modern Russia* [Osnovnye faktory vliyaniya politiki informatsionnoi bezopasnosti na natsional'nyu bezopasnost' sovremennoi Rossii] // Eurasian integration: economy, law, policy [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. 2013. N 14. P. 164–168. (rus)
12. Kucheryavyy M. M. *Ensuring national security of the Russian Federation in aspect of global political processes of the modern world* [Obespechenie natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii v aspekte global'nykh politicheskikh protsessov sovremennoogo mira] // The Power. National political-scientific journal [Vlast'. Obshchenatsional'nyi nauchno-politicheskii zhurnal]. 2014. N 2 (February). P. 105–109. (rus)
13. Kucheryavyy M. M. *Role of information component in system of policy of ensuring national security of the Russian Federation* [Rol' informatsionnoi sostavlyayushchei v sisteme politiki obespecheniya natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii] // News of the Herzen State Pedagogic University [Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena]. 2014. N 164. P. 155–163. (rus)
14. Kucheryavyy M. M. *Russian initiatives in the sphere of formation of the international mode of information security* [Rossiiskie initsiativy v sfere formirovaniya mezhdunarodnogo rezhima informatsionnoi bezopasnosti // Integration processes and legal support of national security in the European-Asian region [Integratsionnye protsessy i pravovoe obespechenie natsional'noi bezopasnosti v Evropeisko-Aziatskom regione]: monograph. Yekaterinburg : Publishing house «Ural state legal academy» [Izdatel'skii dom «Ural'skaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya»], 2012. (rus)
15. Kucheryavyy M. M. *Dictionary reference of terms and definitions of concepts of the model legislation of the State of the CIS* [Slovar'-spravochnik terminov i opredelenii ponyatii model'nogo zakonodatel'stva gosudarstv-uchastnikov SNG]. SPb. : Legal Center Press publishing house [Izdatel'stvo «Yuridicheskii Tsentri-Press»], 2012. (rus)
16. Kucheryavyy M. M. *The main trends in information security of the Russian Federation: international aspect* [Osnovnye trendy v informatsionnoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii: mezhdunarodnyi aspekt // Eurasian region in global architecture of the modern world: materials of International Scientific and Practical Conference [Evraziiskii region v global'noi arkhitekture sovremennoogo mira: mater. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.], St. Petersburg, on October 25, 2013 SPb. : RANEPА [RANKhiGS], 2013. (rus)
17. Kucheryavyy M. M. *Problem of information security in modern society* [Problema informatsionnoi bezopasnosti v sovremennom obshchestve / Information security. The Nevsky dialogue — 2012 [Informatsionnaya bezopasnost'. Nevskii dialog — 2012]: materials of the 4th scientific and practical conference, St. Petersburg, October 23–24, 2012. SPb. : LENEKSPO, 2012. P. 5–6. (rus)
18. Materials of the international scientific and practical conference on a subject: «The sovereignty of the states and the concept “responsibility on protection”: evolution of the international situation and interests of Russia» [Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii na temu: «Suverenitet gosudarstv i kontseptsiya «otvetstvennosti po zashchite»: evolyutsiya mezhdunarodnoi situatsii i interesy Rossii», on October 30, 2013 [Electronic resource]. URL: <http://www.dipacademy.ru/31.10.13.shtml>. (rus)

Кротов М. И., Мунтиян В. И.

Евразийский экономический союз: история, особенности, перспективы

Кротов Михаил Иосифович

Советник Председателя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации
Доктор экономических наук, профессор
<http://mkrotov.ru/index.html>

Мунтиян Валерий Иванович

Доктор экономических наук, профессор

РЕФЕРАТ

С 1 января 2015 г. на геополитической карте мира появилась новая межгосударственная интеграционная организация — Евразийский экономический союз (ЕАЭС), объединяющая республики Беларусь, Казахстан и Российскую Федерацию. В течение года ЕАЭС пополнился двумя новыми членами: республиками Армения и Кыргызстан. ЕАЭС — принципиально новый объект социально-экономических исследований, поэтому изучение особенностей его формирования и функционирования, а также место в мировом процессе глобализации представляет большой научный интерес.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Евразийский экономический союз, зона свободной торговли, Таможенный союз, общий рынок, валютный союз, противоречия евразийской экономической интеграции, монетизация евразийской экономики

Krotov M. I., Muntiyani V. I.

Eurasian Economic Union: History, Features, Prospects

Krotov Mikhail Iosifovich

Adviser to the Chairman of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation
Doctor of Science (Economy), Professor
<http://mkrotov.ru/index.html>

Muntiyani Valery Ivanovich

Doctor of Science (Economy), Professor

ABSTRACT

Since January 1, 2015 on the geopolitical world map there was a new interstate integration organization — the Eurasian Economic Union (EEU), uniting Republic of Belarus, Kazakhstan and the Russian Federation. Within a year of EEU I was replenished with two new members: Republics Armenia and Kyrgyzstan. EEU — essentially new object of social and economic researches therefore studying of features of its formation and functioning, and also the place in world process of globalization represents great scientific interest.

KEYWORDS

Eurasian Economic Union, free trade zone, Customs Union, common market, currency union, contradictions of the Eurasian economic integration, monetization of the Eurasian economy

Этапы становления и развития евразийской экономической интеграции

ЕАЭС является результатом процесса евразийской интеграции, который готовился еще в рамках СНГ, Таможенного союза, ЕврАзЭС. В своем развитии евразийская экономическая интеграция прошла два этапа: Таможенный союз и Единое эконо-

мическое пространство и вступила в этап Евразийского экономического союза. После принятия в 2009 г. Таможенного кодекса Таможенного союза с 2010 по 2011 г. функционировал Таможенный союз Беларуси, Казахстана и России. Его отличали, во-первых, применение Единого таможенного тарифа и иных мер регулирования внешней торговли товарами с третьими странами, во-вторых, свободное перемещение товаров между территориями государств-членов без применения таможенного декларирования и государственного контроля (транспортного, санитарного, ветеринарно-санитарного, карантинного, фитосанитарного), в-третьих, введение механизма зачисления и распределения сумм ввозных пошлин, их перечисления в доход бюджетов государств-членов (87,00% — Российская Федерация, 7,25 — Казахстан, 4,65 — Беларусь, 1,1% — Армения).

Создание Таможенного союза позволило его участникам за два года увеличить взаимный товарооборот на 72,8% (см. график 1), существенно сократить таможенные затраты и сформировать общий рынок товаров за исключением лекарств, электроэнергии, нефти и газа. При этом практика взимания таможенных пошлин показала, что Российская Федерация собирает на своих границах намного большую долю в общих таможенных сборах, чем определенные ей 87%. Поэтому фактически действующий порядок перечисления таможенных сборов пополняет бюджеты государств — членов Таможенного союза, а теперь и ЕАЭС за счет таможенных сборов, собранных на границах Российской Федерации.

Успех Таможенного союза позволил его участникам перейти на более высокий уровень интеграции: формировать с 2012 по 2014 г. единое экономическое пространство. Оно означало, во-первых, проведение согласованной макроэкономической политики по созданию общего рынка не только товаров, но также и общего рынка услуг, капиталов и труда, во-вторых, создание Евразийской экономической комиссии как регулирующего органа по формированию единого экономического пространства и, в-третьих, возложению на Суд ЕврАзЭС в формате судей от трех государств функции Евразийского суда.

Правовую основу единого экономического пространства составили около 20 межгосударственных интеграционных договоров и соглашений, охватывающих вопросы таможенного регулирования, технических регламентов, государственных и муниципальных закупок, развития конкуренции, финансового взаимодействия и т. д. В результате в 2012 г. сохранялась положительная динамика взаимного товарооборота (график 1) и более активно развивалась промышленная кооперация и создание совместных предприятий (в 2015 г. только в Беларуси было 5000 совместных с Россией предприятий, в Казахстане — 5800). Однако резервы, заложенные в общем рынке товаров, были во многом исчерпаны, сохранялись барьеры в экономическом сотрудничестве (на 1 января 2015 г. насчитывалось 300 барьеров), эффективность исполнительных и судебных органов единого экономического пространства сдерживалась отсутствием международно-признанной интеграционной организации. Так, Евразийская экономическая комиссия уже не была органом ЕврАзЭС и в юридическом плане — регулирующим органом без организации. Все это, на наш взгляд, проявилось в падении объема взаимной торговли в 2013–2014 гг.

Вступление в силу Договора о ЕАЭС позволило придать евразийской интеграции необходимую международно-правовую форму. Евразийская экономическая комиссия и Суд ЕврАзЭС получили необходимую правосубъектность как органы ЕАЭС. На этом этапе евразийской интеграции произошло снятие 71 барьера и была намечена программа поэтапного, до 2025 г. включительно, снятия оставшихся барьеров (229). Таким образом, за относительно короткий период экономическое сотрудничество государств — членов ЕС последовательно прошло четыре уровня интеграции: зону свободной торговли, Таможенный союз, единое экономическое

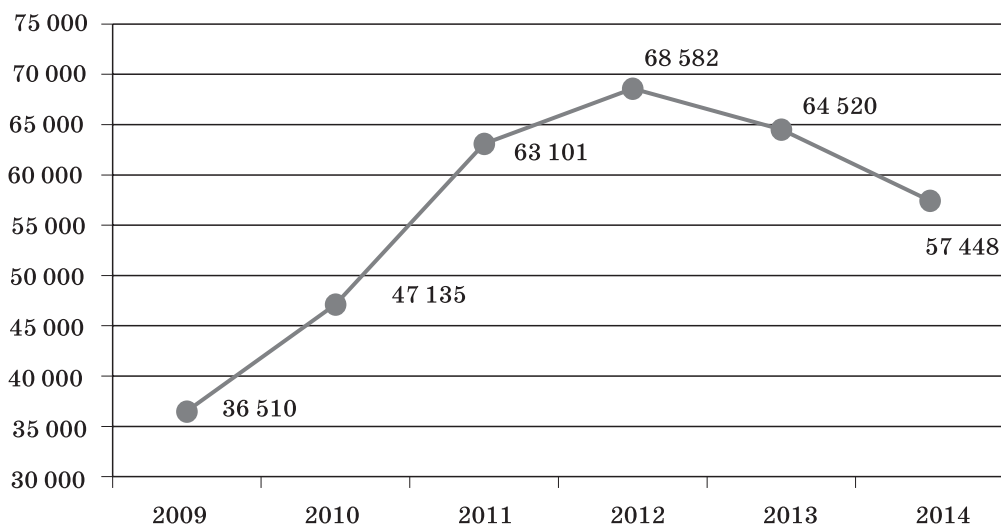

График 1. Объем взаимной торговли Беларуси, Казахстана и России

пространство, неполный экономический союз, что создало предпосылки для формирования полного экономического союза, включающего Валютный союз.

Евразийский экономический союз построен на принципах суверенитета, равенства, добровольности и экономической заинтересованности. Делегированные органам ЕАЭС государственные полномочия осуществляются на принципе равенства и консенсуса (в Совете и Коллегии Евразийской экономической комиссии, а также в суде ЕАЭС все пять государств имеют равное представительство). Более того, действие или бездействие Евразийской экономической комиссии могут быть оспорены как государствами, так и субъектами хозяйствования в Суде ЕАЭС.

Увеличение членов евразийской интеграции привело к изменению нормативов отчисления таможенных пошлин: Республика Армения получает 1,11% от всех таможенных сборов в ЕАЭС, Республика Беларусь — 4,56, Республика Казахстан — 7,11, Кыргызская Республика — 1,9, Российская Федерация — 85,32%.

Вместе с тем бросается в глаза отсутствие парламентской структуры ЕАЭС, что, во-первых, усложняет работу по гармонизации и унификации законодательств стран, во-вторых, повышает роль национальных парламентов в этой деятельности. В полном объеме ЕАЭС должен проявить себя к началу 2026 г., когда поэтапно будут созданы общие рынки лекарств и медицинской техники (2016), электроэнергетики (2019), нефти и газа (2024–2025). К 2025 г. планируется создание в Астане финансового центра ЕАЭС. Формирование парламентской структуры ЕАЭС откладывается на более поздний срок.

За 10 лет, к 2025 г., ВВП стран ЕАЭС только за счет интеграционного эффекта должен вырасти на 20%. Этому, безусловно, будет способствовать целенаправленное развитие внутриевразийской конкуренции на основе создания равных условий хозяйствования для бизнес-структур и работников государств — членов ЕАЭС. Так, конкуренция таможенных служб существенно ускорила и упростила таможенное оформление грузов. Конкуренция юрисдикций ведет к переливу капитала в страны с лучшими условиями хозяйствования. Например, НДС в Казахстане составляет примерно 12%, в Российской Федерации — 18, в Армении — 20%. Очевидно, что со временем евразийское налоговое законодательство должно быть гармонизировано и даже унифицировано.

В таможенной сфере сохраняется ряд проблем. Наиболее ярко их высветила ситуация с отсутствием солидарной реакции стран Евразийского экономического союза на антироссийские санкции. Запрещенные в России товары стали попадать на наш рынок под видом транзитных или евразийских. В последнем случае нарушалось правило определения страны происхождения товара на основе наличия не менее 50% собственных затрат в продукции субъекта евразийской экономической интеграции. Очевидно, что расфасовка норвежского лосося — это недостаточное условие отнесения его к евразийской продукции. Поэтому первоочередной задачей является разработка и принятие к 2016 г. Таможенного кодекса ЕАЭС вместо действующего с 2010 г. Таможенного кодекса Таможенного союза. В новом кодексе необходимо максимально уменьшить отсылки на национальные законодательства, отразить новые передовые таможенные технологии и предусмотреть солидарные действия в условиях санкций третьих государств. В частности, обеспечить приоритет электронного декларирования грузов по отношению к бумажному, оперативное информирование таможенных служб трех государств и свободный допуск партнеров для контроля на таможенной границе Евразийского экономического союза.

Резервы роста взаимного товарооборота, связанные с общим рынком товаров ЕАЭС, во многом исчерпаны. В изъятия пока попадают алкоголь, медикаменты, электроэнергия, нефть и газ. Поэтому приоритет должен быть обеспечен формированию общего рынка услуг, капиталов, труда. Это, в свою очередь, предполагает взаимопризнание национальных лицензий, сближение условий инвестиций, методов администрирования, условий хозяйствования в целом. Важно обеспечить для евразийских трудящихся и национальный режим социального и медицинского обеспечения.

О евразийском и европейском путях интеграции в СНГ

Евразийский экономический союз — это самое большое по территории интеграционное объединение с потенциальной емкостью рынка 4–4,2% мирового ВВП. Создание ЕАЭС порождает у неучаствующих в нем стран СНГ возможность геополитического выбора между ассоциированными отношениями с Европейским союзом или полноценным участием в Евразийском экономическом союзе. При этом ЕАЭС учредили самые успешные страны СНГ: Российская Федерация, Казахстан и Беларусь, имеющие по паритету покупательной способности ВВП на душу населения соответственно 25,6 тыс. долл., 24,2 и 18,1 тыс. долл. У подписавших же соглашения об ассоциации с Европейским союзом Украины, Грузии и Молдовы этот показатель составил соответственно лишь 8,6 тыс. долл., 7,5 и 5 тыс. долл. (график 2).

Главное отличие участие в ЕАЭС от ассоциации с ЕС состоит в том, что в ЕАЭС господствует принцип равенства членов, а ассоциация с ЕС предполагает доминирование последнего. Так, создание в соответствии с Договором об ассоциации Украины с ЕС привело последнюю к потере ее суверенитета во внешнеэкономической деятельности. Теперь решения Украины в этой сфере должны быть одобрены Советом ассоциации, где Украина имеет только 50% голосов, т. е. ЕС может заблокировать внешнеэкономические решения правительства Украины. В то же время никаких полномочий по влиянию на соответствующие решения ЕС Совет его ассоциации с Украиной не имеет.

Грузия, Молдова и Украина уже более года являются участниками ассоциации с Европейским союзом. Они взяли на себя следующие обязательства. Во-первых, иметь свободную экономическую зону с ЕС (т. е. полностью открыть свои национальные рынки). Это заставляет Российскую Федерацию вводить по отношению к членам ассоциации такой же режим наибольшего благоприятствования, как и для государств — членов ЕАЭС (введение таможенных пошлин, квот и ограничений). В то

График 2. ВВП на душу населения (по ППС) государств — участников ЕАЭС и членов ассоциации с Европейским союзом, 2014 г. (в долларах, по данным Всемирного Банка)

же время государства — не члены ЕС, имеющие зону свободной торговли с ним, получили односторонний доступ своих товаров в Грузию, Молдову и Украину. В результате, например, на рынках Кишинева турецкий виноград стал вытеснять местную продукцию. Во-вторых, члены ассоциации обязаны перейти на европейские технические регламенты и фитосанитарные нормы, что ведет к уничтожению отечественной индустрии, потере рынков Армении, Беларуси, Казахстана, Киргизии и России и делает невозможным производственную кооперацию с предприятиями ЕАЭС. В-третьих, члены ассоциации должны перейти на европейские стандарты в области миграции. Это, с одной стороны, делает возможным безвизовый туристический режим в течение трех месяцев в ЕС (Молдова уже получила такую возможность), с другой стороны, ведет к усилению миграционного контроля со стороны Российской Федерации — главного импортера трудовых мигрантов из Молдовы и Украины.

Итоги первого года ассоциации для Молдовы — массовые выступления населения против власти, а в Украине происходит падение внешнеторгового оборота и с Европейским союзом (за 7 мес. 2015 г. примерно на 30%), и с СНГ (за этот же период — почти на 60%)¹. Иными словами, в результате ассоциации с ЕС Грузия, Молдова и Украина новые рынки не приобрели, а старые рынки потеряли. Поэтому выбор Республики Армения, отказавшейся от Ассоциации в пользу членства в ЕАЭС, является закономерным.

При определении будущих географических границ евразийского экономического пространства необходимо преодолеть две крайности. С одной стороны, неоправданно стремление расширить эти границы без выполнения страной — кандидатом в Евразийский экономический союз всех необходимых условий, главное из которых — это приведение в соответствие законодательства страны-кандидата с нормативно-правовой базой Евразийского экономического союза. Надо учитывать опыт Европейского союза, когда, исходя из принципа приоритета политики над экономикой, его границы расширялись за счет стран, не готовых к европейской инте-

¹ См.: Интерфакс — Украина. 15.10.2015.

грации. Это в свою очередь обострило противоречия между западной, центральной и южной частями Европы.

С другой стороны, необоснованны и утверждения о том, что «для многих стран Содружества уже пройдена „точка невозврата“ к участию в интеграционных процессах»¹. В принципе неправильно лишать любые страны СНГ и их народы исторической перспективы глубокой интеграции с Российской Федерацией, Беларусью и Казахстаном. При этом на практике подключение стран-кандидатов к евразийской интеграции по мере их готовности может быть многоступенчатым: зона свободной торговли, Таможенный союз, Единое экономическое пространство, полноценный Евразийский экономический союз.

«Точкой невозврата» для интеграции ряда стран СНГ долгое время считалось их вступление во Всемирную торговую организацию без согласования при этом таможенных тарифов с основным торговым партнером — Российской Федерацией. Тем не менее Киргизия и Армения стали полноценными членами ЕАЭС, хотя их условия вступления в ВТО существенно отличались от условий вступления в эту международную организацию Российской Федерации и Казахстана. «Европейско ассоциированный» выбор политических элит Грузии, Молдовы и Украины, во многом навязанный извне, по воле народа может радикально измениться, и эти страны тогда вправе претендовать на полноценное участие в ЕАЭС.

ЕАЭС и его геополитические партнеры

Создание Евразийского экономического союза создает условия для геополитического выбора не только у отдельных стран СНГ, но и у Европейского союза. Последний объединяет страны, бедные природными ресурсами (как известно, Норвегия не вступила в Европейский союз). Поэтому, являясь самым экономически интегрированным объединением в мире, Европейский союз не обладает необходимой конкурентоспособностью и имеет отрицательное сальдо внешнеторгового баланса с США, Россией, странами Юго-Восточной Азии. Европейский союз стратегически заинтересован соединить свои технологии и финансы с природными и территориальными ресурсами Евразийского экономического союза, создав Единое экономическое пространство от Лиссабона до Владивостока.

Другой геополитический выбор Европейского союза — создать в рамках Трансатлантического партнерства зону свободной торговли с США, обеспечив, таким образом, свои потребности в энергоносителях и сырье. Однако в этом случае существенно усилится и существующая военно-политическая и экономическая зависимость Западной Европы от США. Более того, экономике Европейского союза придется замещать относительно дешевые и надежные российско-казахстанские энергоносители более дорогим сжиженным сланцевым газом, нефтепродуктами и т. д. США. В таком геополитическом выборе Западной Европы, очевидно, заинтересованы именно США. Поэтому они являются стратегическими противниками евразийской интеграции.

Руководство США еще в конце 2011 г. официально заявляло о том, что будет противодействовать созданию Евразийского экономического союза, что и осуществляется на практике. Таким образом, активность США по продвижению европейской ориентации стран СНГ и всяческому противодействию их евразийской интеграции объясняется заинтересованностью в устранении для Европы евразийской альтернативы американским ресурсам и сохранении политической напряженности в ми-

¹ См.: Проблемы формирования евразийского полюса экономической силы и его позиционирование в мире // Мир перемен. № 2. 2012. С. 165.

ре. В событиях на Украине США борются не за ее европейский выбор, а за американский выбор Европы. В этом смысле европейская ориентация Украины, Молдовы, Грузии носит на самом деле проамериканский характер и противоречит коренным долгосрочным интересам Европейского союза и Евразийского экономического союза в создании общего европейского дома от Лиссабона до Владивостока.

Внеправовые экономические санкции ЕС по отношению к России, блокирование интеграции ЕС с ЕАЭС обуславливают активизацию взаимодействия ЕАЭС со странами Юго-Восточной и Южной Азии. Особую важность приобретает обеспечение сопряженности строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. При этом речь идет не только о создании глобального транспортного коридора от Шанхая до ЕС через Москву, но и о развитии сотрудничества с Китайской Народной Республикой во всех сферах экономики, создание в будущем общего экономического пространства ЕАЭС — КНР. Первым шагом к этому будет принятие соответствующего торгово-экономического соглашения.

Выбор ЕАЭС как основного направления экономического пояса Шелкового пути не случаен. Другие варианты: транзит через юг Каспия затруднен тем, что грузы будут проходить через зону нестабильности и конфликтов, транзит через Каспий затруднен отсутствием инфраструктуры и необходимостью пересечения большого количества границ. Железнодорожный и автомобильный путь из Китая в Западную Европу через Казахстан и Россию является самым безопасным и экономически оправданным, поскольку между Казахстаном и Россией отсутствуют таможенные границы.

По некоторым экспертным оценкам, на реализацию проекта Экономического пояса Шелкового пути понадобится 30 лет и 7 трлн долл., 60 стран будут задействованы в данном проекте. Высокоскоростные магистрали объединят 28 стран экономического пояса Шелкового пути. Этот проект перекроит карту мирового бизнеса и отбросит США и Европу на обедневшие окраины Атлантического океана.

Нехватка инфраструктуры является важным препятствием на пути расширения российского экспорта минерального сырья и сельхозпродукции в Азию. В настоящее время перевозка товаров из Китая в Европу южным морским путем занимает 45 и более суток, по Транссибу — 18–20 сут.; по трассе Ляньюньган — Гамбург через Казахстан 11–13 сут.¹ [1, с. 20]. Реализация Китая крупных инфраструктурных проектов на территории стран ЕАЭС окажет стимулирующее влияние на их экономики в период спада. При этом конкуренция новой глобальной транспортной инфраструктуры с Транссибом и Северным морским путем будет стимулировать российские инвестиции на развитие и модернизацию последних.

Другое геополитическое интеграционное направление — Транспортный союз Индии, Ирана и Российской Федерации, договор о котором был подписан в 2000 г. в Санкт-Петербурге. После снятия санкций в отношении Ирана этот проект может заработать на полную мощность. В результате формирования Большой Евразии интерес Европейского союза к интеграции с ЕАЭС существенно вырастет и можно прогнозировать создание ведущего в мире объединения интеграционных союзов, охватывающего более 54 млн км² (1/3 всей суши Земли) с населением около 4,5 млрд чел. (3/4 всех жителей Земли). Важно, что центром такого объединения объективно будет именно ЕАЭС.² И дело не только в географическом положении

¹ Шанхайская организация сотрудничества: модель 2014–2015: рабочая тетр. № 21/2015/С.Г. Лузянин (рук.) и др.; Гл. ред. И.С. Иванов; Российский совет по международным делам (РСМД). М. : Спецкнига, 2015. С. 20.

² См. также [2, с. 8].

ЕАЭС. Еще важнее то, что наш Союз объединяет культурные ценности Западной Европы и Азии.

Протестантская (преобладающая в Западной Европе и Северной Америке) культура — культура труда как основы богатства, бережливости, уважения к закону и морали, дающих индивиду независимость от государства, свободу частной инициативы, защиту собственности, сыграла особую роль в развитии индустриального капитализма. Однако ныне, как отмечено в ряде публикаций зарубежных социологов и экономистов [4], западноевропейская цивилизация переживает глубокий кризис. Исследования Кембриджского университета показали, что речь идет не только о проблемах в экономике, но и о росте эгоизма и вседозволенности поведения, особенно высших менеджеров и банкиров, о снижении самоидентификации европейцев как христиан и доверия в целом к религии, а также к традиционным политическим партиям.

Кризисом евро-атлантической цивилизации и действовавшей системы правления во многих мусульманских странах пользуется экстремизм, выступающий за создание всемирного халифата с помощью джихада и сил, помогающих внутреннему разложению «цивилизации неверных». Под этими силами имеются в виду западные и прозападные «правозащитники», по сути дела, защищающие террористов, и радикал-либералы, расшатывающие устои своих государств, подобно тому, как это делали большевики в России во время Первой мировой войны. Европейская бюрократия вместо воспитания у иммигрантов уважения к культурным ценностям своих стран нередко с помощью субсидий получает нахлебников, ненавидящих государство, которое их приютило. Именно в противоречиях глобализации заложены социально-экономические корни международного терроризма, поэтому без разрешения этих противоречий невозможно победить это зло XXI в. [1].

В отличие от западноевропейской практики, евразийская концепция, восточно-европейская по своей природе, опирается на многовековой опыт мирного сосуществования и сотрудничества народов, исповедующих христианскую, мусульманскую, буддистскую и иудейскую религии. Эти народы прибыли не из других стран и не в последние годы, а веками вместе жили и работали. Две главные по численности адептов религии Евразии — православие и ислам при всех теологических различиях имеют принципиально общую и отличающую их от западного христианства черту — ориентацию на коллективизм, а не на индивидуализм, неприятие стремления к умножению богатства любыми путями, уважение к роли государства в условиях сурового континентального климата и постоянных внешних военных угроз.

Таким образом, ЕАЭС как воплощение европейской и азиатской культуры при приоритете первой и географически, и культурно, а в перспективе и экономически, выступает центром, объединяющим все части Большой Евразии. Однако успех «интеграции интеграций», как и успех собственной евразийской интеграции, возможен только при условии активного экономического роста каждой страны ЕАЭС. Евразийская интеграция может смягчить просчеты внутренней экономической политики, но не подменять ее. Именно эффективная национальная экономика каждой страны ЕАЭС — условие успеха их интеграционных усилий.

Противоречия ЕАЭС и пути их разрешения

Экономика ЕАЭС имеет ряд существенных особенностей, которые отличают евразийскую интеграцию от европейской. Евразийский союз, во-первых, объединяет страны — экспортеры и импортеры ресурсов. В отличие от него Европейский союз объединяет только страны — импортеры ресурсов, т. е. это объединение стран, бедных природными ресурсами. Во-вторых, Евразийский союз образовали страны

с низким уровнем монетизации экономики, а Европейский союз объединил страны с высоким уровнем монетизации.

В результате субъекты хозяйствования в Евразийском союзе имеют преимущество, поскольку приобретают дешевые ресурсы по внутренним ценам стран-экспортеров. В Европейском экономическом союзе ресурсы приобретаются по мировым ценам. Зато кредитные ресурсы в Евразийском союзе предоставляются под в 200 раз больший процент, чем в Европейском союзе (учетная ставка Центрального банка России — 11%, в зоне евро — 0,05%). Это привлекает некоторые страны СНГ к участию в европейской интеграции, несмотря на очевидные преимущества евразийского выбора.

Для успеха евразийской интеграции надо разрешить ряд противоречий. Рассмотрим подробнее особенности территориально-отраслевых и финансовых противоречий Евразийского союза.

Территориально-отраслевые особенности обуславливают две группы противоречий в ЕАЭС: между экспортерами и импортерами ресурсов и между экспортерами. Первая группа противоречий проявляется в заинтересованности импортеров перепродать за пределы ЕАЭС по мировым ценам ресурсы, приобретенные по внутренним ценам (пример тому история с многолетними поставками авиационного керосина по российским ценам в Киргизию для последующей перепродажи американской военной авиации на базе Манас).

Противоречия импортеров ресурсов проявляются в различных экспортных пошлинах. Так, в России пошлина на экспорт нефти при ее высокой цене в 10 раз превышала аналогичную пошлину в Казахстане, в России пошлина при экспорте металлолома — 9 евро, а в Беларуси ее вообще не было. Без разрешения этих противоречий нельзя создать общий рынок электроэнергии, нефти и газа, т. е. обеспечить равные условия хозяйствования для бизнеса разных стран ЕАЭС в топливно-энергетическом комплексе. Разрешить противоречия между экспортерами и импортерами ресурсов можно путем зачисления экспортных пошлин в бюджет стран ЕАЭС — импортеров ресурсов (такая практика в ряде случаев имела место в 2015 г. при экспорте нефтепродуктов, произведенных из российской нефти). Для разрешения противоречий между экспортерами ресурсов важно договариваться о сближении уровня экспортных пошлин.

Однако все это полумеры, осуществляемые за счет бюджетов стран — экспортеров ресурсов и носящие несистемный характер. Можно было бы пойти по пути практики Европейского союза и перечислять основную часть экспортных пошлин в бюджет Евразийского экономического союза. После чего эти средства могли бы направляться на утвержденные в бюджете интеграционные программы. Но в ЕАЭС, в отличие от ЕС, пока нет общего бюджета, формируемого не только за счет долевых взносов участников, но и делегирования части национальных доходов интеграционному центру. Поэтому кардинально решить проблему рассматриваемых противоречий можно только при выравнивании уровня внутренних цен на ресурсы к уровню мировых цен, путем всевозможных налоговых маневров (например, повышения НДС). В этом случае действительно в равные условия будут поставлены все субъекты хозяйствования в ЕАЭС, выиграют национальные бюджеты России и Казахстана. Однако вырастут энергетические издержки у всех евразийских предприятий, что вместе с тем будет стимулировать энергоэффективность. Все это займет определенное время, поэтому общий электроэнергетический рынок наметено создать к 2019 г., а рынки нефти и газа в 2024–2025 гг.

Другая проблема ЕАЭС — заниженный уровень монетизации экономик государств-участников, определяемый как отношение денежной массы $M2$ к ВВП. Он колеблется в ЕАЭС от 11,7% в Беларуси, до 42,7% в Российской Федерации (график 3). Нехватка денег ведет, с одной стороны, к высокой процентной ставке на кредиты,

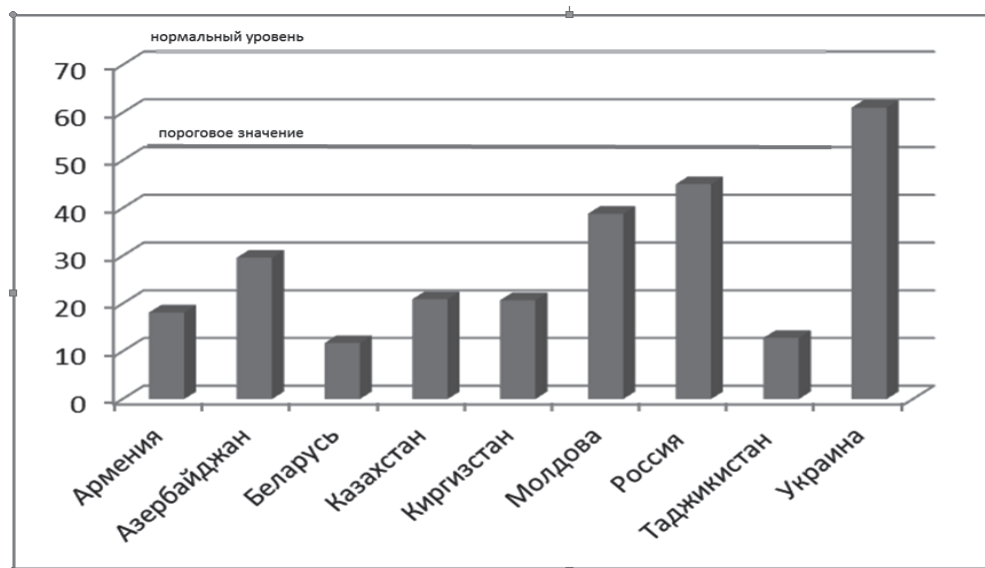

График 3. Уровень монетизации в странах СНГ (M2:ВВП)

с другой стороны — к долларизации экономики. Все это повышает скорость денежного обращения и перераспределяет финансовые ресурсы из реальной экономики в торгово-финансовую сферу. Даже под инфраструктурные проекты, осуществляемые Росатомом, Русгидро, ИнтерРао в странах ЕАЭС Россия выделяет кредиты в долларах, а не в рублях.

Дефицит денежной массы обуславливает слабое развитие общего рынка капиталов, создание совместных предприятий, реализацию инфраструктурных проектов. Накопленные прямые инвестиции Российской Федерации на конец 2013 г. составили 20,01 млрд долл., в том числе в Армении — 2,2, в Беларуси — 7,9, в Казахстане — 9,27, в Кыргызстане — 0,64 млрд долл. (таблица). Этого, конечно, недостаточно для успешной масштабной евразийской интеграции.

Уровень монетизации в России и Казахстане — 42,7 и 20%. Это существенно ниже, чем в Китае и Японии — 195 и 245% (график 4). У нас, как видим, совершенно другая ситуация с монетизацией. Поэтому для КНР и Японии действительно необходимо накапливать золотовалютные резервы, охлаждая национальную экономику. В России же вполне достаточно имеющихся 360 млрд долл. и необходимо вместо накопления золотовалютных резервов осуществлять денежную безналичную эмиссию. Этот вывод, на наш взгляд, справедлив и для Казахстана, уровень золотовалютных резервов которого на душу населения превышает российский. Монетизация экономики России и Казахстана позволит существенно активизировать не только взаимную торговлю стран ЕАЭС, но и развивать производственную кооперацию, создавать совместные предприятия.

Обратной величиной уровня монетизации экономики является скорость обращения денежной массы M2. Скорость оборота денег в экономике зависит от ее воспроизводственной структуры. Нормально, когда данная величина находится в пределах одного оборота в год или максимум двух. Но такой ситуации в экономике ЕАЭС, и в частности в России, как показано на графике 5, мы также не наблюдаем. Несмотря на положительную тенденцию сокращения скорости денежного обращения, ее уровень еще не достиг не только нормального, но даже порогового значения.

Таблица 1

Мониторинг взаимных инвестиций в странах СНГ (2014 г.)¹

Страна — реципиент ПИИ	Накопленные ПИИ стран-инвесторов, млрд долл.		
	Россия	Казахстан	Беларусь
Армения	2,20	0,01	0,00
Беларусь	7,90	0,02	—
Казахстан	9,27	—	0,05
Кыргызстан	0,64	0,50	0,00
Россия	—	2,96	0,39
ИТОГО	20,01	3,49	0,44

Примечание: Мониторинг взаимных инвестиций в странах СНГ 2014. ЦИИ ЕАБР, 2014. С. 7.

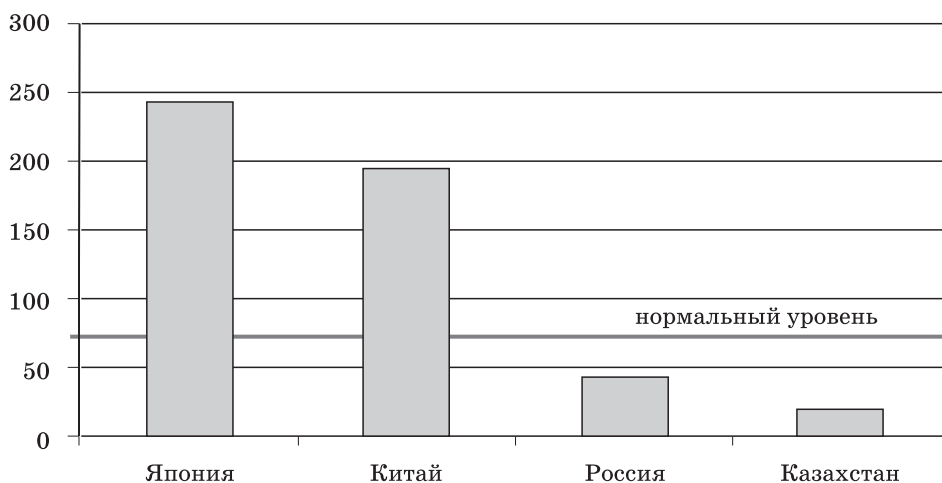

График 4. Уровень монетизации в России, Казахстане, КНР и Японии (M2:ВВП)

Если в экономике большой удельный вес приходится на высокоточное машиностроение и высокотехнологичную продукцию, а также оказывается широкая инвестиционная поддержка фундаментальных научных исследований, то скорость оборота денег замедляется, так как эти отрасли обладают длительным производственным циклом. Если в экономике производятся в основном потребительские товары и услуги, скорость оборота денег растет, так как производственный цикл в этих отраслях относительно короткий [3].

Заложенную в начале 1990-х гг. модель демонетизации или обезденеживания российской экономики не удастся пока устранить на протяжении 25 лет. Даже на данный момент (график 5) скорость обращения денежной массы составляет 2,34 раза, а ранее вообще были величины 9, 8, 7 раз. При таких высоких оборотах невозможно обеспечить равновесное состояние экономики и развивать ее реальный сектор, в том числе сферу высокотехнологической и инновационной продукции. В таких

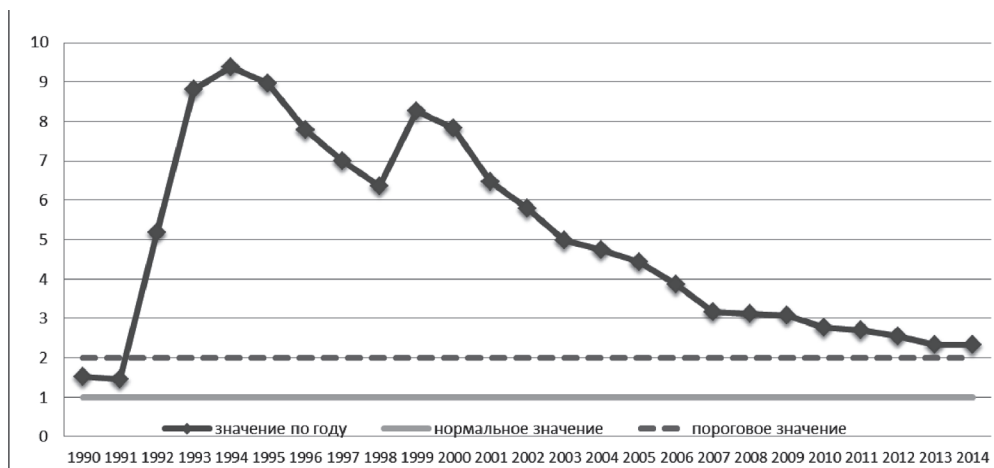

График 5. Скорость денежного обращения M2 в России

условиях финансовые ресурсы уходят в финансово-банковскую сферу (и то в основном на межбанковский рынок и на валютную биржу), в сферу торговли, а также в сферу виртуальной экономики. «Лишняя» же ликвидность выводится за рубеж. В такой ситуации на рынке преобладают не отечественные или евразийские, а импортные потребительские и производственные товары. В этом и заключается парадокс, что при дефиците денежных средств внутри страны, отечественная и ряда других стран ЕАЭС банковская система помогает зарубежным товаропроизводителям.

Противники монетизации евразийской экономики считают, что инфляция зависит только от объема денежной массы, и уверены, что, снижая объем денежной массы, снижают и инфляцию, однако практика этого не подтверждает. Безусловно, инфляция коррелирует с ростом денежной массы, но, во-первых, она зависит не только от данного фактора, а во-вторых, существует и немонетарная причина образования инфляции. На графике 6 четко прослеживается зависимость: с увеличением уровня монетизации экономики увеличиваются темпы роста ВВП и снижаются темпы роста инфляции.

С 1999 по 2013 г. рост монетизации в 3,53 раза (с 12,1 до 42,7%) обуславливал увеличение реального объема ВВП России в 2,06 раза. Отметим, что основные валютные поступления за счет роста цен на нефть начались с 2005 г., когда цена на нефть составляла 54,4 долл. за баррель, а до этого периода она находилась в пределах 20–30 долл. Иными словами, за 2000–2004 гг. среднегодовые темпы прироста реального объема ВВП составили 107,2% и были самыми высокими в истории России XXI в., несмотря на относительно низкие цены на энергоносители. В 2014 г. рост монетизации прекратился, а точнее, остался на прежнем уровне, и поэтому прирост объема ВВП за 2014 г. составил лишь 0,6%.

В условиях западных санкций политика импортозамещения делает денежную эмиссию чрезвычайно востребованной: в основе импортозамещения должна лежать политика замещения валютных кредитов рублевыми. При этом эмиссию мы предлагаем провести в безналичной форме под финансирование инвестиционных проектов отечественных и евразийских товаропроизводителей, отбор которых должен проходить на конкурсной основе, путем рефинансирования Центральным банком России коммерческих банков, соответствующих определенным критериям и способных обеспечить мультипликационный эффект от безналичной денежной эмиссии. Только это позволит увеличить коэффициент монетизации до нормального уровня,

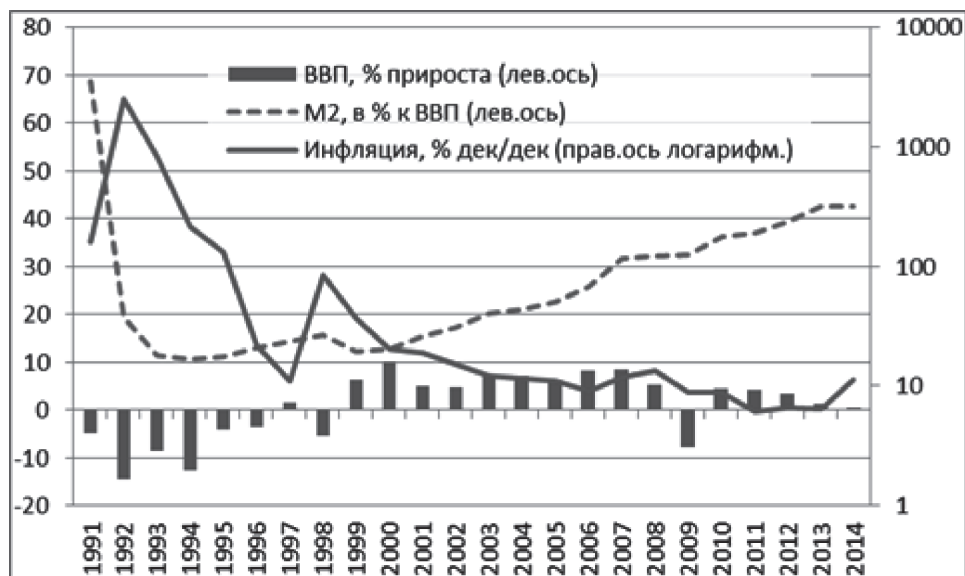

График 6. Динамика прироста ВВП, денежной базы M2 и инфляции в России в % к предыдущему году

даст быстрый и надежный источник развития отечественного и евразийского производства, пополнения доходной части федерального бюджета, возобновления финансирования инвестиционно-инновационных проектов, создаст необходимую конкуренцию, подрывающую монополию импортных товаров и, как следствие, снижение со временем цен, обеспечит защиту и устойчивость рубля и при соответствующих действиях в Казахстане — тенге. При правильно проведенной эмиссии за импорт можно рассчитывать эмиссионным доходом, а не валютной выручкой.

Отметим, что монетизация в Российской Федерации имеет существенные территориальные особенности. При дефиците денежной массы она неравномерно распределена по регионам государства и сверхконцентрирована в Москве и Московской области (65% от общего объема). Следовательно, если средний по стране уровень коэффициента монетизации составляет 42,7%, то в столице он явно превышает оптимальную норму (70%), а в остальных регионах существенно меньше этого среднего уровня. Соответственно, по сравнению с остальной частью страны в Москве сформировался завышенный денежный спрос, стимулирующий рост инфляции.

Поэтому денежная эмиссия должна быть направлена не только на дополнительное финансирование приоритетных отраслей, но и на поддержку регионов России и совместных евразийских проектов. Это, на наш взгляд, предполагает, во-первых, повышение роли в финансово-кредитной системе региональных банков, во-вторых, ориентацию столичных банков на кредитование региональных и евразийских программ. В результате уменьшится инфляция, будут выравниваться уровни заработной платы и цен в различных частях страны. Это, в свою очередь, снизит внутреннюю и внешнюю миграцию в Москву и Санкт-Петербург, обеспечит более равномерное распределение трудовых ресурсов и производств по территории России, сгладит диспропорции между уровнем жизни городского и сельского населения. Кредитование евразийских проектов также снизит миграцию в Россию из других стран ЕАЭС и обеспечит сближение уровней жизни населения различных частей союза.

Стимулируя рост доходов, не нарушая при этом пропорции между ростом производительности труда и заработной платы, мы сможем обеспечить внутренний платежеспособный спрос — главный двигатель экономического роста. Вложение за счет эмиссии дополнительных значительных отечественных средств в приоритетные отрасли, производственную и социальную инфраструктуру регионов и стран ЕАЭС создаст стимулы и для прямых иностранных инвестиций в реальный сектор экономики, увеличит спрос на российскую валюту.

Преимущество России, Казахстана, других стран ЕАЭС заключается в том, что, если Запад свои «козыри» уже все использовал, а у КНР и «азиатских» тигров имеются проблемы с перегревом экономики, то в ЕАЭС нет проблем, связанных ни с одной, ни с другой ситуацией, у него остался и потенциал, и ресурсы. Сделав правильные выводы из мировой практики, успешно осуществив приведение монетизации экономики к нормальным параметрам, страны ЕАЭС способны занять достойное место в международном разделении труда. При хронической демонетизации экономики никакие другие источники без монетизации обеспечить устойчивый экономический рост и евразийскую интеграцию не смогут.

Создание условий для повышения роли национальных валют при проведении взаимных расчетов, сокращение объемов долларизации, совершенствовании платежно-расчетных отношений между странами, проведение согласованной валютной политики, ликвидация диспропорций при проведении монетарной политики — важнейшие направления углубления евразийской экономической интеграции. Результатом укрепления и развития денежно-кредитной системы ЕАЭС и, в первую очередь, его ведущих национальных валют — рубля и тенге — станет создание платежного, а затем и валютного союза ЕАЭС. Это позволит со временем преобразовать будущий финансовый центр ЕАЭС в Евразийский центральный банк, предоставляющий кредиты коммерческим банкам ЕАЭС под низкий процент. Мощную базу для финансовой устойчивости и модернизации денежно-кредитной системы создает колоссальное национальное богатство России, составляющее, по оценке Мирового банка, 60 трлн долл. (для сравнения, национальное богатство США оценивается в 24 трлн долл.)¹. С учетом национального богатства Казахстана, Беларуси, других стран-участников, ЕАЭС займет лидирующее положение в мировой экономике.

Необходимо также учитывать тот факт, что Китай, а также другие страны БРИКС создают международную финансовую систему, альтернативную западной. Широкое использование юаня в международных расчетах в перспективе приведет к радикальному ослаблению возможностей США и ЕС по оказанию давления на Россию, другие страны мира путем введения экономических санкций. При этом нельзя допустить замену «долларизации» экономик ЕАЭС их «юанизацией». Для этого и необходимо форсировать работу по созданию Евразийского валютного союза на базе общей евразийской валюты.

Таким образом, в ближайшее десятилетие, на наш взгляд, хозяйствующие субъекты в ЕАЭС будут покупать ресурсы по ценам, близким к мировым. В то же время предприятиям и населению станут доступны кредиты не менее дешевые, чем в Европейском союзе. Тогда в полной мере проявят себя все интеграционные преимущества ЕАЭС и его особая геополитическая роль.

Литература

1. Кротов М. И. К вопросу о социально-экономических корнях международного терроризма // Управленческое консультирование. 2013. № 10 (58). С. 9–15.

¹ www.Grandars.ru Статистика. Экономическая статистика. Национальное богатство.

2. *Нарышкин С. Е.* Опыт и перспективы евразийской экономической интеграции // Проблемы современной экономики. 2014. № 4 (52). С. 8.
3. *Экономическая безопасность России: общий курс: учебник / под ред. В.К Сенчагова.* 2-е изд. М. : Дело, 2005.
4. *Contemporary Capitalism and Its Crises: Social Structure of Accumulation Theory for the 21st Century / Ed. by T. McDonough, M. Reich, D. Kotz.* Cambridge : 2010.

References

1. Krotov M.I. *On a question of social and economic basis of the international terrorism* [К вопросу о социаль'но-экономических корнях международного терроризма] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2013. N 10 (58). P. 9–15. (rus)
2. Naryshkin S.E. *Experience and prospects of the Eurasian economic integration* [Опыт и перспективы евразийской экономической интеграции] // Problems of modern economy [Problemy sovremennoi ekonomiki]. 2014. N 4 (52). P. 8. (rus)
3. *Economic security of Russia: General course* [Экономическая безопасность России: Общий курс]: Textbook / Under the editorship of V.K. Senchagov. 2nd ed. M. : Delo, 2005. (rus)
4. *Contemporary Capitalism and Its Crises: Social Structure of Accumulation Theory for the 21st Century / Ed. by T. McDonough, M. Reich, D. Kotz.* Cambridge : 2010.

ЕАЭС — новый вызов Западу

Ивашов Леонид Григорьевич

Московский государственный лингвистический университет
Профессор кафедры теории и истории международных отношений
Доктор исторических наук
mo.kafedra@yandex.ru

Шацкая Валерия Игоревна

Независимый эксперт
Кандидат политических наук
tomasik-90@mail.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена основным аспектам развития Евразийского экономического союза. Авторы конкретизируют, что на данный момент ЕАЭС — это экономический союз, но у него есть все шансы стать политическим союзом. Обращается внимание на препятствия для развития ЕАЭС, а также на вызовы, которые ЕАЭС ставит перед Западом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

ЕАЭС, БРИКС, евразийская интеграция, экономический союз

Ivashov L. G., Shatskaya V. I.

Eurasian Economic Union — a New Call to the West

Ivashov Leonid Grigoryevich

Moscow State Linguistic University (Russian Federation)
Professor of the Chair of the Theory and History of International Relations
Doctor of Science (History)
mo.kafedra@yandex.ru

Shatskaya Valeriya Igorevna

Independent expert (Russian Federation)
PhD in Political sciences
tomasik-90@mail.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the main aspects of development of the Eurasian Economic Union. Authors concretize that now Eurasian Economic Union is an economic union but it has every chance to become the political union. The attention to obstacles for development of Eurasian Economic Union and to calls which the Eurasian Economic Union puts before the West is paid.

KEYWORDS

Eurasian Economic Union, BRICS, Eurasian integration, economic union

В настоящее время Евразийский экономический союз становится новым влиятельным актором мировой политики. Как и БРИКС, ЕАЭС является союзом равноправных государств-членов, который имеет хорошие экономические показатели. Так, например, в 2014 г. товарооборот между странами в рамках ЕАЭС составил 57,4 млрд долл.¹. Кроме того, ЕАЭС претендует и на звание крупнейшего транспортного узла, соединяющего ЕС и ЕАЭС со странами Юго-Восточной Азии, Персидского залива

¹ ЕАЭС: о плюсах и минусах членства откровенно [Электронный ресурс]. URL: <http://gpolitika.com/russia/eaes-o-plyusax-i-minusax-chlenstva-otkrovenno.html> (дата обращения: 30.10.2015).

и Индией¹. По сути создается новый экономический центр. Для самих государств-участников ЕАЭС дает возможность формировать самостоятельную экономику, основываясь на внутренних ресурсах, не впадая в зависимость от западных игроков. Именно поэтому интерес к ЕАЭС проявляют и другие государства. Например, Вьетнам хочет заключить договор о зоне свободной торговли с ЕАЭС; Турция заинтересована в активизации сотрудничества с ЕАЭС и т. д. Стоит отметить, что ЕАЭС является поставщиком энергоресурсов на мировой рынок, учитывая углеводородные возможности двух государств — России и Казахстана. Если же в будущем новыми членами ЕАЭС станут Азербайджан, Иран, Туркмения и Турция, то для Запада это будет самым настоящим вызовом. Таким образом, в настоящее время Евразийский экономический союз — это, в первую очередь, экономический союз, хотя в дальнейшем он может стать и политическим. Естественно, такое развитие не на руку США, поскольку ЕАЭС может подорвать стремление США к абсолютно-му экономическому и политическому превосходству. Как и БРИКС, ЕАЭС — это еще одна ступенька к многополярному миру, что не устраивает Вашингтон. Необходимо понимать, что в перспективе Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Россия (и новые члены, в случае их присоединения к союзу) могут проводить согласованную не только экономическую линию, но и внешнеполитическую. А это уже серьезная угроза США и НАТО, поскольку создается мощный центр противостояния их гегемонии в международных отношениях.

Однако было бы несправедливо не заметить, что на данном этапе существуют и определенные препятствия для развития ЕАЭС. Очевидно, что Евразийский экономический союз формируется в непростых геополитических условиях. Среди таких помех, пожалуй, главной является противостояние между Западом и Россией, особенно обострившееся в связи с событиями на Украине и Ближнем Востоке, так как оно создает определенные риски внутри некоторых членов союза. Например, этот тезис используется противниками евразийской интеграции в Казахстане, которые считают, что ЕАЭС может помешать многовекторной политике Астаны. В действительности Казахстану предоставляется возможность проводить многосторонний внешний курс, ориентируясь при этом не на зависимость от Запада, а на собственные национальные интересы. Следующее препятствие для развития ЕАЭС — это недостаточное информационное освещение его деятельности в СМИ стран-участниц. Информационное сопровождение необходимо как для ознакомления населения членов союза с преимуществами евразийской интеграции, так и для противодействия информационным вбросам. Поскольку Россия является локомотивом евразийской интеграции, Запад всеми силами будет стремиться ослабить экономический потенциал Москвы. А ослабление России может повлечь за собой и ослабление всего союза. Причем для США опасность представляет не только тесная экономическая и политическая интеграция внутри самого ЕАЭС, но и установление тесных экономических взаимоотношений между ЕАЭС и ЕС, что противоречит и попыткам США создать единую зону свободной торговли между США и ЕС. Понятно, что сотрудничество между ЕС и ЕАЭС отвечает экономическим интересам обоих акторов. В связи с этим Вашингтону все сложнее будет оказывать давление на Европу при осуществлении тех или иных внешнеполитических шагов, будь то санкции против России или запрет на въезд и т. д. Таким образом, здравые национальные интересы Европейского Союза могут привести к тому, что Европа уже не будет настолько зависима от США.

В заключение отметим, что появление ЕАЭС на международной арене после БРИКС подчеркивает неприемлемость однополярной модели мира в XXI в.

¹ Информационное агентство REGNUM [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regnum.ru/news/economy/1905554.html> (дата обращения: 30.10.2015).

Хавинсон В. Х., Бенберин В. В., Михайлова О. Н., Сидоренко А. В.

Старение в странах с развивающейся экономикой: вызовы и возможности

Хавинсон Владимир Хацкелевич

Директор Санкт-Петербургского института биорегуляции и геронтологии
Заведующий научно-исследовательской лабораторией ресурса жизнедеятельности и качества профессионального долголетия Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Член-корреспондент РАН
khavinson@gerontology.ru

Бенберин Валерий Васильевич

Руководитель медицинского центра Управления делами Президента Республики Казахстан
Доктор медицинских наук, член-корреспондент РАЕН
valery_benberin@mail.ru

Михайлова Ольга Николаевна

Заместитель директора Санкт-Петербургского института биорегуляции и геронтологии
Кандидат биологических наук
ibg@gerontology.ru

Сидоренко Александр Васильевич

Старший советник Европейского центра социальных исследований и политики, Вена, Австрия
Кандидат медицинских наук
sidorenko.alexandre@gmail.com

РЕФЕРАТ

Статья посвящена особенностям старения в странах с развивающейся экономикой, объединенных под общим названием «*Emerging Markets*». Эта группа стран сформировалась в XX в., и, учитывая тот факт, что их вклад в мировое экономическое развитие постоянно увеличивается, авторы сочли возможным привлечь внимание читателей к данному феномену, который подробно обсуждался участниками симпозиума «Старение в странах с развивающейся экономикой», состоявшегося в Оксфорде в январе 2015 г. Авторы надеются, что материалы статьи окажутся полезными для исследователей, сотрудничающих с разработчиками политики в области старения, а также для профессионалов, работающих в смежных областях, таких как социальное обеспечение, здравоохранение и т. п., и активистов неправительственных организаций, занимающихся практической деятельностью в области старения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

старение, страны с развивающейся экономикой, ожидаемая продолжительность жизни, качество жизни

Khavinson V. Kh., Benberin V. V., Mikhailova O. N., Sidorenko A. V.

Aging in Emerging Economies: Calls and Opportunities

Khavinson Vladimir Khatskelevich

Director of the Saint-Petersburg Institute of Bioregulation and Gerontology
Head of Research laboratory of a resource of activity and quality of professional longevity of North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate Member of the Russian Academy of Sciences
khavinson@gerontology.ru

Benberin Valery Vasilyevich

Head of medical control center of affairs of the President of the Republic of Kazakhstan
 Doctor of Science (Medical sciences), Associate Member of the Russian Academy of Natural Sciences
 valery_benberin@mail.ru

Mikhaylova Olga Nikolaevna

Executive Director of the Saint-Petersburg Institute of Bioregulation and Gerontology (Saint-Petersburg,
 Russian Federation)
 PhD in Biology
 ibg@gerontology.ru

Sidorenko Alexander Vasilyevich

Senior adviser of the European Centre for Social Welfare Policy and Research, Vienna, Austria
 PhD in Medical sciences
 sidorenko.alexandre@gmail.com

ABSTRACT

The article is devoted to features of ageing in the emerging economies united under the general name «Emerging Markets». This group of the countries emerged in the XX century and given that their contribution to world economic development constantly increases, authors thought it would be useful to draw attention of readers to this phenomenon, which was in detail discussed by participants of a symposium «Ageing in Emerging Markets», which took place in Oxford in January 2015. Authors hope that materials of this article will be useful to the researchers cooperating with policy makers in the field of ageing and for the professionals working in adjacent areas such as social security, health care, etc., and activists of the non-governmental organizations, which are engaged in practical activities in the field of ageing.

KEYWORDS

ageing, emerging economies, expected life expectancy, quality of life

Современная демографическая ситуация в мире характеризуется увеличением средней продолжительности жизни человека, низким уровнем рождаемости, увеличением доли лиц пожилого и старческого возраста.

Начиная с XX в. экономически развитые страны характеризуются очень высоким уровнем демографического старения. За последние десятилетия этот процесс стал глобальным явлением и приобрел огромные масштабы. Если в 1950 г. численность населения 65 и более лет в мире составляла 205 млн чел., в 2000 г. она была уже 590 млн чел., что в 3 раза больше; к 2020 г. их число будет насчитывать более 1 млрд чел., 700 млн из которых будут проживать в развивающихся странах, а к 2050 г. их численность вновь утроится за предшествующие 50 лет и составит 2 млрд чел. В мировом масштабе темпы роста численности пожилого населения составляют 2,6% в год, что значительно опережает темпы роста населения в целом, которые оцениваются в 1,1% в год. Ожидается, что до середины XXI в. численность пожилого населения по-прежнему будет расти опережающими темпами по сравнению с другими возрастными группами. По прогнозу ООН в 2047 г. число пожилых людей в мире превысит число детей¹.

В мире нарастают демографические изменения. Низкая рождаемость и старение человечества во многих странах могут вызывать проблемы на рынке труда, в частности, нехватку трудовых ресурсов, а также снижение налоговой базы для финансирования социальных программ для увеличивающегося сегмента людей пожилого возраста. Эти процессы приводят к существенному уменьшению коэффициента потенциальной поддержки практически во всех регионах мира (табл. 2).

¹ World Population Prospects, United Nations Department of Economic and Social Affairs (2009, updated 2012): <http://esa.un.org/wpp/>

**Изменение доли пожилого населения в структуре общей численности населения,
2010–2050 гг.**

Доля населения 65+ в 2010 г.	%	Доля населения 65+ в 2050 г.	%	Увеличение доли населения 65+ в 2010–2050 гг.	%
В мире	7,7	В мире	15,6	В мире	7,9
Регионы					
Европа	16,3	Европа	26,9	Латинская Америка и Карибский бассейн	12,5
Северная Америка	13,2	Северная Америка	21,8	Азия	10,6
Океания	10,7	Латинская Америка и Карибский бассейн	19,3	Европа	10,5
Азия	6,8	Океания	17,9	Северная Америка	8,6
Латинская Америка и Карибский бассейн	6,8	Азия	17,4	Океания	7,2
Африка	3,4	Африка	5,9	Африка	2,4
Уровень развития					
Развитые страны	16,1	Развитые страны	25,8	Остальные развитые страны	9,7
Остальные развитые страны	6,2	Остальные развитые страны	16,0	Развитые страны	9,7
Наименее развитые страны	3,5	Наименее развитые страны	6,9	Наименее развитые страны	3,4
Топ-20 стран					
Япония	23,0	Япония	36,5	Республика Корея	23,8
Германия	20,8	Республика Корея	34,9	Куба	21,9
Италия	20,3	Испания	34,5	Тайланд	21,5
Греция	19,0	Португалия	34,4	Сингапур	19,9
Латвия	18,4	Куба	34,4	Испания	17,4
Болгария	18,3	Италия	33,0	Ливан	17,2
Швеция	18,2	Германия	32,7	Коста-Рика	16,6
Португалия	18,0	Греция	32,1	Вьетнам	16,5
Австрия	17,8	Словения	30,4	Португалия	16,4
Хорватия	17,5	Тайланд	30,4	Тунис	16,0
Эстония	17,5	Мальта	29,3	Бразилия	15,6
Бельгия	17,2	Хорватия	29,2	Китай	15,6
Финляндия	17,1	Катар	29,1	Польша	15,6
Испания	17,1	Польша	29,1	Чили	15,4
Швейцария	16,9	Сингапур	28,9	Словакия	15,4
Франция	16,8	Болгария	28,6	Македония	15,0
Венгрия	16,7	Сербия	28,4	Сербия	14,6
Дания	16,7	Румыния	28,2	Кипр	14,5
Словения	16,7	Словакия	27,7	Мексика	14,2
Великобритания	16,6	Австрия	27,6	Турция	14,1

Источник: World Population Prospects, United Nations Department of Economic and Social Affairs (2009, updated 2012): <http://esa.un.org/wpp/>

По данным многочисленных зарубежных исследований, в развитых странах мира наблюдается устойчивая тенденция к динамичному увеличению доли лиц старше 80 лет в общей структуре населения: это та группа населения, в которой существенно нарастает число лиц, нуждающихся в уходе.

Мадридский международный план действий по проблемам старения по-новому рассматривает вопросы, связанные со старением народонаселения и индивидуальным старением. Согласно мадридскому плану действий, к «продуктивной» группе населения, вносящей вклад в развитие общества, отнесены и лица пожилого возраста. Однако для привлечения населения пожилого возраста к участию в развитии общества необходим комплексный подход: мобилизация усилий государства, социальных и общественных служб, средств массовой информации, а также здравоохранения¹.

Показатель ожидаемой продолжительности жизни при рождении вырос в мире за последнюю половину XX в. почти на 20 лет, однако, в темпах и величине его прироста существуют большие различия в разных странах и регионах мира.

Новая категория стран под общим названием «Emerging Markets» — страны с развивающейся экономикой — сформировалась в XX столетии. В настоящее время эти страны привлекают все большее внимание в связи с тем, что их вклад в мировое экономическое развитие постоянно и прогрессивно увеличивается. Не существует общепринятого списка стран с развивающейся экономикой. Несомненно, к этой категории относятся страны БРИКС: Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка. Однако к числу «Emerging Markets» можно также отнести такие страны как Турция, Чехия, Мексика, Польша, Индонезия, Казахстан, Корея, Чили, Венгрия, Малайзия, Египет, Таиланд, Марокко и еще ряд стран. Эти страны различаются с точки зрения политических, социальных и культурных особенностей, однако, их объединяет тот факт, что с 1980 г. по настоящее время они:

- достигли устойчивого экономического роста;
- преуспели в снижении таких показателей, как вызванная низким уровнем дохода бедность, рождаемость, детская смертность, инфекционные заболевания, неграмотность;
- добились относительной стабильности в плане политического устройства и управления на уровне государства;
- разработали адекватные финансовые и судебные системы, что в определенной степени способствовало привлечению отечественных и иностранных инвестиций;
- имеют довольно большую численность населения, солидные экономики и рынки, а также обладают существенным внешним влиянием, достаточным для того, чтобы быть существенными или даже доминирующими игроками в региональной и глобальной политике;
- столкнулись с вызовами и возможностями, связанными с демографическими, экономическими, технологическими и др. переменами².

Данные о ВВП по группам стран отражены на рис. 1.

Вместе с тем достаточно очевидно, что до настоящего времени страны с быстро развивающейся экономикой мало преуспели в решении социальных вопросов, включая вопросы, связанные с феноменом увеличения продолжительности жизни и старения населения. Многие страны полагаются на изжившие себя подходы или «импортные» решения. И совсем немногие осознали, что демографическая транс-

¹ Политическая декларация и Мадридский международный план действий по проблемам старения 2002 года. Доклад второй Всемирной ассамблеи по проблемам старения. Мадрид, 8-12 апреля 2002 года. Организация Объединенных Наций, Нью-Йорк, 2002. <http://undesadspd.org/Portals/0/ageing/documents/Fulltext-Russian.pdf>

² The Emerging Markets Symposium. Ageing in Emerging Markets (2015): <http://ems.gtc.ox.ac.uk>

Коэффициент потенциальной поддержки в различных регионах мира, 1975–2045 гг.

Регион	1975	1985	1995	2005	2015	2025	2035	2045
Суб-экваториальная Африка	14,5	14,1	13,9	13,9	14,0	13,8	13,2	11,6
Центральная Азия	7,9	9,9	9,1	9,2	11,7	8,3	6,5	5,7
Юго-Восточная Азия	11,7	11,7	11,4	10,6	9,9	7,2	5,2	4,1
Западная Азия	9,7	10,9	10,5	10,3	10,9	8,4	6,4	4,9
Восточная Европа	5,9	5,9	4,8	4,4	4,4	3,2	2,9	2,5
Российская Федерация	6,5	6,2	4,9	4,5	4,9	3,4	3,1	2,9
Западная Европа	4,0	4,4	4,1	3,5	3,0	2,4	1,9	1,8
Латинская Америка и страны Карибского бассейна	10,5	10,4	9,8	8,9	7,6	5,8	4,3	3,3
Северная Америка	5,3	5,0	4,7	4,9	4,0	3,0	2,5	2,5

Примечание. Коэффициент потенциальной поддержки представлен отношением численности населения в возрастной группе от 20 до 64 лет к численности населения в возрастной группе от 65 и более лет.

Источник: United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2015). World Population Prospects: The 2015 Revision, custom data acquired via website

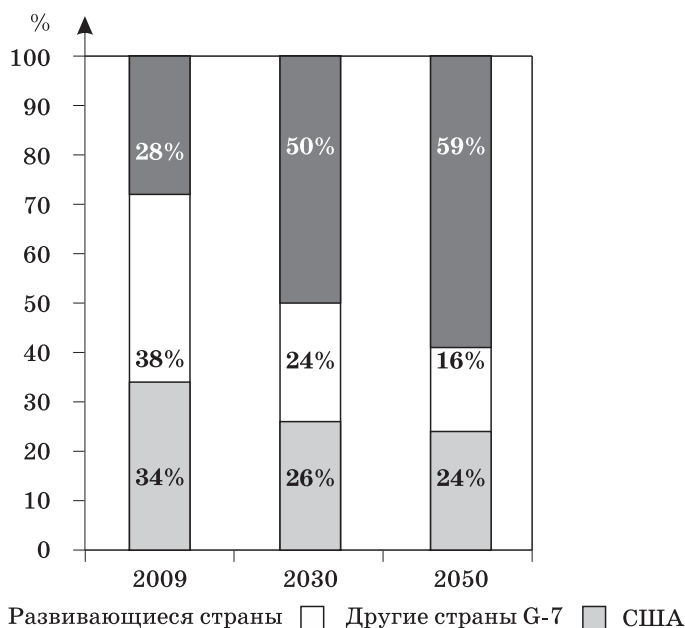

Рис. 1. ВВП (в 2005 г. в долл) по группам стран, в процентном соотношении к G-20, 2009–2050 гг.

Источник: Uri Dadush and Bennett Stancil, The World Order in 2050 (Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, April 2010)

формация общества и сопутствующие ей трансформация семьи и эпидемиологический переход в этих странах происходят или вскоре будут происходить несоизмеримо быстрее, чем в сегодняшних странах с высоким уровнем дохода. Эти и сопутствующие вопросы были включены в повестку дня Симпозиума «Старение в странах с развивающейся экономикой», который проходил с 15 по 18 января 2015 г. в колледже Грин Темплтон Оксфордского университета. Симпозиумы, посвященные вопросам человеческого благосостояния в странах с развивающимися экономиками, проводятся в колледже Грин Темплтон начиная с 2008 г. Предыдущие симпозиумы были посвящены вопросам *здоровья и здравоохранения* (2009); *урбанизации, здоровья и индивидуальной безопасности* (2011); *высшего образования* (2012); *гендерного равенства* (2013); и *здоровья матери и ребенка* (2014). Подробная информация об этих симпозиумах изложена на сайте: <http://ems.gtc.ox.ac.uk/>.

Симпозиум по вопросам старения собрал 50 экспертов и практиков из 20 стран мира, включая как страны с развивающимися экономиками, так и страны с высоким уровнем дохода. В оксфордской встрече участвовали специалисты в различных областях: геронтология, экономика, финансы, социология, антропология, медицина, здравоохранение, социальная политика, а также влиятельные представители сфер политики, бизнеса и гражданского общества. В программу симпозиума были включены вопросы физического и психического здоровья пожилого человека, экономического и социального благополучия людей старших возрастов, а также вопросы, касающиеся роли ключевых участников политики в области старения: правительств, корпораций, международных организаций, гражданского общества, научных организаций и отдельных личностей. Специальная сессия была посвящена перспективам старения в Бразилии, Индии, Китае и странах СНГ, в том числе и России.

По мнению экспертов ООН, снижение рождаемости и детской смертности, с одной стороны, и увеличение продолжительности жизни, с другой стороны, будет способствовать увеличению доли населения в возрасте 65 лет и старше в период с 2010 до 2050 гг. с 7% до 20% в Бразилии; с 8% до 24% — в Китае; с 13 до 26% — в России; и с 5 до 12% — в Индии. Население в развивающихся странах стареет в 6 раз быстрее, чем в странах с высоким уровнем дохода¹.

Из каждых трех человек в возрасте 60 лет или старше два человека живут в развивающихся странах (см. рис. 2). К 2050 г. почти 4 человека из каждых 5 в возрасте 60 лет или старше будут жить в развивающихся странах. В настоящее время Япония — единственная страна в мире, в которой люди в возрасте 60 лет или старше составляют более 30% населения. К 2050 г. будет 64 страны, в которых люди старшего возраста составят более 30% населения. Число людей во всем мире в возрасте более 100 лет возрастет с 316 600 в 2011 г. до 3,2 млн в 2050 г.

Примером страны с быстро демографически стареющим населением может являться Казахстан, где доля лиц в возрасте 60 лет и старше в структуре населения к началу 2013 г. достигла 10,2% с прогнозируемой тенденцией к ее дальнейшему повышению к середине столетия до 25%, в том числе, доля людей в возрасте 80-ти лет и старше увеличится более чем в 3 раза [1].

Демографическое старение населения имеет глобальный характер и оказывает серьезное воздействие на стороны жизни отдельного человека и общества в целом. Эти вопросы касаются в разной степени в том числе и стран СНГ, так как они на-

¹ The World Bank (2014). World Development Indicators. Last updated 11th June 2014, retrieved 10 October 2014 from The World Bank: <http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators>; World Health Organization, World Health Statistics (2014): http://www.who.int/gho/publications/world_health_statistics/en/index.html

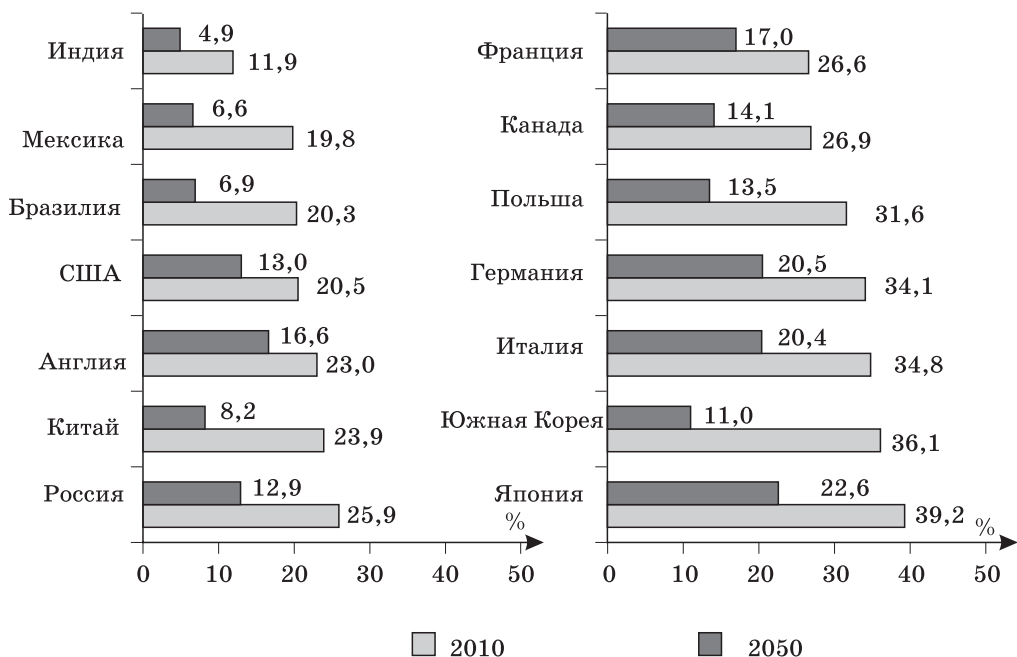

Рис. 2. Доля населения в возрасте 65 лет и старше в наиболее быстро стареющих странах мира, 2010–2050 гг.

Источник: The World Bank (2014). World Development Indicators. Last updated 11th June 2014, retrieved 10 October 2014 from The World Bank: <http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators>

ходятся на разных стадиях демографического перехода. Так, по доле населения возраста 60 лет и старше в 2009 г. Украина занимала 27-е, а Россия — 44-е место среди 196 стран мира. В этом же году по этому показателю Кыргызстан занимал 107-е, Узбекистан — 121-е, Туркменистан — 126-е, а Таджикистан — 156-е место. По показателю медианного возраста населения Украина в 2011 г. входила в группу 30 «старейших» стран мира, Россия заняла 40-е место, в то время как Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан были среди сотни самых «молодых» стран мира. Таким образом, по этим двум показателям страны СНГ занимают весьма обширное пространство в последовательности стран мира, находящихся на разных стадиях демографического перехода [2].

Демографический показатель ожидаемой продолжительности жизни косвенно свидетельствует о качестве жизни в данной стране и в этой связи является одним из компонентов для вычисления индекса человеческого развития. Низкую продолжительность жизни и высокую смертность в странах СНГ по сравнению с развитыми странами мира многократно анализировали в научной литературе. Изучение сложившейся демографической ситуации, ее причин и потенциальных возможностей увеличения продолжительности жизни, особенно мужчин, является одной из приоритетных задач биологии, социологии и медицины [3].

Вызовы и возможности, связанные со старением населения в странах с развивающейся экономикой, не являются для них уникальными, но темпы демографических перемен в этих странах сжаты во времени до такой степени, что демографический переход, который занимал 150 лет в странах с развитой экономикой, может произойти в течение 25 лет в некоторых странах с быстро развивающейся экономикой.

Доклад о работе оксфордского симпозиума по старению был впервые представлен 30 июня 2015 г. в Палате лордов британского парламента. Рекомендации доклада призывают к разработке национальной политики по старению в развивающихся странах, включая пересмотр обязательного пенсионного возраста, а также включение вопросов старения в документы ООН, посвященные вопросам устойчивого развития.

Десять ключевых рекомендаций доклада адресованы правительствам, международным организациям, деловому сектору, гражданскому и научному сообществам. Они нацелены на улучшение качества жизни людей в странах с развивающейся экономикой в условиях старения и использование новых возможностей в сфере здравоохранения стареющих обществ. В докладе приводятся основные вызовы, характерные для стран с быстро развивающейся экономикой, а именно:

- Растущая разница между продолжительностью жизни и возрастом выхода на пенсию для официального сектора занятости в развивающихся странах. Уже сейчас в некоторых случаях пребывание на пенсии составляет больший период времени, чем трудовая деятельность. Это ставит под угрозу устойчивость систем социальной защиты.
- Для развивающихся стран типично иметь обширный сектор неформальной экономики: неофициальный сектор (неструктурированная и не облагающаяся налогом занятость) насчитывает 82% от общей занятости в Южной Азии, 65% в Восточной и Юго-Восточной Азии (исключая Китай), 51% в Латинской Америке и 10% в Восточной Европе и Центральной Азии. Многие люди, занятые в неформальной экономике, обычно имеют очень низкий уровень оплаты труда, они не являются участниками пенсионной системы, и не имеют иного выбора, кроме как работать до конца жизни.
- Большинство систем здравоохранения в развивающихся странах не обладают достаточным потенциалом для борьбы с инфекционными и хроническими заболеваниями, деменцией, нарушениями эмоциональной сферы. В этих странах практически отсутствуют квалифицированные медицинские кадры для оказания медицинской помощи пожилым людям.
- Урбанизация и возрастающая мобильность рабочей силы привели к изоляции пожилых людей, которая, в свою очередь, оставила многих, в особенности женщин, уязвимыми для эксплуатации и насилия¹.

Участники Симпозиума пришли к выводу о том, что:

- Старение характеризуется снижением адаптивности к вызовам окружающей среды и изменениям внутренней среды организма, в связи со снижением ресурса жизнедеятельности организма.
- Возрастные изменения проявляются у разных людей в разной степени, в различных комбинациях и в разном хронологическом возрасте. Темп старения человека индивидуален и зависит от уровня здоровья в течение жизни, образа жизни, работы и нагрузки (физической и психической), которую испытывает человек, а также образования, привычек, физического, культурного, социального и эмоционального окружения, наследственности. От этих внешних и внутренних факторов зависит состояние здоровья, запас энергии и перспективы долголетия человека.

Представляя отчет в Палате лордов, исполнительный директор Симпозиума Ян Скотт отметил: «Существует много потенциальных возможностей у экономики, в которую активно вовлечено старшее поколение. Здоровые люди старшего возраста могут работать до более позднего возраста, компенсируя дефицит рабочей силы, связанный со спадом рождаемости, и гарантируя, что знания и опыт старших

¹ The Emerging markets symposium. Ageing in Emerging markets (2015): <http://ems.gtc.ox.ac.uk>

поколений не будет утрачен. Однако все преимущества активного долголетия не будут осознаны, если развивающиеся страны не смогут справиться с вызовами и возможностями в их политической, культурной, социальной и организационной сферах».

Участники симпозиума пришли также к выводу, что возможности увеличения физиологического ресурса жизнедеятельности человека и здорового долголетия могут быть реализованы в странах с растущими экономиками, если эти страны смогут воспользоваться достижениями новых технологий; разработают и осуществят программы поощрения здорового образа жизни; создадут физическую и социальную среду, адаптированную к потребностям людей с физическими и психическими особенностями; внедрят образовательные и оздоровительные стратегии для лиц всех возрастов; примут реалистичные подходы к финансовому обеспечению на поздних этапах жизни человека; научатся координировать программы и планы по вопросам старения, преодолевая межведомственные барьеры внутри правительства. Одна из главных проблем, которую следует решить, — это распространение нищеты среди людей старших возрастов.

Важно понять на всех уровнях общества, что решить возможные проблемы, связанные со старением общества, вряд ли удастся, если само общество не осознает, что его граждане в возрасте 65 лет и старше представляют потенциал развития, а не обузу; что определение «нетрудоспособного возраста» следует кардинально пересмотреть; что социальная и экономическая политика государства должна учитывать растущую продолжительность жизни; и, наконец, что тождество понятий «старение» и «инвалидность» должно быть отвергнуто.

Литература

1. Бенберин В.В., Ахетов А.А., Танбаева Г.З. Медико-социальные технологии моделирования активного долголетия в Республике Казахстан // Успехи геронтологии. 2015. Т. 28. № 1. С. 173–176.
2. Сидоренко А.В., Михайлова О.Н. Осуществление Мадридского международного плана действий по проблемам старения в странах СНГ: первые 10 лет // Успехи геронтологии. 2013. Т. 26. № 4. С. 585–593.
3. Khavinson V.Kh., Mikhailova O.N. Health and Aging in Russia // In: Global Health and Global Aging. Ed. by: M. Robinson, W. Novelli, C. Pearson, L. Norris // AARP Foundation, Jossey-Bass, USA, 2007. P. 226–237.

References

1. Benberin V.V., Akhetov A.A., Tanbayeva G. Z. *Medical and social technologies of modeling of active longevity in the Republic of Kazakhstan* [Mediko-sotsial'nye tekhnologii modelirovaniya aktivnogo dolgoletiya v Respublike Kazakhstan] // Achievements of gerontology [Uspekhi gerontologii]. 2015. V. 28. N 1. P. 173–176. (rus)
2. Sidorenko A.V., Mikhailova O.N. *Implementation of the Madrid international plan of action on aging problems in the CIS countries: first 10 years* [Osushchestvlenie Madridskogo mezhdunarodnogo plana deistvii po problemam stareniya v stranakh SNG: pervye 10 let] // Achievements of gerontology [Uspekhi gerontologii]. 2013. V. 26. N 4. P. 585–593. (rus)
3. Khavinson V.Kh., Mikhailova O.N. *Health and Aging in Russia* // In: Global Health and Global Aging. Ed. by: M. Robinson, W. Novelli, C. Pearson, L. Norris // AARP Foundation, Jossey-Bass, USA, 2007. P. 226–237.

О перспективах расширения Евразийского экономического союза

Косов Юрий Васильевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Заместитель директора
Заведующий кафедрой международных отношений факультета международных отношений СЗИУ РАНХиГС
Член Академии политической науки
Доктор философских наук, профессор
kosov@szags.ru

Фролов Владимир Евгеньевич

Комитет по внешним связям Санкт-Петербурга
Ведущий специалист отдела обеспечения международных мероприятий
Организационно-протокольного управления
Преподаватель кафедры международных процессов евразийского региона СЗИУ РАНХиГС
Аспирант кафедры международных отношений СЗИУ РАНХиГС
vladimir9000072@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматривается возможность организации взаимодействия Евразийского экономического союза (ЕАЭС) с такими государствами, как Египет, Индия, Иран, Китай, Новая Зеландия, Сирия, Турция, Япония и рядом других стран.

Авторы анализируют возможности сотрудничества ЕАЭС с указанными странами, рассматривают возможные выгоды от этого сотрудничества и приходят к выводу, что наиболее приемлемой формой взаимодействия на настоящий момент является зона свободной торговли.

Также в статье сделан вывод о том, что государствам-участникам Евразийского экономического союза необходимо уделять особое внимание вопросам расширения ЕАЭС, обеспечивая не только геополитические, но и экономические интересы союза.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

евразийская интеграция, евразийский регион, Евразийский экономический союз

Kosov Yu. V., Frolov V. E.

On Prospects of Expansion of the Eurasian Economic Union

Kosov Yury Vasilyevich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Deputy Director
Head of the Chair of International Relations of faculty of the International Relations of North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Member of Academy of Political Science
Doctor of Science (Philosophy), Professor
kosov@szags.ru

Frolov Vladimir Evgenyevich

Committee on External Relations of St. Petersburg
Leading expert of Department of ensuring the international actions of Organizational and Protocol Office
Lecturer of the Chair of the International Processes of the Eurasian region of North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Graduate student of the Chair of the International Relations of North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
vladimir9000072@mail.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the analysis of the possible cooperation between the Eurasian economic union (EAEU) and different countries of the world as China, Egypt, India, Iraq, Japan, New Zealand, Syria, Turkey and others.

The authors analyze the possibilities of cooperation of the EAEU with these countries, examine probable profit from the partnership and make a conclusion that the most acceptable form of interaction for today is a free trade zone.

Also the authors withdraw, that the participant countries of the Eurasian economic union should pay extra attention to the questions of expanding the EAEU and ensure geopolitical and economic interests of the union.

KEYWORDS

eurasian integration, eurasian region, Eurasian Economic Union (EEU)

В сложной, динамично развивающейся системе интеграционных взаимоотношений на евразийском пространстве можно условно выделить два уровня: двустороннее сотрудничество между государствами и многосторонние интеграционные проекты. В качестве примера первого вида взаимодействия назовем сотрудничество Российской Федерации и Республики Беларусь, закрепленное рядом соглашений, в том числе, Договором о создании Союзного государства¹ (далее — СГБР). Примером второго обозначенного нами вида взаимодействия является Евразийский экономический союз² (далее — ЕАЭС), объединяющий на момент подготовки данного материала пять государств: Республику Армения, Республику Беларусь, Республику Казахстан, Киргизскую Республику и Российскую Федерацию.

Евразийская интеграция в наши дни вступает во взаимодействие с другими перспективными интеграционными процессами, прежде всего, с проектом Экономического пояса Шелкового пути, выдвинутого Китаем.

Так, 8 мая 2015 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин и Председатель Китайской Народной Республики Си Цзиньпин договорились о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП)³. Таким образом, возникает новый интеграционный феномен в современных международных отношениях, который будет требовать детального и глубокого изучения.

Взаимодействие таких проектов, как Евразийский экономический союз и «Экономический пояс Шелкового пути» можно обозначить как третий уровень системы интеграционных взаимоотношений на евразийском пространстве, о которой говорилось выше. Данный уровень — это трансрегиональные мегапроекты, которые объединяют многосторонние интеграционные проекты регионального масштаба.

В контексте интересов Российской Федерации в евразийском регионе необходимо упомянуть тот факт, что о возможности сотрудничества с Евразийским экономическим союзом заявили также Вьетнам, Египет, Индия, Иран, Китай, Новая Зеландия, Сирия, Турция, Япония и ряд других стран.

Отметим, что сотрудничество указанных стран с Евразийским экономическим союзом рассматривается только в единственном возможном на сегодня формате, создании зоны свободной торговли.

¹ О создании Союзного государства : [договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь от 08.12.1999 г.]. Собрание законодательства РФ, 2000. 14.02. № 7. Ст. 786.

² О Евразийском экономическом союзе : [договор: подписан в г. Астане 29.05.2014] [Электронный ресурс] // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: <http://www.eurasiancommission.org>.

³ Российско-китайские переговоры [Электронный ресурс] // Администрация Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/49430> (дата обращения: 11.05.2015).

Говоря о стремительно растущей роли **Китая** на мировой арене, как было отмечено выше, следует подчеркнуть высокую вероятность укрепления сотрудничества России и КНР. Это касается как двухстороннего взаимодействия, так и формата «ЕАЭС-Китайская Народная Республика». О процессе формирования рабочего механизма по данному направлению говорит, например, состоявшаяся 8 мая 2015 г. встреча Члена Коллегии (Министра) по торговле ЕЭК А.А. Слепнева и Министра коммерции КНР Г. Хученом, на которой началось обсуждение торгово-экономического сотрудничества между ЕАЭС и Китаем¹.

По оценкам экспертов, состыковка ЕАЭС и трансевразийского торгово-инфраструктурного проекта Экономического пояса Шелкового пути станет прорывом в отношениях, причем не только в двухстороннем формате «РФ-КНР», но и в многостороннем формате «ЕАЭС-КНР»².

На встрече Члена Коллегии (Министра) по таможенному сотрудничеству ЕЭК В.А. Гошина и руководителя Главного таможенного управления Китайской Народной Республики Ю. Гуанчжоу, состоявшейся 27–28 мая 2015 г., прошло обсуждение дальнейших перспектив взаимодействия в рамках ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути. Таким образом, сфера таможенного регулирования явилась одной из первых точек соприкосновения ЕАЭС и Китая³.

Отметим, что взаимодействие таких крупных проектов, как ЕАЭС и ЭПШП является весьма перспективным: основой Экономического пояса Шелкового пути является идея строительства трансконтинентальной транспортной сети на всем пространстве от Балтийского моря до Тихого океана. По оценкам специалистов, «Китай занимает лидирующие позиции в сфере транспортных перевозок и создания новых маршрутов» среди государств евразийского пространства⁴. Расширение транспортной сети на территории государств Евразийского экономического союза может оказать положительное воздействие не только на экономику самих стран-участниц ЕАЭС, но и позволит значительно сократить время транспортной коммуникации через их территории, что может благоприятно сказаться на функционировании всего интеграционного объединения.

Что касается **Турции**, то ее намерения сотрудничать со столь крупным интеграционным проектом, коим планируется Евразийский экономический союз, можно объяснить следующим. Для Турции существует три возможных и, в той или иной степени, перспективных с экономической точки зрения пути интеграционного взаимодействия, а именно: Европа, Ближний Восток и евразийский регион.

Интеграция Турции с Европейским союзом возможна только в формате ассоциированного членства. Это, как и в случае с Грузией, Молдавией и Украиной, означает принятие ассоциированным членом ряда обязательств и условий, требующих ощутимых экономических затрат, и, при этом, вовсе не гарантирует скорое полноценное членство.

¹ ЕЭК начнет переговоры о развитии торгово-экономического сотрудничества Евразийского экономического союза с Китаем [Электронный ресурс] // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/12-05-2015-1.aspx> (дата обращения: 17.05.2015).

² Петровский: «сстыковка» ЕАЭС и Шелкового пути будет прорывом [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL: <http://ria.ru/economy/20150508/1063350343.html> (дата обращения: 18.05.2015).

³ Министр ЕЭК Владимир Гошин: «Сфера таможенного регулирования стала одной из первых точек соприкосновения ЕАЭС и КНР» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/29-05-2015-2.aspx> (дата обращения: 01.06.2015).

⁴ Шанхайская организация сотрудничества: модель 2014–2015: рабочая тетрадь № 21/2015. М., 2015. С. 19–20.

В ближневосточной интеграции Турция имеет ряд перспектив, однако, политическая нестабильность региона, а также наличие крупных ресурсных запасов, контролируемых такими государствами, как Саудовская Аравия, Ирак, Иран, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты, сделает Турцию простым участником интеграционных процессов, без претензий на значительное расширение сфер собственного влияния.

Принимая во внимание геополитический аспект, предположим, что участие Турции в евразийском интеграционном проекте может оказаться для ЕАЭС достаточно интересным. Как отмечают специалисты, взаимодействие Турции с Евразийским экономическим союзом оказало бы положительное влияние на политический климат на Кавказе, что позволило бы России укрепить свое влияние на данном направлении¹. Однако, учитывая присоединение Армении к ЕАЭС, данный сценарий находится под вопросом и требует серьезной проработки.

Следует обратить внимание на договоренность о создании зоны свободной торговли **Египта** и Евразийского экономического союза². В качестве перспектив сотрудничества ЕАЭС и Египта следует отметить интенсификацию торговли между странами — будущими участницами зоны свободной торговли.

Так, например, по словам помощника Президента РФ Ю. В. Ушакова, за 11 месяцев 2014 г. товарооборот России и Египта увеличился на 80% по сравнению с аналогичным периодом 2013 г. и составил 4,6 млрд долл. Египет является крупным покупателем российских энергоресурсов (более 1 млрд долл.), а также зерновых (около 1 млрд долл.), что составляет около 40% потребностей страны³.

Согласно заявлению премьер-министра Российской Федерации Д. А. Медведева, на момент подготовки данного материала возможность создания зоны свободной торговли Египта и ЕАЭС прорабатывалась на экспертном уровне⁴. Мы предполагаем, что ЗСТ будет создана и начнет функционировать в ближайшее время, возможно, до конца 2016 г.

Во взаимодействии с Евразийским экономическим союзом также заинтересован **Вьетнам**. Создание зоны свободной торговли с ЕАЭС, о котором было объявлено в мае 2015 г., позволит расширить доступ на вьетнамский рынок и рынок стран АСЕАН, а также, как и в случае с Египтом, увеличить товарооборот между странами-участницами ЕАЭС и Вьетнамом. Так, по оценкам экспертов, товарооборот между странами ЕАЭС и Вьетнамом к 2020 г. увеличится более чем в 2,5 раза (с 3,7 до 10 млрд долл.)⁵.

По словам В. Б. Христенко, Соглашение о зоне свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и Социалистической Республикой Вьетнам помимо преференциального торгового режима охватывает также вопросы управления правами на интеллектуальную собственность и целый ряд других направлений⁶.

¹ Евразийская интеграция: телега впереди лошади [Электронный ресурс] // ИноСМИ.ru. URL: <http://inosmi.ru/sngbaltia/20131031/214357942.html> (дата обращения: 08.11.2013).

² Евразийский союз и Египет договорились о создании зоны свободной торговли [Электронный ресурс] // Деловой Петербург. — URL: http://www.dp.ru/a/2015/02/10/Evrazijskij_sojuz_i_Egipet/ (дата обращения: 13.02.2015).

³ ЕАЭС и Египет создадут рабочую группу по зоне свободной торговли [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL: <http://ria.ru/economy/20150205/1046118883.html> (дата обращения: 13.02.2015).

⁴ Премьер РФ: прорабатывается вопрос соглашения о ЗСТ Египта с ЕАЭС [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL: <http://ria.ru/economy/20150806/1164750249.html> (дата обращения: 07.08.2015).

⁵ ЕАЭС открывается для Вьетнама [Электронный ресурс] // ИА «Росбалт». URL: <http://www.rosbalt.ru/exussr/2015/05/29/1403309.html> (дата обращения: 02.06.2015).

⁶ По итогам второго заседания Евразийского межправительственного совета подписано Соглашение о зоне свободной торговли между ЕАЭС и Социалистической Республикой Вьетнам [Электронный ресурс] // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/29-05-2015-5.aspx> (дата обращения: 02.06.2015).

Отметим также, что данное соглашение является первым международным документом, закрепляющим договоренность о зоне свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и третьей стороной.

О желании создать зону свободной торговли с Евразийским экономическим союзом заявил также **Тунис**¹. Для ЕАЭС эта страна представляет интерес как импортер сельскохозяйственной продукции. Для Туниса сотрудничество со странами-участницами союза означает возможность привлечения в свою страну инвестиций, а также поиска новых торговых партнеров.

Индия имеет значительный геополитический вес в мире, по показателю ВВП (ППС) она занимает III место после Китая и США. Развитие отношений Евразийского экономического союза с Индией будет иметь позитивное влияние на обе стороны. Принимая во внимание обширную территорию и экономический потенциал этой страны, подчеркнем, что создание зоны свободной торговли с Индией потребует достаточно серьезных переговоров с целью проработки условий, на которых может быть создана эта зона. Отметим, что при правильном проведении взаимовыгодной интеграционной политики, сотрудничество с этой страной может усилить Евразийский экономический союз.

О желании сотрудничать с ЕАЭС заявляли власти **Сирии**. На настоящий момент эта страна находится в экстраординарном положении: все сферы жизнедеятельности государства поражены кризисом (внутренняя и внешняя политика, экономика, социальная сфера), часть территории страны контролируется террористическими и экстремистскими группировками, одной из которых является Исламское государство (ИГ, ИГИЛ), в городах ведутся боевые действия, по позициям незаконных вооруженных бандформирований наносятся точечные бомбовые удары. Сейчас стоит вопрос о сохранении целостности страны и политического режима. В случае благоприятного развития и стабилизации ситуации вокруг и внутри этой страны, включая проведение успешных операций по подавлению террористических и сепаратистских группировок, Сирию в дальнейшей перспективе можно рассматривать как потенциального участника определенных форм евразийской интеграции.

Говоря о потенциальных партнерах Евразийского экономического союза, нельзя не упомянуть об **Украине**, ставшей в последнее время объектом пристального внимания со стороны политиков, журналистов и ученых всего мира. В этой связи, мы не будем подробно рассматривать политическую ситуацию вокруг Украины в рамках данного исследования. Отметим лишь одну из экономических сторон данного вопроса: Украина является экспортером электроэнергии для своих западных соседей: Молдовы, Румынии, Венгрии, Словакии и Польши, также обладает большим потенциалом в сельскохозяйственной сфере и в области промышленности. Партнерство с Европейским союзом позволило бы значительно снизить стоимость экспорта электроэнергии из Украины в восточноевропейские страны при условии поставок европейских энергоресурсов для работы украинских тепловых электростанций. Однако, учитывая большую зависимость Евросоюза от импорта основных видов энергоносителей (нефтепродукты, газ), подобное предположение является маловероятным, поскольку избрание Украиной западного сценария развития явно не способствует снижению цен на импорт российского газа. Как отмечалось, в случае выбора евразийского направления сотрудничества, цена газа составила бы 160 долларов за 1000 м³, что в 2,5 раза меньше, чем Украина платила в 2012 г. (425 долл.). Для сравнения: стоимость

¹ Тунис предложил создать зону свободной торговли с ТС и ЕАЭС [Электронный ресурс] // ФГБУ «Редакция «Российской газеты»». URL: <http://www.rg.ru/2015/01/14/tunis-anons.html> (дата обращения: 07.03.2015).

российского газа для Беларуси на момент развития кризиса на Украине в 2013 г. составляла 165 долл.¹.

Сейчас политические элиты Украины сделали выбор в пользу Европейского союза, однако геополитический потенциал этой страны, развитие экономики, ментальность и ряд других показателей говорят о том, что евразийское направление интеграции в этой стране, в настоящее время, находится в латентной форме. Отметим, что этот потенциал достаточно велик и не исключено, что участие Украины в евразийской интеграции через определенный временной промежуток, а также при условии смены политической элиты, может стать вполне вероятным.

Сотрудничество ЕАЭС с новыми участниками, безусловно, будет способствовать эффективному развитию экономик обеих сторон. Как было отмечено выше, на сегодняшний день наиболее приемлемым форматом взаимодействия Евразийского экономического союза с государствами, находящимися вне евразийского региона, является зона свободной торговли.

Отношения в Евразийском экономическом союзе основываются на равноправной основе, политика России направлена на построение полноценных партнерских отношений со всеми государствами-участниками ЕАЭС. Геополитический потенциал и положение Российской Федерации на мировой арене, с одной стороны, создает определенную несимметричность в Евразийском экономическом союзе. В данной ситуации необходимо проводить хорошо продуманную, сбалансированную политику, исключающую политический окрас имеющейся асимметрии и ущемление прав других участников. С другой стороны, участие такого крупного актора международных отношений в ЕАЭС позволяет этому интеграционному объединению на равных вести диалог и выстраивать отношения с такими гигантами, как Китай, Индия и другие страны.

Учитывая вышеизложенное, отметим, что для укрепления своих позиций в регионе, Евразийскому экономическому союзу, безусловно, следует развивать и закреплять торгово-экономические отношения с другими государствами. Однако, в целях обеспечения экономической безопасности участников Союза, важно не допускать чрезмерного политико-экономического влияния извне, т. е. государств, не являющихся участниками ЕАЭС.

В качестве примера возможного негативного влияния принятия новых участников с недостаточным уровнем развития экономики на интеграционное объединение рассмотрим результаты проведенного нами сравнительного анализа уровня экономического развития стран Европейского союза, позволившего выявить следующую особенность: страны, получившие членство в Евросоюзе в период первых четырех расширений ЕС (до 1995 г.) обладают более высокими показателями уровня экономического развития, чем страны, вступившие в ЕС во время пятого и шестого расширений (с 2004 г.)². Для наглядной демонстрации данных различий была составлена таблица с условным разделением на 2 группы (табл. 1).

Табл. 1 демонстрирует величину разницы в экономическом развитии, когда страны условной первой группы по уровню ВВП (ППС) на душу населения кратно превосходят страны условной второй группы. Наиболее заметны различия с такими государствами, как Австрия, Люксембург, Нидерланды и Швеция. В результате проведенного анализа необходимо отметить, что страны, присоединившиеся к Ев-

¹ Белоруссия ожидает роста цен на российский газ [Электронный ресурс] // РосБизнесКонсалтинг. URL: <http://top.rbc.ru/economics/13/09/2013/876632.shtml> (дата обращения: 13.09.2013).

² В анализе учтены страны Восточной Европы, присоединившиеся к Европейскому союзу в V и VI расширении, кроме Кипра и Мальты. Данные получены автором путем деления показателя ВВП ППС на душу населения стран первой группы на показатель стран второй группы.

Сравнение ВВП (ППС) на душу населения стран Европейского союза первой и второй условных групп

II группа	I группа														
	Люксембург	Австрия	Нидерланды	Швеция	Германия	Ирландия	Дания	Бельгия	Великобритания	Франция	Финляндия	Италия	Испания	Греция	Португалия
Румыния	5,9	3,2	3,1	3,1	3,0	3,0	2,8	2,8	2,8	2,7	2,7	2,3	2,2	1,8	1,7
Болгария	5,4	2,9	2,9	2,8	2,8	2,7	2,6	2,6	2,6	2,5	2,5	2,1	2,1	1,7	1,6
Хорватия	4,3	2,3	2,3	2,3	2,2	2,2	2,1	2,1	2,1	2,0	2,0	1,7	1,6	1,3	1,3
Латвия	4,1	2,2	2,2	2,2	2,1	2,1	2,0	2,0	2,0	1,9	1,9	1,6	1,6	1,3	1,2
Венгрия	3,9	2,1	2,1	2,1	2,0	2,0	1,9	1,9	1,9	1,8	1,8	1,5	1,5	1,2	1,1
Польша	3,7	2,0	2,0	1,9	1,9	1,9	1,8	1,8	1,8	1,7	1,7	1,4	1,4	1,1	1,1
Литва	3,5	1,9	1,8	1,8	1,8	1,7	1,7	1,7	1,6	1,6	1,6	1,3	1,3	1,1	1,0
Эстония	3,4	1,8	1,8	1,8	1,7	1,7	1,6	1,6	1,6	1,5	1,5	1,3	1,3	1,0	1,0
Словакия	3,2	1,7	1,7	1,7	1,6	1,6	1,5	1,5	1,5	1,5	1,4	1,2	1,2	1,0	0,9
Кипр	3,1	1,7	1,7	1,6	1,6	1,6	1,5	1,5	1,5	1,4	1,4	1,2	1,2	1,0	0,9
Чехия	2,9	1,6	1,5	1,5	1,5	1,5	1,4	1,4	1,4	1,3	1,3	1,1	1,1	0,9	0,8
Мальта	2,8	1,5	1,5	1,5	1,4	1,4	1,4	1,4	1,3	1,3	1,3	1,1	1,1	0,9	0,8
Словения	2,8	1,5	1,5	1,5	1,4	1,4	1,4	1,4	1,3	1,3	1,3	1,1	1,1	0,9	0,8
<i>К.о.1</i>	3,8	2,0	2,0	2,0	1,9	1,9	1,8	1,8	1,8	1,7	1,7	1,5	1,4	1,2	1,1

ропейскому союзу в результате пятого и шестого расширений, значительно отличаются от остальных государств ЕС по уровню экономического развития.

Данный факт нашел отражение в кризисной ситуации в рамках Европейского союза в конце 2000-х — начале 2010-х годов, когда усложнение экономической ситуации в ряде европейских стран привело к кризису зоны Евро (кризис рынка государственных облигаций в Греции, финансово-экономический кризис в Испании, экономический кризис в Республике Кипр, финансово-экономический кризис в Португалии и т. д.).

Перспектива стыковки стратегии «Один пояс — один путь» и Евразийского экономического союза

Хань Лихуа

Старший научный сотрудник Института международной коммерции при Университете внешней экономики и торговли Китая

Директор с китайской стороны Института Конфуция при Российском государственном гуманитарном университете
confucius.inst@gmail.com

РЕФЕРАТ

В статье рассматривается новая экономическая стратегия Китая под названием «Один пояс — один путь», целями которой являются развитие северо-восточных регионов Китая и интеграция сопредельных евразийских государств. Автор говорит о стыковке проектов «Один пояс — один путь» и Евразийского экономического союза как возможности для всех участников и анализирует выгоды, которые это принесет, уделяя особенное внимание России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Китай, Россия, «Один пояс — один путь», неравномерность развития, устойчивое развитие, региональное сотрудничество

Han Lihua

Prospect of the Correlation of the Strategy «One Belt — One Road» and the Eurasian Economic Union

Han Lihua

Senior research associate of Institute of the International Commerce at University of External Economy and Trade of China

Director from the Chinese party of Institute of Confucius at Russian State Humanitarian University
confucius.inst@gmail.com

ABSTRACT

In the article new economic strategy of China named «One Belt — One Road» is considered. Its purposes are development of northeast regions of China and integration of the adjacent Eurasian states. The author speaks about joining of the projects «One Belt — One Road» and the Eurasian Economic Union as opportunities for all participants and analyzes benefits which it will bring, paying special attention to Russia.

KEYWORDS

China, Russia, «One Belt — one Road», unevenness of development, a sustainable development, regional cooperation

Инициатива по созданию «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского шелкового пути XXI в.» (далее обобщенно — «Один пояс — один путь»), выдвинутая осенью 2013 г. председателем КНР Си Цзиньпином, стала стратегией экономической открытости нового этапа. Каким же образом будет связана данная стратегия с экономическим развитием стран евразийского региона? Проанализируем.

1. Предпосылки зарождения стратегии «Один пояс — один путь»

Стратегия «Один пояс — один путь» прежде всего отвечает на вызовы нового периода. Тот факт, что политика реформ и открытости в Китае вошла в новую фазу, требует от Китая выработать новую стратегию.

35 лет назад Китай открыл дверь навстречу внешнему миру с целью привлечения иностранных инвестиций, передовых технологий и опыта в управлении. Китай в соответствии с общими законами мировой экономики и торговых правил урегулировал и упорядочил все внутренние отношения, интегрировав свою экономику с мировой экономикой. В этом отношении Китай приложил большие усилия и добился огромных достижений, а вступление в ВТО стало важным показателем слияния экономики Китая с мировой экономикой.

В течение 35 лет бурно развивалась национальная экономика Китая. В 1978 г. Китай по показателю ВВП находился лишь на 10-м месте, в 2008 г. он уже превзошел Германию и занял 3-е место, а в 2010 г. по общему объему экономики Китай обошел и Японию, заняв 2-е место в мире. Доход на душу населения с 1978 г. по 2012 г. вырос со 190 до 5680 долл., в настоящее время он достиг почти 7500 долл. В соответствии с международными стандартами Китай уже вошел в ряд стран мира со средним уровнем доходов.

Но в силу особенностей, связанных с географическим расположением страны, обеспеченностью ресурсами, общим фундаментом развития и степенью открытости к внешнему миру в целом Китай развивался неравномерно, т. е. наблюдалась ситуация, когда в восточном регионе Китая (в его прибрежной зоне) развитие шло быстро, а в западном регионе (внутренние районы страны) — заметно отставало.

Создание открытой экономики, интеграция экономики Китая с мировой экономикой является одним из самых важных результатов политики реформ и открытости Китая за последние 35 лет, можно сказать, что это одно из основных достижений Китая. Первоначально Китай проводил политику открытости в основном в прибрежных регионах, а также вдоль пограничных зон. Через 35 лет развитию китайской экономики все больше и больше мешают занятость, рост дохода и факторы окружающей среды. С целью создания благоприятных условий для всестороннего углубления реформ, в настоящее время экономика Китая переходит от быстрых темпов развития к стабильным темпам, т. е. переходит в новое устойчивое состояние. Китаю необходимо преодолеть препятствия, обусловленные различиями в структуре и уровне развития разных регионов. Китай должен отказаться от экстенсивного способа стимуляции экономического роста и вместо этого ускорить регулирование своей экономической структуры, перейти к трансформации традиционных отраслей, тем самым гарантировав дальнейшее устойчивое экономическое развитие. В связи с этим Китай выдвинул стратегию «Один пояс — один путь», целью которого является осуществление развития западной части Китая и возрождение северо-восточных регионов Китая.

Развитие международной политической и экономической ситуации требует не только разработки глобальной стратегии Китая, но и регулирования национальной, региональной и внешней политики в отношении сопредельных стран. В настоящее время развитие экономической глобализации только усиливается, развитие региональной экономической интеграции также ускоряется, назревают глубокие изменения как в росте мировой экономики и торговли, так и в структуре инвестиций. Все страны Евразии находятся в ключевой стадии трансформации и модернизации своих экономических систем, для осуществления всего этого необходимо дополнительно стимулировать процесс развития и потенциал сотрудничества в регионе. И именно стратегическая концепция «Один пояс — один путь» сможет, с одной стороны, удовлетворить потребность Китая во внутренней экономической его трансформации, а с другой стороны, — удовлетворить экономические потребности стран Евразии, находящихся вдоль «Шелкового пути». Стратегия «Один пояс — один путь» открывает новые пути и возможности для взаимовыгодного сотрудничества между Китаем и странами Евразии.

2. Экономическое содержание стратегии «Один пояс — один путь»

В последние годы в странах и районах вокруг Китая планируются различные модели интеграции и регионального сотрудничества. Инициатива по созданию «экономического пояса Шелкового пути» демонстрирует желание и намерение Китая наладить сотрудничество со странами данного региона.

В соседних с Китаем регионах, особенно в Центральной Азии и СНГ, в последние годы стали появляться различные инициативы по сотрудничеству, стали предлагаться разнообразные модели экономического сотрудничества. Это и различные евразийские модели, и Американский «План большой Центральной Азии», и «План нового Шелкового пути», и прочие стратегии и инициативы, выдвинутые Японией и ЕС. В отличие от стратегий, выдвинутых Америкой, Ираном, Японией и другими странами, в стратегии «Один пояс — один путь» не содержится так называемого компонента геополитических игр, напротив — данная стратегия предполагает идею равенства и взаимной выгоды, учитывает принцип толерантности и возможность обучения друг у друга, что должно привести в итоге к взаимовыгоде и совместному развитию.

Инициатива по созданию «Шелкового пути» была выдвинута с учетом принципа взаимного дополнения экономик, с учетом различий между Китаем и соседними странами, а также с учетом всех существующих недостатков в инфраструктуре всех предполагаемых участников данного экономического проекта. Такая взаимодополняемость обеспечивает важную основу для долгосрочного делового сотрудничества Китая с соседними странами, и даже создание Евразийского союза не смогло повлиять на взаимодополняемость экономических систем Китая и сопредельных с ним стран, ведь только в процессе совместных усилий по созданию «Экономического пояса Шелкового пути» будет возможным в полной мере преодолеть неразвитость инфраструктуры в этом регионе.

Инициатива по созданию «Шелкового пути» основана именно на такой реальности. «Экономический пояс Великого шелкового пути» для Китая является стратегией развития реформ и открытости нового этапа, а для внешнего мира она является инициативой по сотрудничеству на основе взаимной выгоды и общего выигрыша. Предложенные Китаем проекты экономических коридоров между Китаем, Индией, Мьянмой и республикой Бангладеш, а также проект китайско-пакистанского экономического коридора в полной мере демонстрируют реальное значение «Экономического пояса Шелкового пути».

3. Перспектива слияния проекта «Один пояс — один путь» с Евразийским экономическим союзом

Россия всегда очень бдительно следит за всеми политическими и экономическими процессами в субъектах бывшего СССР, в которых сама Россия не является ведущей. По этой причине у России есть два основных фактора, вызывающих опасения относительно перспектив развития «Экономического пояса Шелкового пути». Во-первых, существует опасение относительно того, что строительство «Экономического пояса Шелкового пути» может в той или иной степени нанести ущерб Евразийскому экономическому союзу и процессу евразийской интеграции. Во-вторых, у России есть опасения, связанные с тем, что «Экономический пояс Шелкового пути» в перспективе может создать конкуренцию в сфере использования и эксплуатации некоторых российских инфраструктур, в основном это касается Транссибирской магистрали, Байкало-Амурской магистрали и морского потока на севере.

Экономическое развитие России, находясь под воздействием санкций Запада и падения цен на нефть, испытывает серьезные затруднения. В то же время, раз-

витие инфраструктуры в России осуществляется относительно медленно и сила ее экономического развития пока недостаточна. Это заставляет различные общественные круги России по-новому оценить перспективы слияния двух грандиозных проектов экономического развития: китайского проекта «Один пояс — один путь» и Евразийского экономического союза, возглавляемого Россией. Российские аналитики считают, что эффективная стыковка этих двух проектов может стимулировать экономическое развитие стран вдоль всего шелкового пути, и особенно инфраструктурное строительство на территории стран-членов ШОС.

Лидеры России придают большое значение стыковке проектов «Один пояс — один путь» с Евразийским экономическим союзом и рассматривают ее в качестве важного фактора роста российской экономики. Президент России Владимир Владимирович Путин на состоявшемся Международном экономическом форуме в Санкт-Петербурге в июне 2015 г. отметил, что укрепление отношений партнерства со странами Азиатско-Тихоокеанского региона является залогом скорейшего развития Дальнего Востока РФ.

Говоря о значении стыковки проектов «Один пояс — один путь» и Евразийского экономического союза, Путин отметил, что интеграция этих двух больших стратегий развития будет способствовать укреплению сотрудничества в области высоких технологий, транспорта, инфраструктуры и, в частности, такая интеграция будет содействовать развитию Дальневосточного региона России, это есть не только важнейший шаг на пути к интеграции Европы и Азии. Кроме того, благодаря такой интеграции страны Азии, Евразии и даже Европы получат хорошие возможности для своего развития.

Образование Евразийского экономического союза базируется на таможенном союзе России, Белоруссии и Казахстана. 29 мая 2014 г. три государства подписали Договор о евразийском экономическом союзе. В соответствии с договором, цель Евразийского экономического союза заключается в реализации свободного передвижения товаров, услуг, капитала и людских ресурсов в рамках союза до 2025 г., а также в осуществлении согласованной экономической политики.

Для России Евразийский экономический союз представляет открытую систему, цель которой состоит в том, чтобы обеспечить интеграцию прилегающих районов и создать условия для более эффективного развития связей со всеми возможными партнерами. В условиях политики и санкций Запада по отношению к России, Россия на дипломатическом уровне все более пристально присматривается к Востоку, а создание Евразийского союза также способствует более эффективному налаживанию торгово-экономических связей России с рядом азиатских государств.

Важно обратить внимание и на то, что Китай и Россия географически соседствуют друг с другом, развитие политических отношений между двумя странами достигло высокого уровня. Благодаря выдвинутой Китаем стратегии экономического развития «Один пояс — один путь» в первую очередь Россия получает благоприятные возможности для своего дальнейшего развития. Как заявил заведующий финансово-экономической кафедрой Института современного развития России Масленников, Китай и Россия являются двумя соседствующими странами, и это географическое преимущество позволят им расширить сотрудничество в области строительства инфраструктуры. Стратегический проект «Один пояс — один путь» отвечает интересам развития дальневосточного региона России. Ведь в настоящее время в дальневосточном регионе России отмечается относительное отставание в части автомобильных, железных дорог и других объектов инфраструктуры. Поэтому, если не будет развития самой инфраструктуры дальневосточного региона России, то невозможно будет планировать и его экономическое развитие. Таким образом, Россия нуждается в укреплении сотрудничества с Китаем, в частности в области инфраструктурного строительства на Дальнем Востоке в рамках проекта «Один пояс — один путь».

Стратегия «Один пояс — один путь», характеризующаяся высокой степенью инклюзивности, обнаруживает хорошую совместимость с национальными стратегиями развития стран Евразии, включая и Россию. Экономический пояс «Шелкового пути» в первую очередь является экономической инициативой, отражающей потребности развития Китая, и естественной реакцией на новые экономические условия. Обращенное к другим государствам предложение Китая присоединиться к этой инициативе вовсе не означает, что в обмен на экономическую выгоду им придется отчасти пожертвовать своим суверенитетом.

Несомненно, что реализация стратегии «Один пояс — один путь» будет открывать широкую перспективу для экономического сотрудничества Китая с другими странами мира, особенно со странами Евразийского экономического союза. С этой точки зрения можно сказать, что стратегия «Один пояс — один путь» в полной мере выгодна как для Китая, так и для России, и полностью соответствует интересам всех государств Евразии.

Новикова И. Н., Бурков В. Г., Мещеряков К. Е.

Политика России на постсоветском пространстве после возвращения Крыма: вызовы и приоритеты

Новикова Ирина Николаевна

Санкт-Петербургский государственный университет
 Декан факультета международных отношений
 Доктор исторических наук, профессор
 i.novikova@spbu.ru

Бурков Владимир Германович

Санкт-Петербургский государственный университет
 Заведующий кафедрой международных отношений на постсоветском пространстве
 факультета международных отношений
 Доктор исторических наук, профессор
 pr.mopse@gmail.com

Мещеряков Константин Евгеньевич

Санкт-Петербургский государственный университет
 Заместитель заведующего кафедрой международных отношений на постсоветском пространстве
 факультета международных отношений
 Доктор исторических наук, доцент
 pr.mopse@gmail.com

РЕФЕРАТ

Возвращение Республики Крым и г. Севастополя под суверенитет Российской Федерации стало важнейшим событием не только для нашей страны, но и в общемировом масштабе. Оно оказало существенное влияние на современную систему международных отношений. Значительные перемены произошли и во внешней политике России на постсоветском пространстве — регионе, неизменно играющем ключевую роль в системе национальных приоритетов Российской Федерации. В условиях противостояния России и стран Запада ряд государств региона поспешили дистанцироваться от Москвы или, по крайней мере, занять нейтральную позицию по украинскому кризису и «крымскому вопросу». Другие республики еще теснее сплотились с Россией, оказывая ей все большую поддержку в международных делах. В данной статье выявляются основные достижения и просчеты отечественной дипломатии на постсоветском пространстве в ее «посткрымский» период — в 2014 г. — первой половине 2015 г.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Республика Крым, политическая конфронтация, российская дипломатия на постсоветском пространстве, ОДКБ, ЕАЭС

Novikova I. N., Burkov V. G., Meshcheryakov K. E.

Policy of Russia in the Former Soviet Union after Return of the Crimea: Challenges and Priorities

Novikova Irina Nikolaevna

Saint-Petersburg State University (Russian Federation)
 Dean of Faculty of the International Relations
 Doctor of Science (History), Professor
 i.novikova@spbu.ru

Burkov Vladimir Germanovich

Saint-Petersburg State University (Russian Federation)
The head of the Chair of the International Relations in the Former Soviet Union of Faculty
of the International Relations
Doctor of Science (History), Professor
pr.mopse@gmail.com

Meshcheryakov Konstantin Evgenyevich

Saint-Petersburg State University (Russian Federation)
Deputy Head of the Chair of the International Relations in the Former Soviet Union of Faculty of the International
Relations
Doctor of Science (History), Associate Professor
pr.mopse@gmail.com

ABSTRACT

Return of the Republic of Crimea and Sevastopol under the sovereignty of the Russian Federation became the major event not only for our country, but also in universal scale. It had essential impact on modern system of the international relations. Considerable changes occurred and in foreign policy of Russia in the former Soviet Union — the region which is permanently playing a key role in system of national priorities of the Russian Federation. In the conditions of opposition of Russia and the countries of the West a number of the States of the region hurried to separate from Moscow or, at least, to take a neutral position on the Ukrainian crisis and «The Crimean question». Other republics rallied with Russia even more closely, giving it the increasing support in the international affairs. In this article the main achievements and miscalculations of domestic diplomacy in the former Soviet Union during its «Post-Crimean» period — in 2014 — the first half of 2015 come to light.

KEYWORDS

The Republic of Crimea, political confrontation, Russian diplomacy in the former Soviet Union, Collective Security Treaty Organization (CSTO), Eurasian Economic Union (EEU)

Возвращение Крыма и Севастополя под суверенитет Российской Федерации стало не только значительным событием в истории нашей страны, но и важной вехой в развитии существующей системы международных отношений. Впервые после распада СССР Российская Федерация изменила конфигурацию своих границ, расширив собственную территорию за счет включения в ее состав новых земель. Подобные шаги имели односторонний характер и не получили одобрения ООН. В ответ страны Запада ввели в отношении Москвы жесткие санкции, фактически означавшие возобновление острой политической конфронтации между Россией и ее западными партнерами, сопоставимой по своим масштабам лишь с «холодной войной». Учитывая, что Российская Федерация является одним из ключевых игроков на международной арене, действия ее западных партнеров привели к дестабилизации всей мирополитической ситуации.

В подобных обстоятельствах представляется весьма важным проследить влияние событий «крымской весны» на особенности российской дипломатии на постсоветском пространстве — в регионе, неизменно провозглашаемом важнейшим в системе внешнеполитических приоритетов нашей страны. Данная задача и определила основное содержание настоящей статьи.

Хотя возвращение Крыма под суверенитет Российской Федерации было справедливым с исторической точки зрения, реализация соответствующей процедуры вызвала у постсоветских республик весьма неоднозначную реакцию. Так, безоговорочную поддержку воссоединению России и Крыма высказали лишь главы Абхазии¹

¹ Абхазия поддерживает и признает референдум в Крыму // Информационное агентство «Интерфакс». 2014. 17 марта // <http://www.interfax.ru/world/365019>.

и Южной Осетии¹. Руководство Армении², Казахстана³ и Киргизии⁴ проявило большую сдержанность, но все же встало на сторону России. Министерства иностранных дел Беларуси⁵ и Узбекистана⁶ выступили с витиеватыми заявлениями, в которых не давалось конкретных оценок происходящего, и содержался призыв к России и Украине вернуться к прямому диалогу. Внешнеполитическое ведомство Азербайджана, сославшись на проблему Нагорного Карабаха, подчеркнуло свою приверженность принципу территориальной целостности и предложило урегулировать ситуацию с Крымом в рамках конституции Украины, но не подвергло действия Москвы какой-либо критике⁷. Наконец, руководители Грузии⁸ и Молдавии⁹ назвали воссоединение России и Крыма незаконным.

Спустя неделю, 27 марта 2014 г., в ходе голосования по резолюции «О территориальной целостности Украины»¹⁰ в Генеральной Ассамблее ООН, расклад сил оказался менее благоприятным для России. Ее позицию поддержали лишь два постсоветских государства: Армения и Белоруссия. Четыре делегации (Азербайджана, Грузии, Молдавии, Украины) выступили с осуждением действий Москвы. Два государства (Казахстан и Узбекистан) воздержались, еще три делегации (Киргизии, Таджикистана и Туркмении) не участвовали в голосовании¹¹. При этом, учитывая саму специфику процедуры голосования в Генеральной Ассамблее ООН и очевидную заинтересованность России в поддержке ее партнеров, позицию сторон, воздержавшихся или не участвовавших в соответствующем голосовании, скорее можно было трактовать как неодобрение действий Москвы при явном нежелании портить с ней свои отношения.

Очевидно, что дальнейший характер внешней политики России на постсоветском пространстве во многом был обусловлен позицией тех или иных государств по «крымскому вопросу». В результате уже в апреле 2014 г. в отношениях Российской Федерации с большинством постсоветских республик усилилось похолодание, на-

¹ Тибилев Л. Х. Чаения народа Крыма о воссоединении с Россией стали реальностью // Президент Республики Южная Осетия: Официальный сайт. 2014. 18 марта // <http://presidentruo.org/?p=7838>.

² Состоялся телефонный разговор Президента Сержа Саргсяна с Президентом РФ Владимиром Путиным // Президент Республики Армения: Официальный сайт. 2014. 19 марта // <http://www.president.am/ru/press-release/item/2014/03/19/President-Serzh-Sargsyan-conversation-with-the-President-of-Russian-federation/>

³ Заявление Министерства иностранных дел Республики Казахстан // Казахстанская правда. 2014. 18 марта.

⁴ МИД Кыргызстана: Результаты референдума в Крыму — волеизъявление большинства населения полуострова // Информационное агентство «Фергана». 2014. 20 марта // <http://www.fergananews.com/news/21970>.

⁵ Заявление Министерства иностранных дел Республики Беларусь от 19 марта 2014 г. // Пресс-служба МИД Республики Беларусь. 2014. 19 марта // <http://mfa.gov.by/press/statements/f37cedcbbaa1d826.html>.

⁶ Позиция Республики Узбекистан по ситуации в Украине и Крымскому вопросу // Пресс-служба МИД Республики Узбекистан. 2014. 24 марта // <http://www.mfa.uz/ru/press/news/2014/03/1525/>

⁷ Мамедьяров Э. М. Азербайджан выступает за урегулирование конфликта в Украине в рамках конституции этой страны // Информационное агентство Азери-пресс. 2014. 18 марта // <http://ru.ara.az/news/267968>.

⁸ Президент Молдовы заявил, что присоединение Приднестровья к РФ никому не выгодно // Вести. мд. 2014. 18 марта // <http://vesti.md/?mod=news&id=26986>.

⁹ Президент Грузии заявил, что референдум в Крыму не может иметь правовых последствий // Новости — Грузия. 2014. 17 марта // <http://newsgeorgia.ru/politics/20140317/216450684.html>.

¹⁰ Территориальная целостность Украины: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН А/RES/68/262 от 27 марта 2014 г.

¹¹ Итоги голосования Генассамблеи ООН по Крыму: список стран и жесткая реакция МИДа, обвиняющего Украину и ее западных партнеров // Интернет-телевидение «Piter.TV». 2014. 28 марта // http://piter.tv/event/rezul_tati_golosovaniya_general_noj_assamblei_oon_po_krimu_tablica/

метившееся еще в предыдущие годы вследствие углубления в нашей стране и сопредельных государствах кризисных экономических тенденций [3, 4, 5, 7]. За исключением Грузии, с которой Москва вообще не поддерживала официальных контактов, подобное похолодание, как правило, проявлялось в уменьшении интенсивности двустороннего диалога, «снижении планок» двустороннего сотрудничества, пересмотре его значимости для России и государств-партнеров. В данной связи отечественные дипломаты стали уделять основное внимание углублению контактов с тремя группами стран: участниками Таможенного союза Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), включающего Россию, Белоруссию и Казахстан; союзниками Москвы по Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), объединяющей Россию, Армению, Белоруссию, Казахстан, Киргизию и Таджикистан; странами, занимающими по отношению к России демонстративно лояльную позицию и юридически также являющимися ее союзниками (Абхазия, Южная Осетия). На этом фоне уровень взаимодействия России с иными постсоветскими республиками заметно снизился. В ряде случаев (Молдавия, Туркменистан) подобная тенденция не представляла реальной угрозы для интересов России, поскольку ее отношения с соответствующими государствами и прежде не отличались особой глубиной и стабильностью. Однако сокращение масштабов сотрудничества Российской Федерации с Азербайджаном и Узбекистаном являлось весьма негативным явлением, поскольку данные государства занимают ключевые позиции в своих субрегионах, обладают стратегически важными ресурсами, имеют многочисленные русские диаспоры, сравнительно развитые экономики и стремительно растущие внутренние рынки, пользуются заслуженным авторитетом на мировой арене. Кроме того, с юридической точки зрения Республика Узбекистан является стратегическим партнером и союзником России, что должно выдвигать ее в число ключевых партнеров Москвы на постсоветском пространстве [6, 10].

На этом фоне новые трудности возникли и в отношениях России с ее партнерами по ОДКБ и ЕврАзЭС. В рамках ОДКБ Россия продолжила курс на укрепление внутреннего единства организации, расширение военного сотрудничества стран-участниц, наращивание ими интеграции в военно-политической и военно-технической сферах, укрепление внешних рубежей союза¹.

Между тем у Москвы и Астаны стали проявляться все большие разногласия по поводу перспектив взаимодействия в ракетно-космической области. В отличие от 2012–2013 гг., когда подобные противоречия то и дело попадали в средства массовой информации², в 2014 г. — начале 2015 г. соответствующих «утечек» практически не наблюдалось. Вместе с тем, в России заметно активизировалась работа по сооружению космодрома «Восточный» в Амурской области. В условиях, когда еще в 2004 г. президенты России и Казахстана подписали соглашение о продлении сроков российской аренды космодрома «Байконур» вплоть до 2050 г.³, подобные меры неизбежно вызвали сомнение по поводу истинных намерений сторон продолжать стратегическое партнерство в данной области, являющейся одной из ключевых во всей системе их отношений.

¹ Заявление глав государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности // Президент России: Официальный сайт. 2014. 23 дек. // http://news.kremlin.ru/ref_notes/4796.

² См. например: Россия выдвинула ультиматум Казахстану на 500 млн долл. // Известия. 2013. 24 янв.; Россия считает рабочим моментом расхождения с Казахстаном по Байконуру // РИА Новости. 2013. 25 янв. // <http://ria.ru/science/20130125/919713161.html>; Путин и Назарбаев заявили, что приемлемые решения по Байконуру найдены // РИА Новости. 2013. 8 февр. // <http://ria.ru/politics/20130208/921993646.html>.

³ Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о развитии сотрудничества по эффективному использованию комплекса «Байконур» от 9 января 2004 г. // Бюллетень международных договоров. 2012. № 7. С. 98–100.

Вопреки усилиям российской дипломатии, довольно натянутыми оставались отношения между Россией и Таджикистаном. Душанбе продолжил предпринимать шаги по диверсификации своей внешней политики, в ускоренном порядке развивая взаимодействие с Китаем, Малайзией, странами Ближнего и Среднего Востока¹. На этом фоне рамки его сотрудничества с Россией оставались крайне узкими; по существу, оно сводилось к реализации сторонами ряда совместных инвестиционных проектов и обеспечению условий эксплуатации Россией военных объектов, расположенных на территории Таджикистана [9, 11]. Республика продемонстрировала неспособность присоединиться к Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС), что также негативно сказалось на характере ее взаимодействия с Россией.

Свою собственную линию в рамках ОДКБ продолжало проводить руководство Беларуси, традиционно воспринимающее это объединение с позиций собственной выгоды и не особо заботящееся об интересах иных государств-членов. Это оказывало неблагоприятное воздействие на формирование единого оборонного пространства ОДКБ, препятствуя нормальному функционированию созданных в его рамках структур. В конце 2014 г. А.Г. Лукашенко в свойственной ему резкой манере обрушился с критикой на российские СМИ², что также противоречило союзническому статусу российско-белорусских отношений.

В рассматриваемый период главными задачами российской дипломатии в рамках Таможенного союза ЕврАзЭС являлись: выработка общей позиции стран-участниц в связи с введением против России международных санкций; подготовка к созданию на основе ЕврАзЭС Евразийского союза, призванного стать более интегрированной, динамичной и практически ориентированной структурой, чем все ее предшественники. В обоих случаях у Москвы также возникло немало серьезных проблем.

Введение странами Запада санкций против России и объявление Москвой встречных санкций против западных партнеров оказало весьма негативное воздействие на экономическую ситуацию в нашей стране. Однако партнеры России по Таможенному союзу, Белоруссия и Казахстан, не попали под давление западных стран и, следовательно, не имели оснований для ужесточения в отношении них собственной экономической политики. Это автоматически привело к расколу Таможенного союза и фактическому восстановлению в его рамках внутренних барьеров на перемещение товаров. Хотя для Москвы подобные меры являлись строго необходимыми (в противном случае объявленные ею санкции против стран Запада перестали бы выполняться), они не нашли понимания у Астаны и Минска. Белоруссия продолжила поставки в Россию «запрещенных» товаров, импортируемых из стран ЕС, убирая с них этикетки с указанием европейского производителя и наклеивая собственные. В результате российские таможенники ввели ограничения на пропуск через границу крупных партий продовольствия из Беларуси и в ноябре 2014 г. между двумя государствами началась своего рода «торговая война»³. Ситуация усугублялась девальвацией российского рубля, в результате которой белорусские и казахстанские товары стали менее рентабельными относительно продукции, производимой в России; в ответ в Казахстане началась проработка вопроса о введении ограничений на импорт из России некоторых видов сельскохозяйственной продук-

¹ Визиты // Президент Республики Таджикистан: Официальный сайт // <http://www.president.tj/ru/taxonomy/term/5/65>.

² Заявления для прессы по итогам заседания ВЕЭС // Президент России: Официальный сайт. 2014. 23 дек. // <http://www.kremlin.ru/news/47318>.

³ Григорьева Э. Торговый фронт. Союзники по ЕАЭС Россия и Белоруссия ввели запрет на ввоз ряда товаров с территории друг друга и досматривают грузы на границе // Новые известия. 2014. 22 дек.

ции, автомобилей и строительных товаров¹. Очевидно, что подобная практика подрывала основы Таможенного союза ЕврАзЭС, нанося ощутимый урон российской дипломатии на постсоветском пространстве.

Что касается проекта Евразийского союза, то в соответствии с договором от 29 мая 2014 г.² он был сформирован на несколько иных принципах, чем это предусматривалось президентом России В. В. Путиным в его программной статье «Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня»³. Под давлением Казахстана из договора были исключены все положения, способные ограничить суверенитет стран-участниц и выходящие за рамки их сугубо экономической интеграции: статьи об общем гражданстве, внешней политике, межпарламентском сотрудничестве, паспортно-визовой системе, охране границ, экспортном контроле⁴. В итоге вместо полномасштабного Евразийского союза Россия, Белоруссия и Казахстан создали его «усеченный» вариант — Евразийский экономический союз. Реакцией России на жесткую позицию ее партнеров стало лоббирование процесса присоединения к ЕАЭС государств, в экономическом плане значительно отстающих от стран «Таможенной тройки»: Армении и Киргизии. Данные государства являлись последовательными союзниками Москвы на мировой арене, поэтому представляется, что их подключение к работе Союза определялось в большей степени политическими, а не экономическими соображениями. В результате «интеграционное ядро» ЕАЭС стало размываться, и уже в момент своего создания данная структура начала развиваться по сценарию, апробированному ее предшественниками — Таможенным союзом образца 1995–2000 гг. и ЕврАзЭС. Опыт эволюции вышеозначенных объединений свидетельствует о том, что выбор подобного варианта формирования ЕАЭС являлся недостаточно конструктивным: прежде чем санкционировать вступление в Союз новых членов, странам-участницам следовало бы реализовать в его рамках хотя бы несколько крупных совместных проектов, обеспечить стыковку собственных интересов, адаптировать нормы национального законодательства к новым условиям их существования. В противном случае ЕАЭС рискует повторить судьбу ЕврАзЭС: объединить участников с принципиально разным уровнем социально-экономического развития, не переварить масштабы своего расширения и погрузиться в кризис, вызванный его общей неэффективностью [2, 8].

Таким образом, приходится констатировать, что после возвращения Крыма под суверенитет России внешняя политика Москвы на постсоветском пространстве сталкивалась с существенными трудностями. Важнейшими из них стали: отсутствие поддержки России большинством постсоветских республик по «крымскому вопросу»; дальнейшее сокращение масштабов сотрудничества России с двумя ключевыми государствами региона — Азербайджаном и Узбекистаном; обострение противоречий с ближайшими союзниками нашей страны — Белоруссией, Казахстаном, Таджикистаном; неспособность Москвы обеспечить прорыв в развитии ОДКБ и ЕврАзЭС/ЕАЭС; неспособность добиться реализации проекта о Евразийском союзе в его первоначальном виде.

¹ Казахстану приписали желание ограничить импорт российских товаров // Информационное агентство «Интерфакс». 2015. 6 февр. // <http://www.interfax.ru/business/422316>.

² Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. // Евразийская экономическая комиссия: Официальный сайт // <http://www.eurasiancommission.org/ru/Lists/EECDocs/635375701449140007.pdf>.

³ Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 3 окт.

⁴ Интересы Казахстана не пострадают в рамках ЕАЭС, заверяют в МИД республики // Евразийский коммуникационный центр. 2014. 26 мая // <http://eurasiancenter.ru/news/20140526/1003489794.html>.

В то же время в рассматриваемый период российская дипломатия на постсоветском пространстве достигла некоторых важных результатов, которые, безусловно, следует записать в ее актив.

Несмотря на резкое ухудшение социально-экономической и геополитической ситуации, невзирая на настойчивые попытки США и их союзников «оторвать» постсоветские республики от России, нашей стране в целом удалось сохранить лидирующие позиции на постсоветском пространстве. Для большинства стран региона она по-прежнему остается ведущим политическим, военным, торговым, экономическим партнером и государством, вызывающим у них большее доверие, чем любая иная великая держава.

Критика постсоветскими режимами действий Российской Федерации в Крыму и ее отношения к новым киевским властям не только не приобрела угрожающих масштабов, но и вообще не была сколько-нибудь заметной. За исключением Молдавии и Грузии, новые независимые государства старались сохранить нейтралитет и не вмешиваться в противостояние России с новым правительством Украины и его зарубежными покровителями.

В 2014–2015 гг. Российской Федерацией было заключено два новых союзнических договора с постсоветскими государствами: Договор о союзничестве и стратегическом партнерстве с Республикой Абхазия [1] и Договор о союзничестве и интеграции с Республикой Южная Осетия¹. Вопреки настойчивым попыткам Грузии и ее зарубежных партнеров «удушить» данные республики, за истекшие полтора года последними были совершены новые важные шаги по пути укрепления своей государственности и развития национальных экономик.

Еще с двумя постсоветскими государствами, Арменией и Киргизией, России удалось заметно расширить союзническое взаимодействие и стратегическое партнерство, добиться их включения в ЕАЭС. Особенно отрадным представляется тот факт, что российско-киргизские отношения практически полностью очистились от негативных наслоений, возникших в них еще в последние годы президентства А. А. Акаева и сохранявшихся на протяжении целого десятилетия².

Если в предыдущие годы в отдельных постсоветских республиках имели место случаи ущемления прав российских соотечественников (как это было, например, в Киргизии после «Народной революции» 2010 г.), то в последнее время подобные факты не фиксировались.

России как главному посреднику в урегулировании межнациональных конфликтов на постсоветском пространстве удалось обеспечить сохранение стабильности в Приднестровье, на Южном Кавказе и Памире.

Исключительно важной представляется роль Москвы в урегулировании конфликта на территории Украины. В данном случае особо отметим следующие моменты: способность противостоять бесчинствам украинских экстремистов на востоке страны; оказание крупномасштабной гуманитарной помощи местному населению; активная международная позиция нашей страны в связи с обострением ситуации в братской республике (в частности, создание механизма «Нормандской группы» и обеспечение проведения переговоров в Минске); и в то же время — умение российского руководства не поддаваться на провокации США и их союзников, благодаря чему Россия избежала прямого втягивания в данный конфликт. На этом фоне Российской Федерации удалось предотвратить эскалацию конфликта на территорию Крыма.

¹ Договор между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия о союзничестве и интеграции от 18 марта 2015 г. // Президент России: Официальный сайт. 2015. 18 марта // http://www.kremlin.ru/ref_notes/4819.

² Подробнее см.: [1].

Наконец, в условиях обострения напряженности в отношениях России со странами Запада, наша страна начала проводить более активную внешнюю политику на других ее направлениях — в частности, на Дальнем, Ближнем и Среднем Востоке. В результате подобной диверсификации внешней политики России значимость постсоветского пространства в ней еще более выросла.

В целом после возвращения Крыма и Севастополя под суверенитет Российской Федерации внешняя политика Москвы на постсоветском пространстве имела немало сильных и слабых сторон. В данной связи представляется, что ее главными задачами на ближайшую перспективу должны стать: сохранение Россией ведущих позиций в регионе; поддержание отношений с сопредельными государствами на возможно более высоком уровне; развитие отношений стратегического партнерства и союзнического взаимодействия с республиками, заключившими с нашей страной соответствующие соглашения; недопущение дальнейшего охлаждения отношений с Азербайджаном, Белоруссией, Казахстаном, Таджикистаном, Туркменией, Узбекистаном; преодоление внутренних противоречий и продвижение интеграционного взаимодействия в рамках ОДКБ и ЕАЭС при отказе от форсированного расширения данных организаций; сохранение активной позиции по вопросу о защите прав российских соотечественников на постсоветском пространстве; поддержание стабильности в зонах межнациональных конфликтов в регионе; оказание гуманитарной помощи жителям Украины, проведение систематической работы с новым руководством этой республики с целью недопущения дальнейшей эскалации в ней внутривнутриполитических и социальных конфликтов.

Литература

1. Мещеряков К. Е. Внешняя политика России в Центральной Азии: проблемы и тенденции развития, пути модернизации с целью повышения эффективности. СПб., 2012. С. 87–117.
2. Мещеряков К. Е. Интеграционные процессы на постсоветском пространстве и участие в них России. СПб., 2012. С. 85–101.
3. Мещеряков К. Е. Российско-киргизские отношения после «Народной революции» в Киргизии (2010–2012) // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2013. № 2. С. 154–160.
4. Мещеряков К. Е. Российско-таджикские отношения в 2005–2012 гг.: углубление противоречий и попытки их преодоления // Клио. 2013. № 8. С. 101–105.
5. Мещеряков К. Е. Российско-туркменские отношения в 2008–2012 годах: становление стратегического партнерства // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2013. № 2. С. 164–172.
6. Мещеряков К. Е. Российско-узбекские межгосударственные отношения: основные тенденции и проблемы развития. СПб.: Изд-во СПб ГУ, 2008. С. 105–136.
7. Мещеряков К. Е. Российско-казахстанские отношения в 2008–2012 годах: тенденции и проблемы развития // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2013. № 1. С. 82–87.
8. Burkov V. G. Russia's attitude toward integration associations in the post-Soviet space // Life Science Journal. 2014. N 11 (11s). P. 229–231.
9. Burkov V. G. Russia's national interests in Central Asia in the context of changes within the international system // Life Science Journal. 2014. N 11 (11s). P. 233–234.
10. Burkov V. G. Russian-Kazakhstani and Russian-Uzbekistan relations: opposing models of political and military alliances // Life Science Journal. 2014. N 11 (11s). P. 236–237.
11. Meshcheryakov K. Y. Russia's Central Asian Alliances: The Real Deal? // World Applied Sciences Journal. 2014. N 30 (12). P. 1781–1783.

References

1. Meshcheryakov K. E. *Foreign policy of Russia in Central Asia: problems and tendencies of development, a way of modernization for the purpose of efficiency increase* [Vneshnyaya

- политика России в Тsentral'noi Azii: problemy i tendentsii razvitiya, puti modernizatsii s tsel'yu povysheniya effektivnosti]. SPb., 2012. P. 87–117. (rus)
2. Meshcheryakov K. E. *Integration processes in the former Soviet Union and participation of Russia in them* [Integratsionnye protsessy na postsovetском prostranstve i uchastie v nikh Rossii]. SPb., 2012. P. 85–101. (rus)
 3. Meshcheryakov K. E. *The Russian-Kyrgyzstan relations after «National revolution» in Kyrgyzstan (2010–2012)* [Rossiisko-kirgizskie otnosheniya posle «Narodnoi revolyutsii» v Kirgizii (2010–2012)] // Scientific and technical sheets of the St. Petersburg State Polytechnical University. Humanitarian and social sciences [Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki]. 2013. N 2. P. 154–160. (rus)
 4. Meshcheryakov K. E. *The Russian-Tajikistan relations in 2005–2012: deepening of contradictions and attempt of their overcoming* [Rossiisko-tadzhikskie otnosheniya v 2005–2012 gg.: uglublenie protivorechii i popytki ikh preodoleniya] // Clio [Klio]. 2013. N 8. P. 101–105. (rus)
 5. Meshcheryakov K. E. *The Russian-Turkmenistan relations in 2008–2012: formation of strategic partnership* [Rossiisko-turkmenske otnosheniya v 2008–2012 godakh: stanovlenie strategicheskogo partnerstva] // Scientific and technical sheets of the St. Petersburg State Polytechnical University. Humanitarian and social sciences [Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki]. 2013. N 2. P. 164–172. (rus)
 6. Meshcheryakov K. E. *Russian-Uzbek interstate relations: main tendencies and problems of development* [Rossiisko-uzbekskie mezhgosudarstvennye otnosheniya: osnovnye tendentsii i problemy razvitiya]. SPb. : Publishing house of the St. Petersburg State Polytechnical University [Izd-vo S. Peterb. un-ta], 2008. P. 105–136. (rus)
 7. Meshcheryakov K. E. *The Russian-Uzbek relations in 2008–2012: tendencies and problems of development* [Rossiisko-uzbekskie otnosheniya v 2008–2012 godakh: tendentsii i problemy razvitiya] // Scientific and technical sheets of the St. Petersburg State Polytechnical University. Humanitarian and social sciences [Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki]. 2013. N 1. P. 82–87. (rus)
 8. Burkov V. G. *Russia's attitude toward integration associations in the post-Soviet space* // Life Science Journal. 2014. N 11 (11s). P. 229–231.
 9. Burkov V. G. *Russia's national interests in Central Asia in the context of changes within the international system* // Life Science Journal. 2014. N 11 (11s). P. 233–234.
 10. Burkov V. G. *Russian-Kazakhstan and Russian-Uzbekistan relations: opposing models of political and military alliances* // Life Science Journal. 2014. N 11 (11s). P. 236–237.
 11. Meshcheryakov K. Y. *Russia's Central Asian Alliances: The Real Deal?* // World Applied Sciences Journal. 2014. N 30 (12). P. 1781–1783.

Продвижение «мягкой силы» России в Центральной Азии как инструмент развития евразийской экономической интеграции

Казанцев Андрей Анатольевич

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России
Директор аналитического центра ИМИ
Доктор политических наук
andrka@mail.ru

Гусев Леонид Юрьевич

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России
Старший научный сотрудник аналитического центра ИМИ
Кандидат исторических наук
lgoussev@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена тому, что для развития евразийской экономической интеграции очень важным является продвижение «мягкой силы» России в Центральной Азии. В связи с этим на целом ряде примеров демонстрируется, что в настоящее время именно мягкая сила играет большую роль в практике региональной политики великих держав. Авторы статьи отмечают, что сейчас в России создана и функционирует разветвленная система обеспечения многостороннего сотрудничества в социально-гуманитарной сфере. Ими проводится анализ направлений соответствующей работы, а также указываются недостатки, которые необходимо устранить для эффективного применения данного инструмента как в мире в целом, так и в Центральной Азии, в частности. В конце делаются выводы и даются практические рекомендации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

«мягкая сила», Центральная Азия, евразийская интеграция, информационная работа

Kazantsev A. A., Gusev L. Yu.

Promotion of «Soft Power» of Russia in Central Asia as an Instrument of Development of the Eurasian Economic Integration

Kazantsev Andrey Anatolyevich

Moscow State Institute of International Relations of MFA of Russia (Moscow, Russian Federation)
Director of Analytical Center of Institute of International Studies
Doctor of Political Sciences
andrka@mail.ru

Gusev Leonid Yuryevich

Moscow State Institute of International Relations of MFA of Russia (Moscow, Russian Federation)
Senior Research Fellow of Analytical Center of Institute of International Studies
Phd in Historical Sciences
lgoussev@yandex.ru

ABSTRACT

The article says that it is very important to promote the «soft power» of Russia in Central Asia for the development of the Eurasian economic integration. In this regard, the authors demonstrate on some cases that at present soft power plays an important role in the practice of the regional policy of the great powers in the region. The article points out that now Russia has developed and practically controls an extensive system of soft power instruments guaranteeing multilateral cooperation in the social and humanitarian sphere. The authors analyze ap-

plication of soft power in specific areas and define the shortcomings of Russian soft power that must be addressed for the effective application of this instrument in the world in general and in Central Asia in particular. At the end, some practical conclusions and recommendations are made.

KEYWORDS

«soft power», Central Asia, the Eurasian integration, information work

Отмечая важность информационно-пропагандистской работы, необходимо указать на то, что в настоящее время в практике региональной политики основных великих держав во всем мире (США, Китай, ЕС как субъект единой внешней политики) большую роль играет так называемая «мягкая сила» (привлекательность государства) и различные ее производные («умная сила», «нормативная сила» и т. д.). Активно развивается также использование «мягкой силы» в практике международной деятельности Российского государства. По словам министра иностранных дел России Сергея Лаврова, «сегодня очевидно, что без грамотного использования солидного ресурса „мягкой силы“ невозможно эффективно отстаивать интересы государства в мире»¹. Одним из авторов статьи (А. А. Казанцевым) в свое время был подготовлен доклад о потенциале и перспективах «мягкой силы» России [1], а затем эта тематика была развита в приложении к Центральной Азии². Данная работа представляет собой развитие ключевой темы этих публикаций — анализа перспектив применения «мягкой силы» России в Центральной Азии, однако теперь «мягкая сила» анализируется как инструмент продвижения евразийской интеграции.

В настоящее время в мире в целом и в Центральной Азии в частности за счет усилий западных СМИ формируется образ современной России как недемократического, коррумпированного и даже отсталого государства. Разумеется, рассчитывать на рост регионального влияния при таком имидже достаточно сложно. Одной из причин этого является то, что Москва сама уделяет довольно мало внимания вопросам создания позитивного образа страны за рубежом. Либо, если это делается, то чисто механически, путем распределения грантов организаций типа «Русский мир». Создается впечатление, что в России до сих пор отсутствует целостная, системная работа по построению положительного образа государства за рубежом (и прежде всего в таком сложном регионе, как Центральная Азия). А ведь если Россия не ассоциируется ни с какой положительной моделью развития в регионе, то и говорить о ее долгосрочном влиянии невозможно. При отсутствии эффективной модели развития, предлагаемой центральноазиатским элитам в рамках российского влияния, все успехи России, построенные только на материальных факторах (включающих экономическую помощь или военное присутствие), будут лишены легитимности, а, следовательно, будут недолговечными³. *Без существенной «мягкой силы» России будет лишен легитимности в регионе и проект евразийской экономической интеграции.*

Если мы посмотрим на мировые аналоги, то наиболее активно действуют в направлении создания своего позитивного имиджа за рубежом США. Там эта работа инкорпорирована в стратегию применения «мягкой силы» («soft power»), а в рамках работы администрации Обамы разработана даже новая концепция в этом направлении — «умная сила» («smart power»). Специфика последней заключается в том,

¹ Студнева Е. МИД и Общественная палата России обсудили ресурсы «мягкой силы». 13.12.2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://interaffairs.ru/read.php?item=8129>

² «Мягкая сила» России в новом тысячелетии: имеющийся потенциал и перспективы развития. М., сентябрь 2012 [Электронный ресурс]. URL: oprff.ru/files/soft_power_doklad.doc

³ Там же.

что дополнительно к нематериальным факторам «мягкой силы» используются материальные факторы в виде военной и экономической силы¹.

Даже в таком центральноазиатском государстве, как, например, имеющий серьезные свободные средства от торговли нефтью Казахстан, и то разработана достаточно эффективная модель создания позитивного образа за рубежом. Правда, эта модель значительно менее амбициозна, чем упоминавшаяся выше американская, она направлена, прежде всего, на создание положительного инвестиционного имиджа страны, привлечение туристов, защиту от обвинений в адрес политической системы государства в недостаточной демократичности. Для России, как великой мировой державы, претендующей на роль регионального гегемона на постсоветском пространстве и в Центральной Азии, в частности (например, в рамках концепции «привилегированной зоны интересов»), такая ограниченная модель формирования позитивного образа подходит лишь частично.

Ставя задачу создания позитивного образа современной России, нам следует помнить и учитывать опыт нашего прошлого. Аналогичные по сути и смыслу задачи решались нашими предшественниками и в имперский период существования Российского государства, и в советские годы. Начиная с Петра I, Россия строила имидж модернизационного государства. Сначала этот модернизационный образ государства, т. е. его направленность на реализацию лучших образцов мирового опыта (первоначально, голландского и английского, затем прусского и французского), распространялся внутри страны, а затем уже применялся на мировой арене².

Что касается советского прошлого, то нуждается в тщательном переосмыслении на новых, не тоталитарных началах тогдашний опыт того, как работала пропаганда в Центральной Азии, некоторые элементы которого до сих пор являются очень востребованными. Нужно помнить, что у Советского Союза было много искренних сторонников среди представителей элит Центральной Азии. Сначала они рекрутировались преимущественно из числа представителей местной интеллигенции, стоявших на национально-просвещенческой платформе (джадидов, младобухарцев, младохивинцев и т. п.). Это было наиболее прогрессивное крыло местных элит, концентрировавшееся преимущественно в сфере образования и — частично — государственной службы и боровшееся с религиозным традиционализмом. Оно было тесно связано с соответствующими крыльями прогрессивной интеллигенции российских татар (джадидов) и турок Османской империи (младотурок, а затем ататюркистов). Стоит вспомнить в этой связи о близости русского большевизма не только с центральноазиатским и татарским джадидизмом, но и с турецкими либерально-модернизационными движениями.

Ясно, что многое в советское время было построено на ложной идеологической основе и на тоталитарно-террористической практике. Но идеология — это только один из моментов, который активно и целенаправленно используется всеми великими державами в своей работе по продвижению влияния в мире. Стоит вспомнить, например, в этом контексте про Британскую империю с ее ярко выраженной модернизационно-либеральной идеологией. Идеология Российской империи, а затем СССР представляла собой другой, в первом случае более консервативный, а во втором случае — радикальный вариант модернизационной идеологии. Однако существенно, что никакой другой эффективной идеологии, поддерживающей распространение влияния державы в период после окончания Средних веков (т. е. в период модерна), кроме разных моделей модернизации, еще не придумано.

¹ «Мягкая сила» России в новом тысячелетии: имеющийся потенциал и перспективы развития. М., сентябрь 2012 [Электронный ресурс]. URL: opr.fu/files/soft_power_doklad.doc

² Там же.

Для того чтобы понять, какова может быть «мягкая сила» России в регионе Центральной Азии, необходимо проанализировать зарубежные примеры современного понимания и использования «мягкой силы».

Саму концепцию «мягкой силы» впервые выдвинули представители американской школы неолиберализма (Дж. Най [5]) в международных отношениях в их полемике с представителями школы неореализма (К. Уолтс). Представители неолиберализма полагали, что единственным способом решения международных проблем является материальная или «жесткая сила», включающая в себя набор экономических и военных инструментов. Однако возникающая при использовании инструментов такого рода проблема заключается в том, что они исчерпаемы. Любое государство всегда имеет ограниченное количество военных и экономических ресурсов. Кроме того, «нормальная» социально-экономическая деятельность при активном использовании этих ресурсов уменьшается и потому в долгосрочной перспективе замедляет социально-экономические возможности государства¹.

Уже во второй половине 1970-х — начале 1980-х гг. эта проблема в США стала обостряться. Именно тогда стало очевидным постепенное исчезновение относительного экономического доминирования Америки в капиталистическом мире. США все больше и больше сдавали позиции под давлением своих конкурентов из Японии и стран Западной Европы. Данная проблема еще больше обострилась в связи с острым глобальным нефтяным кризисом, который показал очень большую защищенность американской экономики. В связи с этим встал вопрос о том, что США в долгосрочной перспективе не смогут за счет своих экономических и военных ресурсов удерживать претензии на глобальное доминирование. Известные историки, размышлявшие над этой проблемой в 1970–1980-е гг., в ряде своих работ показали, что все мировые империи, применявшие инструменты «жесткой силы», столкнулись с серьезными ограничениями возможностей и, в конце концов, прекратили свое существование. На мировой арене ни одно государство не в состоянии поддерживать свое господство, опираясь на «исчерпаемую» грубую силу². В этой ситуации у ряда представителей американской теории неолиберализма, прежде всего у Дж. Наю [5], и появилась идея найти вечный источник могущества государства в мире.

Для сторонников неолиберализма военная и даже экономическая сила никогда не были ни единственно возможным, ни наиболее эффективным инструментом обеспечения безопасности государств. Классическая теория «мягкой силы» в этой связи не предполагает даже использования экономических инструментов. Согласно создателю соответствующей концепции Дж. Наю, «мягкая сила» государства зиждется на привлекательности его ценностей, культуры, политических и социальных программ [6]. «Мягкая сила» представляет собой противоположность «жесткой силы». Что же касается «жесткой силы», то она выступает как набор инструментов давления (военно-политических, экономических, дипломатических), которые заставляют другие страны действовать так, как нам надо. «Мягкая сила» имеет под собой поощрение чувства симпатии, позитивного примера и притягательности идеала. «Мягкая» и «жесткая сила», по Дж. Наю, находятся в связке друг с другом внутри экономической модели уменьшения издержек. Применение государством «жесткой силы» является более приемлемым для объектов его воздействия, когда у него имеется значительная «мягкая сила», а это, в свою очередь, приводит к снижению издержек [6].

После окончания «холодной войны», концепция «мягкой силы» нашла широкое применение в американской политике в период администрации Б. Клинтона. Затем,

¹ «Мягкая сила» России в новом тысячелетии: имеющийся потенциал и перспективы развития. М., сентябрь 2012 [Электронный ресурс]. URL: orprf.ru/files/soft_power_doklad.doc

² Там же.

во время нахождения у власти Дж. Буша-младшего, она на время утратила свою актуальность¹.

Серьезный и активный поиск новых аспектов использования «мягкой силы» начался в нулевых годах XXI в. Кроме того, с этого времени возник целый ряд ее производных концепций. В странах Европы стала распространяться концепция «нормативной силы». В последние годы Европейский союз официально позиционирует себя как структура, придерживающаяся норм международного права и распространяющая их по всему миру. В США после прихода к власти администрации Б. Обамы возникла и получила широкое применение на практике концепция «умной силы» («smart power»), которая была выдвинута тем же самым Дж. Наем. Она представляет собой эффективное сочетание экономических, военных и «мягко силовых» инструментов. Также в последние годы развивается концепция «сетевой силы», которая тесно связана с использованием технических и социальных сетей в эпоху глобализации и их ролью в революциях нового поколения [4].

Теперь рассмотрим ситуацию в нашей стране. Ряд аналитиков отмечают: «В настоящее время в России создана и функционирует разветвленная система обеспечения многостороннего сотрудничества в социально-гуманитарной сфере. В ее центре находится Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества государств — участников СНГ и структура Россотрудничества. Фонд принимает участие в организации части списка приоритетных мероприятий в сфере гуманитарного сотрудничества государств — участников СНГ, а также финансирует их. Совет по гуманитарному сотрудничеству государств — участников СНГ оказывает Фонду активную поддержку в его работе. Также осуществляются различные культурные, образовательные, научные, молодежные и иные проекты. Кроме того, в мае 2011 г. был создан Фонд поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом [3].

Теоретически в реализации российских интересов средствами общественной дипломатии задействовано около 5 тыс. официально зарегистрированных некоммерческих организаций с внешнеполитическими намерениями, в том числе 859 со статусом международных. Однако если сравнить эти организации и по количественным параметрам (их общее число, объемы бюджетов), и по реальной активности с другими крупными державами (США, государства ЕС, Япония и т. д.), то результаты будут отнюдь не в пользу России.

Серьезное усиление роли «мягкой силы» в политике Запада, увеличение роли морально-политической аргументации в американской и европейской риторике, давление на Россию в плане «конфликта ценностей» и практика революций «нового поколения» (например, «цветных революций» на постсоветском пространстве и «арабской весны») сделали востребованной проблематику повышения эффективности российской внешней политики за счет улучшения имиджа страны за рубежом, и прежде всего в ближнем зарубежье. Особенно актуальной стала эта проблема в связи с развитием евразийской интеграции, так как последняя очевидным образом связана с использованием инструментов «мягкой силы».

Однако надо четко понимать, что в этой сфере у Москвы пока еще есть ряд проблем, которые необходимо решить для эффективного применения данного инструмента как в мире в целом, так и в Центральной Азии, в частности. Во-первых, пока еще существует острый дефицит ряда ключевых элементов «мягкой силы», «то есть способности несиловым способом, без внешнего принуждения осуществлять влияние на других акторов системы международных отношений за счет привлекательности генерируемых идей и образов, аттрактивности модели социального и поли-

¹ «Мягкая сила» России в новом тысячелетии: имеющийся потенциал и перспективы развития, Москва, сентябрь 2012 [Электронный ресурс]. URL: opr.f.ru/files/soft_power_doklad.doc

тического развития, креативности элиты и т. д.» [2]. Один из ведущих российских экспертов назвал это «традиционной имиджевой немощью» [Там же]. Во-вторых, нет четкого системного определения стратегии развития России, что включает в себя и ее внешнюю политику. На практике, несмотря на наличие большого количества основополагающих стратегических документов, имеют место элементы простого реагирования на происходящие события, без долгосрочного определения линии поведения. Без этого невозможно развивать «мягкую силу». В-третьих, существует дефицит идей в плане поиска практических путей преодоления сложившихся негативных стереотипов по отношению к России. «Комплекс вопросов, связанный с развитием потенциала „мягкой силы“, только в последнее время оказался в фокусе внимания представителей отечественного экспертного сообщества. Специалисты продолжают дискутировать о том, возможно ли в принципе сознательно управлять потенциалом „мягкой силы“ и насколько эффективны построенные на ее применении инструменты влияния. Дискуссии на этот счет далеки от завершения» [2]. В-четвертых, ключевым практическим вопросом для развертывания «мягкой силы» остается проблема взаимодействия государства с НГО. Тем не менее, можно отметить, что Россия уже создала целое поколение новых НГО, продвигающих ее «мягкую силу» (примером может служить «Русский мир»). Есть и НГО предшествующего поколения, типа «Федерации мира и согласия» (бывший Фонд мира), развивающих соответствующие сферы деятельности. В-пятых, пока слабо разработаны механизмы частно-государственного партнерства, в том числе в плане работы государства с частными СМИ.

Однако все указанные выше проблемы могут быть преодолены в ходе реализации намеченного руководством страны курса на укрепление потенциала гражданского общества. В частности, как считает министр иностранных дел России Сергей Лавров, «укрепление институтов гражданского общества, государственная поддержка неправительственных организаций, заинтересованных в обеспечении российских внешнеполитических интересов, должны играть важную роль в том, чтобы Россия заняла достойное, принадлежащее ей по праву место среди ведущих стран мира»¹.

Инициативы во внешней политике РФ должны быть адресованы широкому спектру акторов (включая НПО, международные и транснациональные организации). В них должна быть проявлена ориентация на многостороннее сотрудничество, а выдвигаемые идеи должны быть универсальны по своей сути, т. е. обращены к самой широкой международной аудитории [Там же]. Существующие благодаря серьезным цивилизационным противоречиям между западным и незападным миром (например, болезненная реакция центральноазиатских элит на риторику демократизации со стороны Запада без учета региональной культурно-исторической специфики и особенностей стоящих перед странами региона угроз) возможности дают Москве шанс в этом плане. Здесь может сыграть свою роль уникальное положение России между Востоком и Западом. Россия может найти и пропагандировать свои подходы в плане обеспечения эффективного и гармоничного взаимодействия между личностью и обществом, личностью и государством, группами большинства и меньшинства.

Разумеется, подобная стратегия «мягкой силы» не будет воспринята в мире в целом, и в Центральной Азии, в частности, если она не будет сопровождаться соответствующими политико-экономическими изменениями внутри самой нашей страны. Так, в мире распространено убеждение, что у Москвы слишком много проблем с обеспечением стандартов «человеческой безопасности» у себя дома, и потому бесперспективно пытаться разыгрывать эту карту на международной арене [2].

¹ Студнева Е. МИД и Общественная палата России обсудили ресурсы «мягкой силы». 13.12.2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://interaffairs.ru/read.php?item=8129>

В целом, для развития «мягкой» и «умной силы» России необходимо на новых основаниях и в новых условиях использовать и развивать позитивный опыт прошлого, в частности, задействуя телеканалы («Содружество»), прессу, интернет и социальные сети. Оптимальным же решением видится создание координирующего органа на базе «Россотрудничества», способного на системной основе выстраивать пропагандистскую работу за рубежом в интересах формирования позитивного образа России. На постсоветском пространстве и в Центральной Азии, в частности, есть очевидные ресурсы, которые мы используем в недостаточной мере: общая история и культура, русский язык, традиционные, многолетние, а то и многовековые экономические связи, межличностные и родственные контакты, элементы общего информационного и научного пространства. Кроме того, ближнее зарубежье (и Центральная Азия, в частности) — это один из важнейших приоритетов нашей внешней политики, в том числе в рамках процессов евразийской интеграции, и, соответственно, здесь надо максимально использовать все доступные инструменты.

Можно выделить следующие направления соответствующей работы: целенаправленные усилия в политической и военной областях, экономическое сотрудничество, помощь русскоязычной диаспоре, сохранение общего языкового пространства, развитие общего информационного пространства, включая такие его новые элементы, как русскоязычный интернет и социальные сети, связь миграционных потоков с развитием образования на русском языке, формирование кадров руководящих работников и др. Целенаправленное влияние на центральноазиатские элиты по всем перечисленным выше направлениям будет способствовать созданию по периметру границ России пояса стабильности и безопасности, образованного дружественными нам государствами, большинство из которых мы могли бы рассматривать как своих стратегических союзников (например, в рамках новых евразийских интеграционных структур).

Для того чтобы развернуть в регионе «мягкую» или «умную силу», России необходимо упорядочение материальных и нематериальных инструментов влияния на региональные элиты Центральной Азии, выработка общего для всех российских государственных структур понимания направления применения этих инструментов. Все это невозможно сделать без выработки центральноазиатской доктрины или стратегии России.

Необходимо отметить, что в настоящее время у России отсутствует какая-либо центральноазиатская стратегия, и это приводит к росту противоречий между отдельными ведомствами (МИД, «силовые» и экономические министерства), структурами (бизнес, СМИ, НГО) и международными организациями (ШОС, ЕврАзЭС, ОДКБ), которые занимаются разработкой и реализацией соответствующей политики России. Кроме того, комплексный характер вызовов и угроз с территории региона Центральной Азии требует усиления координации позиций всех этих игроков, выработки ими представлений о том, в чем заключаются наши национальные интересы. Это относится и к месту России в социально-экономических процессах в Центральной Азии, где также существуют негативные тенденции (прогрессирующая потеря нашей доли на центральноазиатских рынках, утрата контроля над путями транспортировки углеводородов, хаотический характер трудовой миграции и ремиссии средств от нее).

В связи с этим необходимыми становятся выработка доктринального документа по политике в регионе (например, такого рода документ уже сформулирован ЕС¹)

¹ Европейский союз и Центральная Азия: стратегия нового партнерства: г. Брюссель, 1 июня 2007 г., SN 2907/07 / Совет Европейского союза, Генеральный секретариат // Бюро по правам человека и соблюдению законности [Электронный ресурс]. URL: hrt.tj/downloads/ES%20i%20cental%20asia.doc

и создание механизма стратегической координации позиций разных структур в общегосударственных интересах, например, в рамках Администрации президента России. Затем уже конкретные моменты координации российского влияния может решать Россотрудничество. Однако следует понимать, что Россотрудничество не может подменить стратегическое руководство, потому что эта структура по определению не сможет оказывать влияние на политику мощных экономических и «силовых» ведомств, а также влиятельных бизнес-структур типа «Газпрома» и Лукойла.

По содержанию данная стратегия должна ориентироваться на китайский образец, как наиболее прагматичный и приведший в Центральной Азии к наиболее очевидным позитивным результатам в плане продвижения собственных интересов. Кроме того, это будет способствовать развитию российско-китайского партнерства в регионе. Соответствующая стратегия должна включать как страновую часть (по каждой из 5 стран региона), так и трансграничную (водно-энергетические, миграционные проблемы, противодействие новым и нетрадиционным угрозам и вызовам безопасности).

Нужно совершенствовать механизмы оказания помощи **русскоязычной диаспоре** в странах Центральной Азии. Это является еще одной ключевой опорой для распространения влияния России на центральноазиатские элиты. За последние несколько лет достигнут определенный позитивный опыт в этом направлении, в частности, через «Русский мир». Внимание государства к этой проблематике не должно снижаться, более того, желательно последовательно его повышать.

Продолжается сокращение нетитульного русскоязычного населения в государствах Центральной Азии ввиду естественной убыли, продолжающейся эмиграции, воссоединения с ранее мигрировавшими членами семей, а также из-за продолжающейся политики этнизации общества и государств. Сегодня среди русскоязычных преобладают либо пенсионеры, либо те, кто не уехал, но уже — в разной степени — интегрированы в общества стран проживания. Их успешность, при обязательном условии знания государственного языка страны постоянного проживания, будет напрямую зависеть от качества их человеческого капитала. Именно на этот параметр и должны быть направлены усилия государственных структур типа «Россотрудничества» и общественных типа «Русский мир».

Влияние России через этих людей на центральноазиатские элиты никогда не будет прямым, но и косвенное влияние вполне можно использовать. Политические партии и движения по национальному признаку в государствах ЦА в обозримый период создавать не дадут, да и нет смысла. Но сегодня практически все партии в Казахстане и Кыргызстане имеют в своих выборных списках русскую квоту (приблизительно равную доле русских, проживающих в стране), а в программах — разделы, ориентированные на русскоязычный электорат и людей, ностальгирующих по модели СССР. Этот социальный капитал ждет поддержки и конвертации в другие формы капитала (политический, экономический). В этом плане приоритетом при поддержке оставшихся русскоязычных должна стать политика увеличения их образовательного и социального капитала, использование их как посредников для российского бизнеса и других проектов в регионе [1]. Образцом в этом плане может служить политика по использованию потенциала диаспор в Центральной Азии Южной Кореей и Израилем.

Следует также изменить саму концепцию работы с русскоязычными гражданами в Центральной Азии. «После распада СССР Россия уделяла особое внимание правам соотечественников, оказавшихся в новых независимых государствах». Такой подход был совершенно оправдан, скажем, в государствах Балтии, входящих в ЕС (или бывших ранее кандидатами в члены ЕС) и, соответственно, являющихся (или строивших), согласно официальной доктрине, правовыми и демократическими государствами. «Однако эффективность этой политики в ЦА невысока, поскольку политические режимы этих государств и сама общественная атмосфера не остав-

ляют достаточно места для развертывания здесь пророссийских НКО. Пока что у нас нет положительных примеров использования диаспорального ресурса за рубежом в продвижении российских интересов. Очевидно, что редееющие диаспоры соотечественников должны использоваться более осторожно, с непременным учетом специфики страны пребывания» [3]. Очевидно, с учетом вышесказанного, что упор с поддержки прав соотечественников в Центральной Азии нужно сместить на поддержку самих соотечественников, увеличение их социального, культурного, образовательного капитала, помощь им в реализации разного рода проектов и т. п. В частности, одним из основных приоритетов Российского государства в плане поддержки оставшихся русскоязычных (да и для владеющих русским языком представителей центральноазиатского среднего класса) может служить учебная миграция. В этом плане актуальными являются усилия Россотрудничества по поддержке этой миграции.

Компонент русскоязычных мигрантов, переселяющихся на постоянное место жительства (ПМЖ) на родину, в настоящее время практически исчерпан. В России ежегодный миграционный прирост на ПМЖ в 200–300 тыс. чел. закреплен в Концепции демографической политики РФ на период до 2025 г.¹ и должен быть наполовину обеспечен за счет модернизации Госпрограммы по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников. Однако справедливо отметить, что данная цифра легко достигается и без усилий по линии госпрограммы. В течение всего периода реализации государственной программы в Россию прибыло 62 590 участников программы с членами семей, из них в 2011 г. — 31 459 чел. При этом действенность госпрограммы всегда вызывала большие сомнения, так как абсолютному большинству русскоязычных мигрантов пришлось устраиваться в России абсолютно без государственного содействия². Нужно удвоить усилия по помощи оставшимся в регионе русскоязычным, желающим покинуть Центральную Азию. Это может быть важно не только в плане гуманитарных обязательств нашего государства перед соотечественниками, но и в плане того, что приезжающие в Россию русские мигранты могут быть естественным «мостом» между российскими и центральноазиатскими элитами. В этом плане нужно усилить политику по трудоустройству этих людей, пытаться комплектовать бизнес- и государственные структуры, работающие в Центральной Азии, именно из этих людей. Дело в том, что наработка понимания культурной специфики центральноазиатских элит для не выходцев из региона очень тяжела, она требует многих лет целенаправленного изучения. Между тем, русскоязычные выходцы из Центральной Азии хорошо понимают проблемы этого региона просто потому, что они там выросли.

Необходимо уделять значительное внимание формированию кадров руководящих работников. Это является одним из основных механизмов продвижения влияния Российского государства на центральноазиатские элиты. Например, существенная часть военных элит ряда африканских стран была подготовлена в бывшем СССР. До сих пор эти люди являются резервом нашего влияния в Африке. Военные элиты и сотрудники правоохранительных структур стран ОДКБ (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан) также проходят подготовку в российских вузах, и это не может не привести к росту нашего влияния на ближнее зарубежье. Однако работа с этими кадрами должна быть последовательной и систематической, с ними должны постоянно поддерживаться контакты на «сетевом» уровне. Примером здесь может служить политика США по развитию контактов с военными кадрами в Ла-

¹ Принята Указом Президента РФ № 1351 от 09.10.2007 г.

² Выступление Президента организации «Наследие Евразии» Е.Б. Яценко на семинаре Российского совета по международным делам «Интересы России в контексте проблем безопасности и развития Центральной Азии и Афганистана», 2011 г.

тинской Америке и в таких азиатских странах, как Пакистан или Южная Корея, а также работа по переподготовке кадров структур, типа Маршалловского европейского центра изучения проблем безопасности (совместный американо-германский, расположен в ФРГ). Развитие образовательных контактов с центральноазиатскими элитами необходимо и по экономической линии, например, по линии ЕврАзЭС, Таможенного союза, Единого экономического пространства и т. п. Сейчас это практически отсутствует.

Престиж русского языка связан с престижностью **образования на русском** во многих бывших советских республиках еще в недавнем прошлом. В частности, в центральноазиатских государствах представители местных элит еще в 1980-е — начале 1990-х гг. с удовольствием отправляли детей именно в русские школы. До сих пор в этих государствах образование на русском языке является достаточно престижным, что проявляется, в частности, в больших конкурсах на поступление в русские школы и филиалы российских вузов. Многие представители постсоветских государств и в настоящее время проходят обучение в российских вузах, например, по различным межправительственным соглашениям. Развитие общего образовательного пространства с постсоветскими государствами должно быть одним из основных приоритетов нашей работы в СНГ и ЕврАзЭС.

Традиционно Россия ограничивает себя в Центральной Азии только взаимодействием с государственными структурами, т. е. с официальной правящей элитой, не затрагивая ни гражданское общество, ни нижние этажи правящей элиты, ни контролитные группы. Лишь в последнее время, например, в рамках таких организаций, как «Русский мир», она двинулась в сторону взаимодействия с гражданским обществом. В результате Россия постоянно оказывается зависимой от имеющейся в том или ином центральноазиатском государстве официальной политической элиты (причем ее верхних этажей). Россия недостаточно работает даже со вторым и третьим эшелонами власти в соответствующих государствах. Москва практически никогда не имеет альтернатив правящей элите и не поддерживает контактов с контрэлитными группами, даже если правящая элита проводит откровенно антироссийскую политику. Этим Москва лишает себя страховки на случай внезапной смены высшего руководства и теряет перспективных союзников среди сторонников модернизации и политических перемен. В то же время США традиционно налаживают отношения одновременно с правящими элитами и с гражданским обществом, которое воспринимается американцами как потенциальная альтернативная, или контрэлита. Соответственно, и контрэлитные группы часто ориентируются на американскую поддержку, даже если они зачастую по содержанию своих взглядов отнюдь не являются либерально-западническими.

В 2015–2025 гг. ожидается смена поколений центральноазиатской элиты и среднего класса, произойдут качественные изменения, связанные с уходом когорты населения, получившего образование и профессиональный опыт во времена СССР. Им на смену придет национально ориентированная молодежь, получившая образование в период идеологизации и пересмотра истории ННГ в духе антирусских и антироссийских стереотипов (особенно развитых в Туркменистане и Узбекистане).

В этой связи огромную роль в контексте сохранения единого информационного и языкового пространства между Россией и Центральной Азией могут сыграть молодежные контакты. Москве в этой связи желательно разработать долгосрочную целевую программу поддержки молодежи из стран Центральной Азии, например «путем обеспечения им различного рода бесплатных стажировок, организации спортивных соревнований, фестивалей» [3] и т. д.

«Попытки лидеров государств ЦА „увековечить“ свое руководящее положение осуществляются с помощью различного рода ухищрений — постоянных досрочных выборов, смены титула и т. п. Между тем в условиях полного нежелания властей

идти на какие-либо контакты с представителями активно создававшегося здесь при поддержке США и Евросоюза гражданского общества все это способно лишь ненадолго отсрочить смену власти. Большинство представителей новой элиты — перспективных политических деятелей — сформировано не в России и уже прошло „обкатку“ в условиях „оранжевых революций“, в том числе и на киргизской земле» [3].

В связи со всем вышесказанным России необходимо разработать эффективные подходы к работе с новым поколением центральноазиатских элит, а также с гражданским обществом, элитами второго и третьего уровня и контрэлитными группами. Дополнительно Москвой для Центральной Азии «должен быть сформирован новый проект, предлагающий ... комплексное решение по развитию этих государств, включая защиту от внешних угроз и подавление экстремизма, доступ к технологиям и инфраструктуре, интеграцию в союзные и международные хозяйственные связи, гарантии соблюдения интересов местных элит и гуманитарное развитие с последующим решением архисложной задачи создания новой идентичности (например, в рамках формирования анонсированного Евразийского союза). Если эта задача решена не будет, то высока вероятность, что в странах ЦА завершится двухвековой период идеологической, экономической, культурной и политической региональной экспансии России»¹.

В целом, комплексная задача по продвижению «мягкой силы» России в Центральной Азии принимает в настоящее время совершенно новое измерение. В Центральной Азии располагаются два из пяти государств — членов ЕАЭС (Казахстан и Кыргызстан). Недавнее вступление Кыргызстана в ЕАЭС и возможное вступление Таджикистана показывают, что именно это направление развития евразийской интеграции в настоящее время является весьма актуальным и наиболее перспективным. Усиление «мягкой силы» России в регионе является органичной частью развития процесса евразийской интеграции в нем. Кроме того, усиление «мягкой силы» как формы влияния, способствующей продвижению интеграционной структуры, как мы показали в начале статьи, полностью соответствует современным тенденциям мировой политики.

В заключение следует отметить, что комплексная задача развития «мягкой силы» России в Центральной Азии может включать в себя на нынешнем этапе следующие компоненты: выработку всеобщей стратегии действий в Центральной Азии, обеспечивающей взаимодействие «мягкой силы» с другими ее компонентами, преодоление ряда органических недостатков «мягкой силы» России, прежде всего в сфере выработки эффективного модуса взаимодействия государства и организаций гражданского общества, развитие привлекательного модернизационного проекта, стоящего за «мягкой силой» России, целенаправленные усилия в политической и военной областях, экономическое сотрудничество, помощь русскоязычной диаспоре, сохранение общего языкового пространства, развитие общего информационного пространства, включая такие его новые элементы, как русскоязычный интернет и социальные сети, связь миграционных потоков с развитием образования на русском языке, формирование кадров руководящих работников.

Литература

1. Казанцев А. А., Синегубов А. Л., Чернявский С. И. / «Мягкая сила» России в новом тысячелетии и возможности ее использования в Центральной Азии / под общ. ред. А. А. Орлова и А. А. Казанцева // Ежегодник ИМИ, 2014. Вып. 1(7). Постсоветская Центральная Азия:

¹ Выступление Президента организации «Наследие Евразии» Е.Б. Яценко на семинаре Российского совета по международным делам «Интересы России в контексте проблем безопасности и развития Центральной Азии и Афганистана», 2011 г.

интересы внешних игроков и внутренняя динамика развития. М. : МГИМО-Университет, 2014. С. 70–89.

2. Соловьев Э. Г. Гуманитарное измерение «мягкой силы»: «человеческая безопасность» во внешней политике РФ // *Международная жизнь*. № 8. 2011.
3. Чернявский С. Мягкая сила России в Центральной Азии. Записка. М. : МГИМО, 2012 г.
4. Grewal David Singh. *Network Power: The Social Dynamics of Globalization*. New Haven, CT : Yale University Press, 2008.
5. Nye J. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. New York : Basic Books, 1990.
6. Nye J. *The power of persuasion: Dual components of US leadership*. The conversation with J. Nye. *Harvard international review*. Harvard : 2003. Winter. P. 46.

References

1. Kazantsev A. A., Sinegubov A. L., Chernyavsky S. I. (under a general edition of A. A. Orlov and A. A. Kazantsev) «*The soft force*» of Russia in the new millennium and possibility of its use in Central Asia [«Мягкая сила» России в новом тысячелетии и возможности ее использования в Тsentral'noi Azii] // *Year-book of Foreign researches Institute [Ezhegodnik IMI]* 2014. V. 1 (7). Post-Soviet Central Asia: interests of external players and internal dynamics of development [Postsovetskaya Tsentral'naya Aziya: interesy vneshnikh igrokov i vnutrennyaya dinamika razvitiya]. М. : MGIMO University, 2014. P. 70–89. (rus)
2. Solovyov E. G. *Humanitarian measurement of «the soft force»: «human safety» in foreign policy of the Russian Federation* [Gumanitarnoe izmerenie «myagkoi sily»: «chelovecheskaya bezopasnost'» vo vneshnei politike RF] // *International life [Mezhdunarodnaya zhizn']*. N 8. 2011. (rus)
3. Chernyavsky S. *The soft force of Russia in Central Asia. A note* [Myagkaya sila Rossii v Tsentral'noi Azii. Zapiska]. М. : МГИМО, 2012. (rus)
4. Grewal David Singh. *Network Power: The Social Dynamics of Globalization*. New Haven, CT : Yale University Press, 2008.
5. Nye J. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. New York : Basic Books, 1990.
6. Nye J. *The power of persuasion: Dual components of US leadership*. The conversation with J. Nye. *Harvard international review*. Harvard : 2003. Winter. P. 46.

Создание торговых зон с партнерами — новое направление сотрудничества Евразийского экономического союза

Торопыгин Андрей Владимирович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры международных процессов евразийского региона
Доктор политических наук, профессор
ToropyginAV@mail.ru

РЕФЕРАТ

Основным трендом современного развития региональных интеграционных процессов является расширение их влияния с помощью создания зон свободной торговли. Различные вопросы, затрагиваемые соглашениями, позволяют говорить либо об экономическом взаимодействии, либо о политическом влиянии. В процесс создания ЗСТ активно включился и ЕАЭС.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

зоны свободной торговли, рынки, развитие интеграции, региональная интеграция, ВТО, региональные соглашения

Toropygin A.V.

Creation of Trade Zones with Partners — New Direction of Cooperation of the Eurasian Economic Union

Toropygin Andrey Vladimirovich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Chair of International Processes of the Eurasian Region
Doctor Science (Political Sciences), Professor
ToropyginAV@mail.ru

ABSTRACT

The main trend of modern development of regional integration processes is expansion of their influence by means of creation of free trade zones. Various questions raised by agreements allow speaking about economic interaction, or about political influence. Eurasian Economic Union actively joined the process of creation of free trade zones.

KEYWORDS

Free trade zones, markets, integration development, regional integration, WTO, regional agreements

Скоро пройдет год с начала деятельности Евразийского экономического союза. И хотя этот год был для интеграционного объединения сложным, государствам — членам удалось минимизировать последствия экономического кризиса, санкций и падения цен на нефть. Были разработаны и стали действовать антикризисные программы. В Российской Федерации появились первые результаты политики импортозамещения. Все это говорит о дальнейшем углублении процесса евразийской интеграции. Так, по планам руководителей Евразийской экономической комиссии увеличение совокупного ВВП стран ЕАЭС, за счет увеличения интеграционного эффекта, к 2030 г. должно составить 1 трлн. долл.¹. Это произой-

¹ Особенности ЕАЭС как нового этапа развития евразийской интеграции // Время Востока [Электронный ресурс]. URL: <http://www.easttime.ru/analytics/kazakhstan/osobennosti-eaes-kak-novogo-etapa-razvitiya-evraziiskoi-integratsii/8995>

дет, если будут достигнуты основные цели Союза — осуществление согласованной политики и повышение потенциала развития национальных экономик, создания общего рынка для свободного перемещения капиталов, товаров, услуг и рабочей силы и притока дополнительных инвестиций. В достижении амбициозных целей может помочь создание зон свободной торговли (ЗСТ) с партнерами ЕАЭС.

Ускорение развития региональных интеграционных процессов — один из основных трендов современного развития. В первую очередь это вызвано желанием стран либо развить собственную экономику, либо укрепить свои позиции в этой сфере. Если рассмотреть развитие интеграционных процессов в ретроспективе, то очевидно, их развитие после Второй мировой войны было связано с проблемами безопасности. После окончания «холодной войны» определяющей стала экономика; «новый регионализм» и интеграционная модель «открытый регионализм» развивались, явно, под влиянием экономических проблем. В настоящее время эти два побудительных мотива развития интеграции соединились. Казалось бы, явно экономические проекты, такие как интеграционный проект США-ЕС, интеграционный проект США для Тихого океана, проект ЕС-Украина, еще не начав действовать, перешли в плоскость не просто политических дебатов, а реальной политики. Экономическое взаимодействие переходит в политическую конкуренцию. В большой мере это вызвано включением в региональную интеграцию США. На протяжении долгого времени США были сторонниками глобального управления экономическими проблемами. Если говорить о мировой торговле, то сторонниками упрочения и развития системы ВТО. Многосторонний торговый режим, олицетворением которого является ВТО, виделся многим более адекватным в период усиления глобализационных процессов. Однако последние раунды торговых переговоров, особенно раунд Доха, показали всю сложность прихода к удовлетворяющему всех решению. Отсутствие консенсуса на глобальном уровне, предопределило усиление региональной составляющей. Интересно, что это произошло в тот момент, когда впервые за долгое время ВТО удалось подписать Соглашение по упрощению процедур в торговле (о. Бали в 2013 г.¹).

На наш взгляд, это показывает, что региональный тренд станет определяющим, по крайней мере, в ближайшем будущем. Центры экономической силы, как государства, так и региональные экономические объединения (РЭО), интеграционных структуры (РИО), будут наращивать свои поля притяжения для повышения своего влияния. Механизмом для этого служат, в первую очередь, региональные торговые соглашения (РТС).

Рассмотрим основные свойства РЭО и РИО, сделав акцент на следующих положениях.

Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) выделяет четыре формы региональной экономической интеграции: зону свободной торговли, таможенный союз, общий рынок и таможенный союз. Под общим рынком понимается таможенный союз с положениями либерализации движения факторов производства. Экономический союз представляет собой общий рынок, включающий положения о гармонизации ряда направлений экономической политики². Что касается РЭО, то эксперты ЦИИ ЕАБР указывают, что интересны не сами «РЭО в широком смысле, а конкретные условия в зонах свободной торговли и таможенных союзах (в отношении которых сформулировано большинство теорий международной торговли)³.

¹ Agreement on Trade Facilitation/Draft Ministerial Decision 6 December 2013 WT/MIN (13) /W/8

² Количественный анализ экономической интеграции Европейского союза и Евразийского экономического союза: методологические подходы. ЦИИ ЕАБР, доклад № 23. СПб., 2014. С. 9.

³ База данных региональной интеграции: состав и показатели. ЦИИ ЕАБР, доклад № 27. СПб., 2014. С. 6.

Другими словами, региональная экономическая интеграция включает в себя несколько этапов, при этом этапы имеют различную глубину. Поскольку в целом предполагается, что основной движущей силой развития экономики и торговли как части экономики является либерализация, то можно говорить о развитии интеграции как последовательной либерализации.

С. Ю. Глазьев пишет, что региональная либерализация осуществляется посредством заключения РТС, предусматривающих формирование взаимных обязательств по торговому режиму в рамках определенного региона. Типичным примером являются многосторонние соглашения о зонах свободной торговли. В наиболее глубокой форме таможенного союза его участники делегируют национальный суверенитет в регулировании внешней торговли наднациональному органу и перестают быть субъектом международного права. К примеру, все государства Евросоюза выступают на международных торговых переговорах в едином лице Комиссии Европейского союза. Многосторонняя либерализация осуществляется посредством многосторонних соглашений глобального характера, охватывающих большую часть стран и регионов. Уникальным примером взаимных обязательств по либерализации внешней торговли в глобальном масштабе является механизм ГАТТ/ВТО. Многостороннее регулирование позволяет сглаживать противоречия между странами, добиваться определенных компромиссов и единообразия между странами в сфере регулирования международной торговли [1, с. 13].

Можно предложить такую схему развития:

- ликвидация тарифов и ряда нетарифных барьеров между странами (зоны свободной торговли или частичные/секторальные зоны свободной торговли);
- установление общего таможенного тарифа (таможенный союз);
- обеспечение свободы движения товаров, услуг и рабочей силы (общий рынок);
- гармонизация политики в области конкуренции, структурной, фискальной, монетарной, социальной политики (экономический союз);
- унификация экономической политики и создание наднациональных институтов (экономический и политический союз)¹.

Несмотря на то, что экономическая интеграция представляет собой систему преференциальных соглашений, она разрешается ВТО. И ВТО классифицирует соответствующие соглашения как «таможенные союзы», «зоны свободной торговли», «соглашения ограниченного формата».

Круг вопросов, затрагиваемых соглашением, может быть весьма широким, это:

- торговля товарами;
- правила электронной торговли;
- устранение нетарифных барьеров;
- свободное движение капиталов;
- развитие транспортной инфраструктуры;
- создание общего рынка, например, электроэнергетики;
- правила конкуренции;
- доступ на финансовые рынки и т. д.

В первую очередь, важно то, что эти вопросы принадлежат к разным этапам развития интеграции. Другими словами, можно сформировать зону свободной торговли (ЗСТ) с элементами других этапов экономической интеграции. В зависимости от того, какие элементы будут в нее включены, это будет либо просто ЗСТ, либо глубокая ЗСТ, либо всеобъемлющая ЗСТ.

Очевидно, если речь идет просто о ЗСТ, это экономическое соглашение. Но глубокая и всеобъемлющая зоны, скорее политические, нежели экономические

¹ Количественный анализ экономической интеграции Европейского союза и Евразийского экономического союза: методологические подходы. ЦИИ ЕАБР, доклад № 23. СПб., 2014. С. 10.

соглашения. Соглашение об ассоциации ЕС — Украина, глубокая и всеобъемлющая (ГВ) ЗСТ, затрагивает даже национальное законодательство. Да и сам процесс подготовки соглашения проходил в рамках политического процесса, политики Европейского соседства.

Встает вопрос: если формируется такое плотное взаимодействие между интеграционной группировкой и отдельной страной, можно ли это считать новым интеграционным объединением? Ответ однозначен: нет.

А вот формирование подобных зон — сегодня общее направление развития интеграционных структур. 9 мая 2015 г. было подписано Соглашение о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и Социалистической Республикой Вьетнам.

Безусловно, это знаковое, этапное событие.

Во-первых, Вьетнам — рынок в 90 млн человек. Во-вторых, это возможность выйти на рынки стран АСЕАН и Азиатского региона в целом¹, и наконец, — это возможность получить опыт подготовки и реализации подобных соглашений.

Соглашение приведет к росту экспорта товаров из ЕАЭС (мясная продукция, молочная продукция, пшеница, мука, удобрения, нефть и нефтепродукты, стальные трубы, шины, автомобили) во Вьетнам. А из Вьетнама — в ЕАЭС (рыба, рис, фрукты, овощи, орехи, продукция легкой промышленности, электронное оборудование, бытовые готовые изделия)². Увеличение товарооборота произойдет за счет снижения ввозных таможенных пошлин. Ожидается, что торговый оборот с текущего уровня в 4 млрд долл. вырастет в ближайшее время до 8–10 млрд долл.³

Безусловно, полученный опыт будет очень важен для формирования других, последующих ЗСТ. Все-таки каждое государство в ЕАЭС формирует собственную торговую политику. Подготовка соглашений повод и возможность лучше понять политику друг друга и выработать общую. В настоящее время идут переговоры о формировании ЗСТ с Египтом. Возможны переговоры с Израилем, Индией, Новой Зеландией, Европейской ассоциацией свободной торговли.

В случае успешных переговоров с Египтом ЕАЭС может получить выход к экономическим зонам, с которыми взаимодействует эта страна, — например КОМЕСА (COMESA)⁴. Таким образом, ЕАЭС может выйти на рынок численностью 1 млрд чел., что, очевидно, будет способствовать развитию экономики стран союза⁵.

Однако наиболее важное направление в этой сфере деятельности союза подготовка «дорожных карт» по широкому спектру проектов в различных областях с КНР. Ведь уровень торговли с Китаем уже в этом году достигнет 100 млрд долл.⁶

Разработать систему взаимодействия между ЕАЭС и интеграционным проектом Китая «Экономический пояс Шелкового пути» — важная задача на ближайшее будущее. Ведь механизмы этого сотрудничества не должны исключать конкуренцию внутри интеграции. Но в то же время — не ставить вопрос, какая интеграция лучше. Хотя от разного рода сравнений уйти не удастся. Во-первых, речь в данном случае идет о двух проектах для Тихого океана. США и 11 государств тихоокеанского по-

¹ Вопросы и ответы по Соглашению о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и Социалистической Республикой Вьетнам [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/%D0%92%D0%BE%D0%BF%D1%80BC.pdf

² Там же.

³ Там же.

⁴ КОМЕСА — Общий рынок Восточной и Южной Африки.

⁵ Все включено: ЗСТ с Египтом выведет ЕАЭС на миллиардный рынок [Электронный ресурс]. URL: <http://eurasiancenter.ru/perspective/20151007/1004263901.html>

⁶ Взгляд в будущее: что ждет экономику ЕАЭС? [Электронный ресурс]. URL: <http://eurasiancenter.ru/expert/20151102/1004285767.html>

бережья достигли в октябре 2015 г. соглашения по договору о Транстихоокеанском торговом партнерстве (ТТП). Специалисты называют его самым масштабным соглашением о свободной торговле настоящего времени¹. Торговля между Азией, США и Латинской Америкой имеет огромный потенциал. Это, конечно, понимают и в Китае. Поэтому там работают над своим проектом — «всестороннего регионального экономического партнерства», по формуле «АСЕАН+ 6»². Эти два проекта одновременно практически не возможны. По сути, это различные условия торговли для одних и тех же стран. Если говорить об американском проекте, то это политико-экономический блок, который предполагает и определенную политическую структуру входящих в него стран. Стараясь завуалировать реальность, США приглашают в проект Россию и Китай³. Это малоинтересно для России и неприемлемо для КНР. В прессе высказываются различные мнения о предложении США. В этой связи заслуживает внимания мнение, высказанное спикером Государственной Думы России С. Нарышкиным. Он предложил «дать экспертную оценку, какое влияние могут оказать создаваемые объединения (*речь идет и о трансатлантическом торговом партнерстве*) на мировую экономику и на систему международных отношений, затрагиваются ли здесь национальные интересы других государств, наконец, скажутся ли эти проекты в случае их реализации на судьбе таких всеобъемлющих институтов, как ВТО»⁴.

В ТТП вошел Вьетнам. Поэтому важно понять и разработать соответствующие механизмы взаимодействия уже в формате ЗСТ ЕАЭС — Вьетнам, член ТТП. Эта проблема напоминает не имеющий однозначного ответа в концепциях интеграции вопрос о том, в скольких интеграционных объединениях можно/надо состоять⁵. Известно, например, что региональные торговые соглашения с другими территориями и странами имеют: США — 14; Япония — 17; Чили — 24; Китай — 15; Бразилия — 4 [2, с. 222].

Никто не меняет цели ЕАЭС — создания евразийской интеграционной структуры от Лиссабона до Владивостока. В этом случае создание зоны свободной торговли ЕС — ЕАЭС становится определяющей. По мнению специалистов, это будет возможным в течение ближайших 10 лет. Но уже сейчас проводятся соответствующие исследования. Эксперты предполагают, что это должен быть уровень взаимодействия не ниже ГВЗСТ⁶ или даже всестороннее торгово-экономическое соглашение (ВТЭС). «Его можно рассматривать в качестве одного из удачных прототипов для ЕС — ЕАЭС», — утверждают специалисты ЦИИ ЕАБР. В качестве аргументации, они приводят существующую структуру торговли России и Казахстана с ЕС. Структура такова, что ни Россия, ни Казахстан не заинтересованы просто в свободной торговле. При этом очевидные проблемы, связанные с уступками в торговле, должны быть компенсированы выгодами в других сферах⁷. Очевидно, что для начала такой

¹ Входят США, Австралия, Канада, Малайзия, Мексика, Чили, Новая Зеландия, Бруней, Сингапур, Вьетнам, Перу, Япония.

² Предполагается, что войдут: Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины, Австралия, Индия, Новая Зеландия, Южная Корея, Япония, Китай.

³ Транстихоокеанский капкан США [Электронный ресурс]. URL: <http://svpressa.ru/economy/article/133299/>

⁴ Нарышкин назвал «закулиными» переговоры США о торговле в Атлантике и Тихом океане // Взгляд [Электронный ресурс]. URL: <http://vz.ru/news/2015/4/13/739669.html>

⁵ Глава в книге «Региональная интеграция и развитие» М. Шиффа и Л-А. Уинтерса, так и называется: «Как извлечь максимальную выгоду из региональной интеграции. Сколько РИС следует заключать?».

⁶ ГВЗСТ является северо-американская зона свободной торговли. НАФТА — США, Канада, Мексика.

⁷ Количественный анализ экономической интеграции Европейского союза и Евразийского экономического союза: методологические подходы. ЦИИ ЕАБР, доклад № 23. СПб., 2014. С. 13.

работы необходим возврат к нормальным отношениям между Россией и ЕС. И в этом может помочь как раз ТТП. Сближение с ЕАЭС может оказаться для Европейского союза выгоднее Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства с США. Об этом тоже говорил спикер Думы¹. Однако кроме общеполитической обстановки существует еще одна проблема, которую необходимо решить. Предложенные отношения дадут эффект только в случае вступления Казахстана и Белоруссии в ВТО. Поэтому государства-члены ЕАЭС, члены ВТО, должны более активно поддерживать кандидатов на переговорах. В первую очередь это относится, естественно, к России.

Немаловажен и вопрос о взаимодействии двух уровней, глобального и регионального, в вопросах упрощения процедур торговли. Многие вопросы, входящие в упрощение процедур торговли, представляют собой, по сути, нетарифные барьеры. Станут ли они предметом отдельных соглашений или останутся на глобальном уровне? Думается, что в нынешних условиях региональные соглашения ТТП и ЕС — США и будут определять, каким будет глобальный уровень.

Сложно сказать однозначно, что превалирует в общей тенденции развития межрегиональных ЗСТ, экономический прагматизм или политический расчет, наверное, и то, и другое. Значимость интеграционной структуры, ее влияние в мире существенно растет при создании партнерских ЗСТ. Доказательством этому может служить сообщение представителей Евразийской экономической комиссии о том, что на ближайшей сессии ООН ЕАЭС должен получить статус наблюдателя в этой организации. Евразийский экономический союз ждет международное признание².

Литература

1. Глазьев С. Ю., Мансуров Т. А. Регулирование внешней торговли таможенного союза в рамках ЕврАзЭС. М. : Проспект, 2011.
2. Конфликт двух интеграций. М. : Экон-Информ, 2015.

References

1. Glazyev S. Yu., Mansurov T. A. *Regulation of foreign trade of the Customs Union within EurAsEC* [Regulirovanie vneshnei trgovli tamozhennogo soyuza v ramkakh EvrAzES]. M. : Prospect [Prospekt], 2011. (rus)
2. *Conflict of two integrations* [Konflikt dvukh integratsii]. M. : Econ-Inform [Ekon-Inform], 2015. (rus)

¹ Нарышкин назвал «закулискими» переговоры США о торговле в Атлантике и Тихом океане // Взгляд [Электронный ресурс]. URL: <http://vz.ru/news/2015/4/13/739669.html>

² Взгляд в будущее: что ждет экономику ЕАЭС? [Электронный ресурс]. URL: <http://eurasiancenter.ru/expert/20151102/1004285767.html>

ЕАЭС: российские геополитические интересы

Васильева Наталия Алексеевна

Санкт-Петербургский государственный университет
Профессор кафедры мировой политики факультета международных отношений
Доктор философских наук, профессор
n52basil@gmail.com

РЕФЕРАТ

Создание ЕАЭС можно рассматривать как важный тренд по восстановлению центростремительной геополитической характеристики евразийского пространства. Благодаря ЕАЭС удалось переломить опасную тенденцию, которая наметилась еще в 90-е гг. XX в., по «рас-таскиванию» постсоветского пространства заинтересованными внешними силами в лице Европейского союза, США и Китая. В случае удачи данных геополитических действий мировых акторов Россия утратила бы свое значение как центра Евразии, объединяющего европейские и азиатские евразийские государства. Именно российским геополитическим интересам в наибольшей степени соответствует идея евразийской интеграции, что создает реальные условия для позиционирования России как центральной державы Евразии. Закономерно рассмотреть идею «Россия — цивилизация» как глобальный проект, формирующий новую российскую идентичность, а значит, и новые перспективы взаимодействия как внутри формирующегося Евразийского экономического союза, так и в мировом пространстве. Это цивилизационная центростремительная тенденция и должна стать основным идейным импульсом для евразийской политической стратегии российского руководства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Евразия, цивилизация, ЕАЭС, Россия, геополитика, евразийская интеграция

Vasilyeva N. A.

Eurasian Economic Union: Russian Geopolitical Interests

Vasilyeva Natalya Alekseevna

Saint-Petersburg State University (Russian Federation)
Professor of the Department of World Politics of the International Relations Faculty
Doctor of Science (Philosophy), Professor
n52basil@gmail.com

ABSTRACT

The creation of the EEU can be seen as an important trend for the restoration of centripetal geopolitical characteristics of the Eurasian space. Thanks to the EEU it was reversed a dangerous trend that emerged in the 90s of the twentieth century, by "skimming off" the post-Soviet space by the interested foreign powers in the European Union, USA and China. It was a great danger that Russia would have lost its importance as the center of Eurasia, combining European and Asian Eurasian states. Just Russian geopolitical interests correspond to the idea of Eurasian integration, which creates the conditions for Russia's positioning as a Central power in Eurasia. It is legitimate to consider the idea of a "Russia as civilization" as a global project, forming a new Russian identity, and thus new prospects of interaction within Eurasian economic Union and in world space. This centripetal tendency of the civilization should be the main ideological impetus for Eurasian policy strategy of the Russian leadership.

KEYWORDS

Eurasia, civilization, EEU, Russia, geopolitics, Eurasian integration

Евразийский экономический союз окончательно оформился в 2015 г., когда были подписаны основные документы как государствами-основателями (Россия, Казахстан, Беларусь), так и присоединившимися к ним Арменией и Киргизией. Процесс

формирования Евразийского экономического союза проходит в условиях трансформации геополитической архитектуры Евразии. Перефразируя известное выражение З. Бжезинского, президент России В. В. Путин отметил, что евразийское пространство «не шахматная доска, не поле для геополитических игр. Это наш дом, и мы все вместе хотим, чтобы в этом доме царил покой, достаток, чтобы в нем не было места для экстремизма и попыток обеспечить свои интересы за счет других»¹. Данная позиция российского руководства вполне объяснима, потому что после развала СССР новые независимые государства не всегда могли найти общий язык, ставя во главу угла исключительно национальные интересы, что влекло за собой дробление постсоветского пространства и значительное снижение его геополитической значимости как «хартленда». Именно поэтому создание ЕАЭС можно рассматривать как важный тренд по восстановлению центростремительной геополитической характеристики евразийского пространства. В этом контексте необходимо отметить, что в ЕАЭС, наряду с Россией, которая территориально находится и в Европе и в Азии, входят как европейские (Беларусь и Армения), так и азиатские государства (Казахстан, Киргизия, возможно присоединение Таджикистана). Как пишет российский аналитик А. Железняк, «Россия и страны ЕАЭС географически, логистически и исторически должны стать центром объединения континента Евразия, т. е. Хартленда»². В подтверждение своей точки зрения он делает обобщенный вывод из анализа работ классиков геополитики (Дж. Макиндера, А. Савицкого и др.) о значении России как «земле будущего», как цивилизации (Россия–Евразия), что, по мнению А. Железняка, в современных условиях можно интерпретировать как ЕАЭС с перспективой дальнейшей интеграции. Таким образом, создание Евразийского экономического союза означает не только реализацию российских экономических планов, но подразумевает формирование единого стратегического пространства в масштабах не только территории ряда бывших советских республик, но и Евразийского континента как части современной полицентричной системы мироустройства³. Бесспорно, что создание Евразийского экономического союза было сопряжено с рядом трудностей, что, в частности, нашло свое отражение в компромиссном варианте самого названия союза государств. Ведь по первоначальному замыслу (в первую очередь в этом была заинтересована Россия) в названии не должно было быть слова «экономический». По словам профессора Н. Зиядуллаева, ЕАЭС представляет собой гораздо менее «продвинутой интеграционный проект, чем задумывалось ранее. Неслучайно вместо Евразийского союза появился Евразийский экономический союз, подчеркивающий именно экономическое сотрудничество <...> в Договоре используется термин „евразийская экономическая интеграция“, а не просто „евразийская интеграция“, который несет политическую составляющую»⁴. Фактически данная уступка означает неготовность постсоветских республик к вхождению в союз с наднациональными характеристиками управления, как это существует в Европейском союзе. Но, несмотря на все эти осложнения, надо признать, что благодаря ЕАЭС удалось переломить ту опасную тенденцию, которая наметилась еще в 90-е гг. XX в., по «растаскиванию» постсоветского пространства заинтересованными внешними силами в лице Евро-

¹ Путин выступил против превращения Евразии в поле для геополитических игр [Электронный ресурс]. URL: <http://lenta.ru/news/2015/07/09/evrazia/>

² Железняк А. ЕАЭС как предпосылка создания многополярного мира [Электронный ресурс]. URL: <http://oko-planet.su/first/282006-eaes-kak-predposylka-sozdaniya-mnogopolyarnogo-mira.html>

³ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F

⁴ Зиядуллаев Н. ЕАЭС: между политикой и экономикой [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ipr-ras.ru/articles/ziyadul14-08.pdf>

пейского союза, США и Китая. В случае удачи данных геополитических действий мировых акторов Россия утратила бы свое значение как центра Евразии, объединяющего европейские и азиатские евразийские государства. Именно российским геополитическим интересам в наибольшей степени соответствует идея евразийской интеграции, что создает реальные условия для позиционирования России как центральной державы Евразии. Однако наряду с Россией (особенно для центрально-азиатских постсоветских стран) большой притягательной силой обладает Китай. Как отмечают российские эксперты, «ЕАЭС проигрывает Китаю экономически с точки зрения дальнейшего расширения территории проекта и устойчивости к внешнеэкономическим потрясениям <...> Экономически Китай явный фаворит и лидер Евразии, так что стоит не забывать об этом и не допустить чрезмерного влияния на национальные экономики стран ЕАЭС. Китай и ЕАЭС — это именно та связка, в рамках которой возможно построение нового многополярного мира»¹. Но пока сопряжение ЕАЭС и проекта экономического пояса Шелковый путь находится в стадии согласования, а реальная экономическая политика Китая (создание транспортной и энергетической инфраструктуры) в настоящее время значительно подрывает позиции России в регионе. Например, с 2009 г. уже функционирует самый длинный в мире газопровод из Туркмении в КНР. Все эти факты, по мнению ряда экспертов, могут иметь прямо противоположные последствия. С одной стороны, возможно, что «разрастание ЕАЭС будет свернуто, а сама структура превратится в „мертвую“ организацию. Причем это может быть сделано по инициативе самой России — под давлением Китая, у которого свои планы на республику бывшего СССР. Создавая ЕАЭС, Россия противопоставляет себя Китаю, который разработал „Пояс Шелкового пути“. И где-то интересы России и Китая столкнутся в точке бифуркации. <...> С другой стороны, вектор равнонаправлен на учет тех интересов, которые есть у Китая и у стран ЕАЭС. Поэтому произойдет наложение интересов, а не столкновение»². В качестве доказательства возможности позитивного развития отношений РФ и КНР в Центральной Азии российский эксперт А. Гусев в ходе видеомоста Москва — Астана («Интеграционные процессы в СНГ и ЕАЭС: итоги встреч глав правительств») приводит пример Казахстана, который оказался в тесной экономической взаимосвязи с Китаем, инвестирующим порядка 40 млрд долл. в различные проекты Казахстана. Но в то же время Казахстан активно работает и над развитием ЕАЭС, одним из вдохновителей и создателей которого является Н. Назарбаев.

Наряду с Россией и Китаем геополитические интересы в Центральной Азии имеют и США. Представляется, что сближение РФ и КНР, в частности идея сопряжения ЕАЭС и проекта экономического пояса Шелковый путь, а также сближение Афганистана со странами ШОС во многом может способствовать постепенному «выдавливанию» США из региона. Как известно, США считают необходимым способствовать развитию демократических процессов в регионе, что, в частности, нашло отражение в поддержке «цветной революции» в Киргизии. Подобные подходы к реформированию политической и экономической жизни Киргизии и других центрально-азиатских стран вызывают в целом негативную реакцию российского руководства, которое усматривает в политике США стремление оторвать страны ЦА от России. Так, например, США помогают в реформировании местных экономик, используя свои большие финансовые и технологические возможности, а Россия в этом вопросе явно находится в невыигрышном положении, поскольку не рас-

¹Железняк А. ЕАЭС как предпосылка создания многополярного мира [Электронный ресурс]. URL: <http://oko-planet.su/first/282006-eaes-kak-predposylka-sozdaniya-mnogopolyarnogo-mira.html>

²Сигида А. Россия сильно мешает Китаю [Электронный ресурс]. URL: <http://www.utro.ru/articles/2015/06/01/1245542.shtml>

полагает столь же большими резервами, поэтому может содействовать модернизации экономик ЦА стран лишь в ограниченных масштабах. Важно подчеркнуть, что центрально-азиатские республики, вступившие в ЕАЭС (Казахстан и Киргизия), в силу своего геополитического положения представляют своего рода буфер между Россией и Афганистаном и рядом других горячих точек азиатского региона, откуда проистекает угроза национальной безопасности России. Так, например, из Афганистана через центрально-азиатские республики осуществляется транзит наркотиков, а также велика опасность роста исламского экстремизма (распространение идеологии «Исламского государства»). В этом контексте интересна мысль иранского эксперта К. Осули, который считает, что смена власти в центрально-азиатских республиках по образцу «цветных» революций напрямую связана с возможностью прихода к власти ультраисламистов, поэтому для России крайне важно иметь в Центральной Азии своего рода «блок-линии» дружественных государств¹. В связи с этим отметим и позицию западного эксперта Р. Аллисона, рассматривающего интеграционную политику России как «охранительную интеграцию» (protective integration), что означает предоставление определенных преференций странам ЦА в обмен на сохранение за Россией роли интеграционного центра [1, с. 190]. Вывод американских войск из Афганистана отнюдь не означает уход США из региона. Более того, сформирована новая стратегическая линия под названием «Новый шелковый путь», что предполагает включение Афганистана в проект «Большая Азия», где, по мнению эксперта из ОБСЕ Л. Заниера, экономическому благосостоянию стран Центральной Азии и Афганистана будет способствовать открытость границ, упрощающая процедуры торговли и свободного передвижения людей². Такого рода проекты могут привести к дестабилизации всего региона, что абсолютно не устраивает Россию, преследующую цель закрытия внешних границ ЕАЭС от наркотрафика и «нежелательной миграции экстремизма»³. В этой связи для России крайне важны многоуровневые и многосторонние отношения с крупнейшей страной этого региона — Казахстаном, что обусловлено существующими производственно-экономическими связями, большой протяженностью границ, общей историей и наличием большой русскоязычной диаспоры в этой стране. Хотя Россия и Казахстан являются главными создателями ЕАЭС, однако существуют и противоречия. Например, Н. Назарбаев, считающий себя идеологом евразийской интеграции, проводит линию на повышение роли Казахстана, чему должен служить и его геополитический проект по приданию Астане функций столицы ЕАЭС. Особо нужно подчеркнуть активность Казахстана и Киргизии в Совете сотрудничества тюркоязычных государств («Тюркский совет»), созданном под патронажем Турции. Для российских геополитических интересов в ЦА данный совет может иметь и негативное значение, потому что ослабляет историко-культурные связи России с народами этого региона. В свою очередь, в Казахстане участие в Тюркском совете понимается как проявление «многовекторности внешней политики». К этому нужно добавить и активные контакты Казахстана с Европейским союзом, что в последнее время сказалось и в том, что Казахстан не поддержал экономические санкции России в отношении ряда стран Европы в ответ на их антироссийские санкционные меры. В то же время, как отмечают некоторые эксперты, «за исключением России, все остальные „игроки“ рассматривают Казахстан как объект своих геополитических стратегий. Казахстан в их проектах — это элемент в их большой геополитической

¹ Осули К. Цели и интересы России в Центральной Азии: настоящее и будущее [Электронный ресурс]. URL: http://inosmi.ru/middle_asia/20140305/218193884.html

² Крамаренко М. Казахстан: на перекрестке геополитических интересов мировых держав [Электронный ресурс]. URL: <http://vpoanalytics.com/2013/01/21/kazakhstan-na-perekrestke-geopoliticheskix-interesov-mirovyyx-derzhav/>

³ Там же.

игре, а не равноправный партнер или союзник»¹. Однако в информационном поле Казахстана достаточно активно работают представители прозападной и националистической оппозиции, которые стремятся сформировать негативный образ России, как страны, которая посредством ЕАЭС стремится «колонизовать» Казахстан. Такого рода провокационные идеи крайне опасны еще и потому, что политическая элита в Казахстане очень неоднородна и далеко не все поддерживают политическую линию Н. Назарбаева. В силу естественных причин в среднесрочной перспективе возможна смена власти, а значит, изменение политической стратегии. Поэтому развитие интеграции путем реализации долгосрочных экономических проектов с участием России может стать гарантией от рисков политических кризисов во взаимоотношениях России и Казахстана. Кроме того, учитывая опасность исламского экстремизма, на первый план выходят и вопросы «активного военно-технического сотрудничества. Оно должно быть направлено не только на защиту интересов России, но и на мир в центрально-азиатских странах»².

Развитие Евразийского экономического союза идет по пути включения в его состав стран с нестабильной политической и экономической ситуацией (Армения и Киргизия), что может очень негативно сказаться на положении России, которая и сама находится в очень неблагоприятном положении из-за падения мировых цен на энергоресурсы и санкционной политики западных стран. Как отмечает эксперт А. Гусев, экономик Армении и России или Киргизии и России настолько разноречивы, что России придется делать в экономике этих стран денежные вливания, «чтобы привести их к какому-то общему знаменателю»³. Касаясь в этой связи политики России в отношении Киргизии, надо подчеркнуть, что кроме экономических аспектов крайне важно учитывать и геополитические реалии, потому что эта страна находится в непосредственной близости к Афганистану, что во многом предопределило повышенный интерес США к Киргизии. Именно военная составляющая вышла на первый план, что и определило стремление США и России иметь военные базы в этой стране. В этой связи «на неформальном саммите глав ОДКБ в мае 2013 г. было принято решение о необходимости ускорения обеспечения КСОР ОДКБ современными образцами российского вооружения и техники и об усилении военного потенциала российской авиабазы в Канте в свете открытия в Узбекистане регионального представительства НАТО»⁴. Для России позитивным моментом стал приход к власти президента Киргизии А. Атамбаева, который значительно снизил влияние США в стране, закрыв военную базу в Манасе. И важнейшим его политическим шагом стало решение о присоединении страны к ЕАЭС, что означает большие перемены для трудовых мигрантов, так как теперь «граждане Киргизии освобождены от необходимости официальной регистрации на территории России в течение месяца с момента въезда в страну, киргизские документы об образовании будут признаваться во всех странах ЕАЭС. В настоящий момент в России находится около 500 тыс. трудовых мигрантов из этого государства»⁵.

¹Крамаренко М. Казахстан: на перекрестке геополитических интересов мировых держав [Электронный ресурс]. URL: <http://vpoanalytics.com/2013/01/21/kazakhstan-na-perekrestke-geopoliticheskix-interesov-mirovyx-derzhav/>

²Средняя Азия становится центром геополитики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.geopolitics.ru/2014/03/srednyaya-aziya-stanovitsya-centrom-geopolitiki/>

³Сигида А. Россия сильно мешает Китаю [Электронный ресурс]. URL: <http://www.utro.ru/articles/2015/06/01/1245542.shtml>

⁴Киргизия превращается в заложника геополитического противостояния Китая и России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regnum.ru/news/1866113.html>

⁵Киргизия официально вошла в Евразийский союз [Электронный ресурс]. URL: http://www.gazeta.ru/business/news/2015/08/12/n_7454779.shtml

Таким образом, с геополитической точки зрения Казахстан и Киргизия важны для России прежде всего как союзники в борьбе с исламским экстремизмом и для усиления своих позиций в противоборстве с Китаем и США за влияние в Центральной Азии. Поэтому Россия придает большое значение военно-техническому сотрудничеству, налаживая контакты в области безопасности. Но и экономическое сотрудничество не уходит на второй план, потому что от состояния экономики в этих странах зависит их социально-политическая стабильность.

Как уже было отмечено, Евразийский экономический союз объединяет и европейские и азиатские новые независимые государства. И в этом плане геополитические интересы России в европейской части ЕАЭС имеют свои особенности. Так, Беларусь является традиционным и старейшим партнером России, страной — основательницей ЕАЭС. Именно Беларусь в современных санкционных условиях представляет для России важную площадку для политических встреч с европейскими лидерами по украинскому кризису. Важно отметить удивительные метаморфозы международного политического имиджа лидера Беларуси А. Лукашенко: из «последнего диктатора Европы» он неожиданно превратился в «минского миротворца» в вопросах урегулирования военного противоборства на Украине. В условиях расширения НАТО на восток Европы роль Беларусь в военно-политических планах России значительно повышается, так как эта страна становится форпостом РФ в европейском регионе. Но при этом надо учитывать, что с геополитической точки зрения в современных условиях охлаждения отношений России и ЕС именно Беларусь оказывается своего рода буфером в экономической и политической борьбе России и Запада. А потому вполне возможна двойственность позиций руководства этой страны, что можно наблюдать и по отношению к украинскому кризису, и в желании максимально использовать для своей выгоды как преимущества евразийской интеграции, так и налаживание контактов с ЕС.

Столь же неоднозначной представляется и геополитическая ситуация, которая складывается у России с Арменией, которая также присоединилась к Евразийскому экономическому союзу. Геополитические реалии таковы, что именно Армения является важнейшим союзником России на Южном Кавказе, где большую активность проявляют США, Турция и ЕС. Еще в 1992 г. был подписан Договор о статусе российских войск в Армении, что дало основание в дальнейшем развернуть российскую военную базу в Гюмри. Таким образом, именно тесное взаимодействие России с Арменией в сложный период 1990-х гг. стало важным фактором сохранения российского геополитического влияния в кавказском регионе. Однако надо признать, что для Армении вступление в ЕАЭС сопряжено с рядом серьезных внутрирегиональных и внутривнутриполитических проблем. Так, например, Армения вынуждена вести сложную дипломатическую линию, соглашаясь с претензиями Грузии на восстановление ее присутствия в Абхазии и Южной Осетии, что обусловлено во многом сохраняющейся зависимостью республики от транзита ее грузов через грузинскую территорию, а также опасениями негативных последствий для большой армянской диаспоры в Грузии. Что касается внутривнутриполитических проблем, то существует значительная оппозиция (например, партия «Наследие», «Армянский национальный конгресс» (АНК) и Демократическая партия Армении) сближению с Россией и ЕАЭС, а не Европейским союзом, на развитие отношений с которым (участие в программе «Восточное партнерство») были ориентирована значительная часть населения. Кроме того, болезненно было воспринято заявление России о том, что Армения вступает в ЕАЭС в рамках признанных ООН границ. Знаменателен комментарий С. В. Лаврова по этому поводу: «Интеграционные процессы осуществляются на территории стран, входящих в Таможенный союз. Нагорный Карабах не является таковым, но является предметом переговоров, которые ведутся на основе согласованных принципов. Россия как сопредседатель Минской группы ОБСЕ

далее будет способствовать решению этого конфликта в мирном ключе»¹. Таким образом, Армения представляет собой важного геополитического союзника на Южном Кавказе, но при этом ее политика полна противоречий и возможных кризисных внутривнутриполитических ситуаций.

Рассмотрев особенности условий реализации геополитических интересов России в странах — членах ЕАЭС, можно отметить, что Россия не в полной мере использует такой важный инструмент усиления своего влияния и укрепления позиций, как идеологический. Ведь для того, чтобы Россия стала центральной объединительной структурой евразийской интеграции, необходимо использовать такой ресурс, как общая история сосуществования народов евразийского пространства, культурные связи, толерантные традиции межконфессионального общения и пр. С геополитической точки зрения, Россия должна приложить большие усилия для формирования стабильного дружественного окружения. Фактически речь идет о реализации на практике теоретического положения Дж. Ная о первостепенном значении «привлекательного» имиджа государства. Это особенно важно для того, чтобы в образе современной России не воспроизводились стереотипные черты СССР, как страны глобального лидерства периода Холодной войны, потому что в странах — членах ЕАЭС существуют и негативные оценки перспектив евразийской интеграции, основанные на опасениях российских имперских амбиций советского типа. Поэтому столь важным становится решение проблемы улучшения имиджа России как на постсоветском пространстве, так и в мире в целом. В этой связи нужно отметить появившиеся в последнее время новые геополитические концептуальные идеи, нашедшие отражение в определении России как «государства-цивилизации», что было озвучено в Послании Президента России Федеральному Собранию РФ от декабря 2012 г.². Данный концептуальный подход используется в российском экспертном сообществе и для характеристики особенностей стран БРИКС, где все участники, так или иначе, представляют собой государства-цивилизации, выполняющие роль интеграционных лидеров в своих регионах. Цивилизационная характеристика России дает возможность объединить евразийское пространство, которое вбирает в себя различные этносы, конфессии, а также представляется социально и идеологически неоднородным, мультикультурным и географически сегментированным³. В этом контексте достаточно закономерно рассмотреть идею «Россия-цивилизация» как глобальный проект, формирующий новую российскую идентичность, а значит, и новые перспективы взаимодействия как внутри формирующегося Евразийского экономического союза, так и в мировом пространстве. Это цивилизационная центростремительная тенденция и должна стать основным идейным импульсом для евразийской политической стратегии российского руководства.

Литература/References

1. *Allison R.* Virtual Regionalism, Regional Structures and Regime Security in Central Asia // *Central Asian Survey*. Vol. 27. Iss. 2. 2008. P. 190.

¹ *Тарасов С.* Москва корректирует свою закавказскую политику [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iarex.ru/articles/48660.html>

² Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/17118>

³ *Лепехин В., Петров В.* Русский Мир. Обретение Национальной идеологии [Электронный ресурс]. URL: <http://xn--d1ahgmfj.xnp1ai/e71.html>

Национализм и евразийская интеграция: к вопросу о роли политических элит на постсоветском пространстве

Грибанова Галина Исааковна

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)
Заведующий кафедрой политологии
Доктор социологических наук, профессор
GGribanova@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье обосновывается важность четкого определения идеологического вектора развития евразийского интеграционного процесса. Особо подчеркивается необходимость сознательного отказа политических элит от использования этнонационализма как инструмента политической мобилизации масс, формирования готовности к компромиссу, базирующемуся на осознании соответствия региональной интеграции национальным интересам каждого из ее участников.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

евразийская интеграция, регион, национализм, этнополитический конфликт, национальные интересы

Gribanova G. I.

Nationalism and Euroasian Integration: the Role of Post-Soviet Political Elites

Gribanova Galina Isaacovna

Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Head of Political Science Department
Doctor of Sciences (Sociology), Professor
GGribanova@yandex.ru

ABSTRACT

The article explains the importance of ideological determination of the Eurasian integration vector. It stresses the necessity for political elites to reject the usage of ethnonationalism as an instrument for mass political mobilization, to get ready for a compromise based on the understanding that regional integration serves the national interests of all its participants.

KEYWORDS

Eurasian integration, region, nationalism, ethno-political conflict, national interests

Несмотря на то, что на современном этапе политическими элитами стран, входящих в ЕАЭС, всячески подчеркивается чисто экономический характер данного регионального объединения, несомненно, что рано или поздно (в зависимости от успеха интеграционных процессов) неминуемо встанет вопрос не только об интеграции экономических политик, но и об определении общего курса в других сферах жизнедеятельности общества — социальной, политической, культурной. Соответственно, необходимым представляется уже на данном этапе задуматься, на основе какой идеологии будет выстраиваться евразийское интеграционное объединение. Очевидно, что процесс согласования идеологии будет крайне непростым, полным противоречий и непонимания позиций другой стороны. И главная опасность здесь, на наш взгляд, исходит от национализма, привычного для политических элит постсоветского пространства и уже приведшего к крайне опасным конфликтам между

новыми независимыми государствами и этнически отличающимися территориальными общностями внутри многих из них.

Тяжелейшие последствия этнополитических конфликтов, идеологическим обоснованием которых выступает национализм, в том числе в его наиболее агрессивной форме, совершенно очевидны. Тем не менее искушение использовать это оружие в борьбе за власть оказывается порой непреодолимым для политических элит во многих странах современного мира, в том числе и на пространстве бывшего Советского Союза.

В настоящее время в политологическом дискурсе наибольшую популярность имеют три основных подхода, по-разному трактующих роль элит в политической мобилизации соответствующей этнической общности.

В рамках *примордиалистского* подхода доминирует понимание этничности как естественной, врожденной, сущностной связи любого человека со своей этнической группой и соответствующей культурой. Соответственно, политические элиты просто используют реально существующий феномен, само собой разумеющуюся данность человеческого бытия, объективно заложенную самой природой и доминирующую в обществе. Поскольку этническая принадлежность не производна, а выступает в качестве первичной по отношению ко всем другим социальным взаимодействиям, то она обретает определенную мистическую ауру, которая практически не поддается рациональному анализу.

С позиций примордиализма, основа современного этнического конфликта заложена так называемой теорией «древней вражды» (ancient hatreds) — реальными межгрупповыми противоречиями, накапливаемой сотнями лет ненавистью, долгими годами подавляемой авторитарными режимами, ослабление которых и приводит к резкому обострению различного типа конфликтов, в первую очередь этнических и конфессиональных. Так, согласно этой логике, вражда армян и азербайджанцев имеет многовековую историю, а поэтому конфликт был неизбежен. Подобный аргумент вполне применим почти ко всем близко живущим этническим группам, так как в истории большинства соседей имеются периоды силового противостояния, доходящего порой до прямых войн. Соответственно, этнический конфликт неизбежно порождается этничностью и «в долгосрочной перспективе невозможно избежать различных эксцессов, которые могут возникнуть из-за неудовлетворенного в своих притязаниях этнического национализма» [2]. Таким образом, элиты в процессе политической мобилизации выступают в качестве выразителей глубинных, природных процессов, происходящих в этносе, которые они стремятся адекватно артикулировать.

Теория «древней вражды» представляется, на первый взгляд, весьма привлекательной, поскольку она содержит простые ответы на сложные вопросы. Однако реальная ситуация заставляет серьезно усомниться в предлагаемой ею методологии. По логике данной теории, этнополитический конфликт должен происходить между всеми этническими группами, испытывающими неприязненные чувства и вражду. Однако возникает естественный вопрос: почему кровавые конфликты произошли между сербами, хорватами и босняками, молдаванами и гагаузами, киргизами и узбеками и не произошли между русскими и эстонцами, венграми и румынами, чехами и словаками, словенцами и хорватами? Теория «древней вражды» не может объяснить этого. Тем не менее примордиалистские идеи широко используются этническими элитами для политической мобилизации, поскольку позволяют им оказывать серьезное эмоциональное воздействие на своих сторонников.

С точки зрения *инструментализма*, этничность представляет собой эффективный инструмент, используемый в борьбе за власть противостоящими элитами, делающими рациональный выбор, основываясь на наличии определенных физических и культурных характеристик, при помощи которых социальная группа может вы-

двигать и реализовывать свои интересы. Речь в данном случае идет не о врожденной психологической связи между людьми, а об осознании ими политической выгоды этничности. В результате, по мнению инструменталистов, этничность выступает в качестве инструмента (ресурса) политической мобилизации в гораздо большей степени, чем является отражением реально существующих проблем в отношениях между этническими группами.

Анализ современного политического процесса, действительно, свидетельствует о крайне высоком уровне политизации этничности, выступающей в качестве одной из самых сильных социальных характеристик человека, что и позволяет достаточно широко использовать ее в качестве инструмента мобилизации масс. Таким образом, в данном контексте этнический конфликт представляет собой результат не столкновения групповых идентичностей, а межгрупповой конкуренции за обладание определенными экономическими, природными и социально-культурными ресурсами в тех ситуациях, когда группы различаются по своему социальному статусу, доступу к власти и богатству. Соответственно, недовольные своим положением группы могут использовать политический ресурс этничности для выравнивания межгрупповых различий.

В свете инструменталистского подхода объяснение конфликта между армянами и азербайджанцами будет выглядеть не как выражение древней вражды, а как столкновение двух социальных групп, чья этноконфессиональная идентичность, т. е. принадлежность к армянской (христианской) и азербайджанской (мусульманской) нации, была использована политическими лидерами в качестве инструмента политической мобилизации. Для создания из образа соседа образа недруга как армянские, так и азербайджанские лидеры рубежа 1980–90-х гг. использовали (и продолжают использовать) мрачные образы прошлого. Так, армянская сторона, говоря о геноциде армян 1915 г., не делает никаких различий между азербайджанцами и турками. В свою очередь азербайджанские идеологи постоянно напоминают о том, что в марте 1918 г. тысячи азербайджанцев были убиты в Баку и других районах Азербайджана армянскими националистами, действовавшими под большевистскими лозунгами. Представляется, однако, что решающим здесь является не наличие негативной исторической памяти, а ее инструментальное применение националистическими политическими элитами и их лидерами. Неслучайно, например, трагедия голодомора как геноцида украинского народа со стороны русских, доминирующая в современной Украине, широко используется политической элитой для оправдания антироссийской политики.

При всей привлекательности рационального объяснения этнополитического конфликта, предлагаемого инструментализмом, он не дает ответ на вопрос о том, почему именно этот инструмент политической манипуляции оказывается столь действенным, вызывая беспрецедентную поддержку национализма отдельными этническими группами. Иначе говоря, если этничность не имеет объективной основы в массовом сознании, то не ясно, каким образом удастся так легко с ее помощью манипулировать массами. Кроме того, за рамками инструменталистского объяснения остается и сам феномен националистического лидера. Таким образом, практически, спор между сторонниками инструменталистского подхода и теории «древней вражды» сводится к вопросу, что есть этнополитический конфликт: спонтанное движение масс («снизу вверх») или результат политической манипуляции (движение «сверху вниз») [2].

Представляется, что наиболее приближенную к политической реальности трактовку этничности дают сторонники так называемого *конструктивистского подхода*, в рамках которого данный феномен рассматривается в качестве формы организации культурных различий в обществе, т. е. речь идет о социальном характере происхождения и природы этничности.

Конструктивисты, как и инструменталисты, считают, что сама по себе этничность не порождает конфликта, который возникает лишь тогда, когда элиты своими действиями используют ее в целях политической мобилизации в борьбе за власть. В то же время признается возможность того, что основой для конфликта может стать своего рода патологическое состояние социальной системы в целом, которое не поддается контролю со стороны отдельных индивидуумов и политической элиты в целом. Однако и в этом случае источник конфликта заложен самим типом социальной системы, порождающим насильственный конфликт, а не узко-«рационально выбранными» действиями индивида и не «примордиальным» фактом существования этнических различий как таковых.

В принципе, мы видим, что роль элит в политизации этнических идентичностей и формировании этнической солидарности, позволяющих на практике добиться этнополитической мобилизации в тех или иных странах среди тех или иных этнических групп, сегодня признается практически всеми, однако степень влияния на эти процессы трактуется по-разному. Иначе говоря, действия элиты и ее лидеров являются одной из необходимых переменных при анализе причин конфликта, однако характер ее взаимодействия с другими переменными далеко не очевиден.

Несмотря на существование различных взглядов на источники современного этнополитического конфликта с точки зрения конфликтующих групп и их элит, чаще всего речь идет о таких аспектах, как неудовлетворенные базисные потребности групп, факторы групповой мобилизации и протесты, порождающие деструктивные синдромы эскалации конфликта, так называемые встроенные механизмы конфликта.

По нашему мнению, наиболее полный анализ предпосылок эскалации крупномасштабного внутригосударственного конфликта был предложен в 1971 г. Гарри Экштейном, выделившим четыре основные группы предпосылок, способствующих эскалации конфликта: интеллектуальные, экономические, социальные, политические.

К **интеллектуальным факторам** относятся неспособность политического режима и правящих элит адекватно реализовывать функцию социализации; наличие в обществе конфликтующих социальных мифов, недостижимых ценностей и утопических идеологий; отчуждение интеллигенции.

Среди **экономических факторов** главную роль играет обнищание населения; быстрый экономический рост; дисбаланс между производством и распределением экономических ресурсов; сочетание долгосрочного экономического роста и краткосрочных кризисов.

Социальными факторами, имеющими принципиальное значение для возникновения и развития этнополитических конфликтов, являются неадекватная циркуляция элит; нарушение внутренней сплоченности элит, их фрагментация; социальная аномия; социальная стагнация, неадекватная социальная мобильность; зарождение новых социальных классов; резкие социальные изменения; нарушение баланса социальной системы.

В качестве базовых **политических факторов** выступают отчуждение властных элит и лидеров от управляемых ими сообществ; неэффективное управление; репрессивное правительство; правительство, излишне толерантное к маргинальным группам.

Каждый в отдельности и совокупность нескольких или всех вышеперечисленных факторов, по мнению Экштейна, достаточны для эскалации крупномасштабного политического конфликта. При этом необходимым условием неблагоприятного развития ситуации является поражение тех групп элиты, которые выступают за мирное разрешение противоречий, и других сил, сдерживающих эскалацию конфликта в обществе [4, с. 136].

В результате можно сделать вывод о том, что именно интересы элиты и ее конкретные действия чаще всего определяют не только сам факт перехода кон-

фликта из латентной в открытую форму, но и характер конфликтного взаимодействия, иначе говоря, будет ли он насильственным или ненасильственным.

Наличие серьезных (и до сих пор не разрешенных) этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве является, на наш взгляд, убедительным свидетельством использования посткоммунистическими элитами национализма для сохранения и упрочения своей власти. Связано это, на наш взгляд, с целым рядом обстоятельств.

Во-первых, в большинстве случаев в так называемых новых независимых государствах на постсоветском пространстве не произошло кардинальных изменений в политической элите, где продолжали доминировать те же властные группы, что и в период существования СССР. Именно поэтому для них было жизненно необходимым максимально дистанцироваться от прошлого, постараться снять любые подозрения в том, что они ранее были его сторонниками. Национализм, бравшийся на вооружение в противовес пропагандируемому в коммунистической идеологии пролетарскому интернационализму, позволял подчеркнуть разрыв с прежними идентичностями, так или иначе связанными с прошлой карьерой или партийной принадлежностью.

Во-вторых, переориентация на этнические нормы давала возможность элитам в бывших советских республиках избавиться от держателей власти и других элит прежнего режима, имевших иное этническое происхождение. Избавление от конкуренции со стороны «чужаков» сильно упрощало задачу монополизации власти в стране.

В-третьих, в отличие от довольно эффективно работающих националистических лозунгов, иные варианты мобилизации на коллективные действия на основе вновь созданных политических партий, профсоюзов, профессиональных и иных объединений нередко оказывались практически безрезультатными из-за безразличного отношения к ним как отдельных избирателей, так и целых социальных групп.

В-четвертых, национализм хорошо коррелировал с доминировавшим в этих странах подданическим типом политической культуры, для которого, в частности, характерным является отсутствие осознания ценностей плюрализма, политической толерантности и компромиссов.

Более того, в условиях системного кризиса, ведущего к стремительно ухудшающемуся социально-экономическому положению рядовых граждан, национализм, позволяющий обвинить во всех трудностях представителей других этносов, дает возможность переключения внимания с вопросов распределения материальных благ на вопросы идентичности (т. е. перенос центра тяжести от конфликтов интересов к конфликтам идентичностей и ценностей). В результате положение этнических элит становится более устойчивым.

В-пятых, необходимо признать, что этнический характер конфликтов, как на этапе распада Советского Союза, так и в условиях существования независимых государств на постсоветском пространстве, в значительной степени был предопределен и той национальной политикой, которая с самого начала проводилась коммунистическими элитами.

В объяснении посткоммунистического расцвета национализма нередко доминирует представление о том, что нации были подавлены коммунистическим режимом и проснулись с распадом этого режима, принося с собой разрушения и войны. Однако представляется гораздо более приближенной к истине точка зрения чешского исследователя Мирослава Хроха, утверждавшего, что «расхожее представление о том, что нынешние беспорядки есть следствие освобождения иррациональных сил, которые долго были подавлены — можно сказать, „глубоко заморожены“ — при коммунизме, а теперь, после десятилетнего коллапса, полностью ожили, является, несомненно, поверхностным» [3, с. 135], поскольку «уровень институционализации национальности в режимах советского типа был необычайно

высок, национальность превратилась в советский период в одну из фундаментальных категорий социального деления» [1, с. 148].

На примере не только Советского Союза, но и СФРЮ можно сделать вывод о том, что коммунисты, провозгласив лозунг о праве наций на самоопределение, не только пошли по пути административно-территориального деления страны по национальному принципу, но и во многих случаях сами способствовали созданию наций. В результате нараставший в обществе протест против сверхцентрализации привел к тому, что на «русских» территориях он принял форму регионального сепаратизма, а в национальных образованиях — этнополитического конфликта, ин-терпретирующего диктат центра как стремление возродить империю и свести республики к положению своего рода колоний.

Особо следует отметить и вполне объяснимое стремление региональных политических элит в условиях усугублявшегося экономического кризиса сохранить и защитить то, чем обладала отдельно взятая республика. Так, отделяясь от Советского Союза, руководители республик Балтии и Украины, занимавшие лидирующие позиции в стране по объему валового национального продукта на душу населения, стремились максимально дистанцироваться от проблем России, ставшей правопреемницей СССР и взявшей в связи с этим на себя все бремя внешних долгов распавшегося государства, и зафиксировать тем самым свою ориентацию на евроинтеграцию.

Одновременно в ряде случаев доминирующие этнические элиты прибегали и к мерам, направленным на вытеснение из страны представителей меньшинств с тем, чтобы впоследствии получить возможность конфисковать имущество, которое они были вынуждены бросить при переезде. В качестве одного из наиболее ярких примеров можно привести Латвию и Эстонию, где широко практиковалось лишение этнических меньшинств гражданских прав, в том числе права участвовать в процессе приватизации.

В целом, ставка делалась на психологическую обработку сограждан, внушение им мысли о том, что только избавление от «виновных» способно улучшить социально-экономические перспективы «нового независимого государства». Как мы знаем из исторической практики, политические элиты нередко пытаются найти поиск «козла отпущения», чтобы переложить на него свою вину за провалы в социально-экономической политике, и на эту роль, как правило, лучше всего подходят «чужаки», даже если с ними рядом в мире жило не одно поколение сограждан.

В результате и сегодня, по прошествии почти четверти века с момента крушения коммунистических режимов, на территории ряда новых независимых государств и между ними сохраняется имеющая этническую окраску конфликтная ситуация.

В тех же случаях, когда правящие элиты сумели избежать искуса этнонационализма, нейтрализовать национал-радикалов и обеспечить эффективное взаимодействие с лидерами национальных меньшинств, предложив им варианты интеграции в формирующуюся гражданскую нацию, потенциальные конфликты так и не перешли в фазу открытого противостояния. В большей или меньшей степени это можно отнести к тем странам, которые стали сегодня ядром евразийского интеграционного процесса. И это, конечно, неслучайно, поскольку для его успеха требуется последовательная приверженность евразийской идеи со стороны политических элит, осознающих опасность этнического национализма, убежденных в том, что интеграция отвечает национальным интересам их стран, и готовых идти на компромисс при согласовании общих позиций.

Литература

1. Глебов С. Читая Р. Брубейкера // *Ab Imperio*. 2000. № 1. С. 199–203.
2. Смит Э. Национализм и модернизм [Электронный ресурс] // URL: www.politizdat.ru/fragment/13/ (дата обращения: 15.02.2015)

3. Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // *Нации и национализм* / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох [и др.]. М. : Праксис, 2002.
4. Eckstein H. *On the Etiology of Internal Wars* Eckstein // *History and Theory*. 1965. N 4(2). Pp. 133–163.

References

1. Glebov S. *Reading of R. Brubaker* [Chitaya R. Brubeikera] // *Ab Imperio*. 2000. N 1. P. 199–203. (rus)
2. Smith A. *Nationalism and modernism* [Natsionalizm i modernizm] [Electronic resource] // URL: <http://www.politizdat.ru/fragment/13/> (date of the address: 15.02.2015). (rus)
3. Hroch M. *From national movements to completely created nation: process of construction of the nations in the Europe* [Ot natsional'nykh dvizhenii k polnost'yu sformirovavsheisya natsii: protsess stroitel'stva natsii v Evrope] / *Nations and nationalism* [Natsii i natsionalizm] / B. Anderson, O. Bauer, M. Hroch, etc. M. : Praxis [Praksis], 2002. (rus)
4. Eckstein H. *On the Etiology of Internal Wars* Eckstein // *History and Theory*. 1965. N 4(2). Pp. 133–163.

АСЕАН и ЕАЭС: проблемы и перспективы сотрудничества

Зеленева Ирина Владимировна

Санкт-Петербургский государственный университет
Профессор кафедры мировой политики факультета международных отношений
Доктор исторических наук
irina_zeleneva@mail.ru

Концова Елизавета Андреевна

Санкт-Петербургский государственный университет
Магистрант
elizabethkontsova@gmail.com

РЕФЕРАТ

Статья рассматривает проблемы и перспективы сотрудничества Ассоциации стран Юго-Восточной Азии и Евразийского экономического союза. Современные международные процессы побуждают страны на активное сотрудничество в различных сферах. Логика интеграционных объединений не оспаривается, поскольку приносит экономические выгоды. В условиях глобализации связи между странами становятся интенсивнее, возникает взаимозависимость и взаимодополняемость. Когда кризисные события разворачиваются в отдельных государствах, они затрагивают мировое сообщество в целом. Так страны активизируют и углубляют интеграционные процессы, создавая более прочные региональные структуры в целях достижения экономической и политической безопасности и улучшения благосостояния. Нарастающая тенденция регионализации способствует, с одной стороны, усилению процессов глобализации, с другой — обособлению интеграционных группировок от мирового рынка и усилению их независимости от внешнего спроса, позволяя странам-участницам противостоять возникающим кризисам и экономическим шокам посредством создания своеобразной подушки безопасности между региональным объединением и остальным экономическим сообществом. Наглядным примером региональных группировок, созданных с подобной целью, является Ассоциация стран Юго-Восточной Азии и Евразийский экономический союз. Еще одной причиной регионализации становится желание обрести независимость от доминирующих акторов мировых экономических и политических процессов, таких как США, ЕС, Китай. Азиатские страны, к которым отчасти относится и Россия, за последние 60 лет построили множество интеграционных группировок, причем зачастую одна страна может быть участницей нескольких интеграционных объединений, например, Индонезию и Россию объединяет членство в АТЭС, но Индонезия состоит в АСЕАН, а Россия в ЕАЭС. Такие взаимодействия переплетаются в сложную структуру отношений в Азиатском регионе, где множество различных торговых соглашений пересекаются друг с другом, что вызывает издержки. Поэтому страны стремятся к гармонизации процедур и правил торговли, что особенно важно и в отношениях между региональными структурами. Однако внутри группировок АСЕАН и ЕАЭС имеется ряд разногласий, что сказывается как на дальнейшем углублении интеграции, так и на отношениях с партнерами за пределами объединения. Так, перспективы сотрудничества двух организаций пока что ограничены, но имеются перспективы по линии АСЕАН-Россия и ЕАЭС-Вьетнам.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

АСЕАН, ЕАЭС, Россия, Вьетнам, интеграция, регионализация, Региональный форум АСЕАН (АРФ), Договор о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии, зона свободной торговли ЕАЭС-Вьетнам

ASEAN and EAEU: Cooperation Problems and Prospects

Zeleneva Irina Vladimirovna

Saint-Petersburg State University (Russian Federation)
 Professor of the Department of World Politics of the International Relations Faculty
 Doctor of Science (History)
 irina_zeleneva@mail.ru

Kontsova Elizaveta Andreevna

Saint-Petersburg State University (Russian Federation)
 Master's student
 elizabethkontsova@gmail.com

ABSTRACT

The article focuses on the problems and prospects of the collaboration between the Association of Southeast Asian Nations and the Eurasian Economic Union. Present international issues encourage the active collaboration between countries in multiple spheres. Integration unions are logical for they bring mutual economic benefits. Globalization deepens ties between countries, intensifies interdependence and complementarity among them. Even while a crisis occurs in one particular country it may affect the whole world community. Thus countries initiate and strengthen integration, and new strong regional structures are being built to achieve economic and political security with better life conditions. Progressive tendency towards regionalization has a double effect. In one way, it reinforces globalization. In another, it fosters isolation of integration unions from the world market and increases their independence from the external demand. In turn, this allows a higher resistance to emerging crises and economic shocks by creating an «airbag», in a manner of speaking, to protect a particular regional integration union from the global economy. A good example of regional groupings created with this aim in mind is the Association of Southeast Asian Nations and the Eurasian Economic Union. Joining the regionalization also has a benefit of relative independence from the dominant actors of the world economy and politics, such as the US, the EU, China. Asian countries, and Russia is in some measure among them, have built plenty of integration alliances within the last 60 years. Fairly often a country associates with more than one of such alliances. For instance, Indonesia and Russia are united within APEC, while Indonesia is a member of ASEAN, and Russia is a member of EAEU. Such interactions are deeply intertwining in a sophisticated relation hierarchy in Asia, that brings expenditures. This encourages countries to harmonize trade procedures and laws, that are of vital importance in cooperation between the unions. However both ASEAN and EAEU have a range of controversies between members, that impede further integration, as well as negatively affect relations with external partners. Hence, the perspectives of cooperation between two organizations are limited so far, but there are prospects in ASEAN-Russia and EAEU-Vietnam cooperation.

KEYWORDS

ASEAN, EAEU, Russia, Vietnam, integration, regionalization, ASEAN Regional Forum (ARF), Treaty of Amity and Cooperation in Southeast Asia, EAEU-Vietnam Free Trade area

В современном мире, когда число интеграционных групп все больше и больше, возникает проблема сотрудничества с другими акторами мировой политики, с соседними или дружественными государствами — экономическими партнерами. Как например, АСЕАН + Россия или создание зоны свободной торговли ЕАЭС-Вьетнам. Следующим логичным шагом становится взаимодействие отдельных региональных интеграционных группировок, поскольку отдельные государства уже являются членами интеграционных процессов, этот факт нельзя не учитывать, и если налажены механизмы сотрудничества хотя бы с одним из государств другой региональной группировки, по этой схеме возможно провести либерализацию торговли между

отдельными региональными группировками для подключения большего числа игроков в экономические процессы. С 1 января 2015 г. ЕАЭС перешел на качественно новый уровень интеграции, а механизмы сотрудничества АСЕАН с членами ЕАЭС уже налажены. Таким образом, представляется интересным проследить трансформацию региональных структур в Азии и проанализировать механизмы сотрудничества ЕАЭС с АСЕАН для оценки дальнейшего углубления интеграционных процессов в регионе, что объединило бы отдельных участников общим соглашением о зоне свободной торговли и усилила устойчивость их экономик к мировым кризисам и создала бы независимые структуры, поскольку наиболее сильно ощущается экономическое присутствие Китая и США в данном регионе.

Как АСЕАН, так и ЕАЭС были образованы в связи с политическими и экономическими трансформациями в регионе. С уходом колониальных держав, в Юго-Восточной Азии образовался вакуум власти, который мог бы привлечь посторонних акторов к политическому вмешательству, поэтому идея соседей, работающих вместе, таким образом, стала решающим фактором в объединении. Исторически процесс объединения стран — участниц ЕАЭС был обусловлен потребностью в глубоких преобразованиях постсоветского экономического пространства.

АСЕАН — это крупный региональный и торгово-экономический блок, известный своими внутренними и внешними связями с соседями, в том числе со странами Европы. Это уже ядро многосторонней дипломатии в Юго-Восточной Азии и в Азиатско-Тихоокеанском регионе¹.

Несмотря на то, что Евразийский экономический союз вступил в силу совсем недавно — 1 января 2015 г., он был образован на основе долгого сотрудничества России, Беларуси и Казахстана в рамках других смежных организаций, таким образом, нельзя сказать, что это только начинающая молодая интеграция, потому как четкие механизмы взаимодействия уже налажены, они лишь эволюционировали по пути углубления интеграции и перешли в качественно новую плоскость отношений между соседями, претерпев множество изменений на своем пути.

Эффективность интеграции. Сравнительный анализ АСЕАН и ЕАЭС

По сравнению с АСЕАН ЕАЭС является молодой организацией, поскольку образовалась только 1 января 2015 г., даже если учитывать исторические предпосылки образования интеграционного объединения. Данный факт играет особую роль в адаптации механизмов взаимодействия между государствами, определяет уровень интеграции и ее стабильность. Так же следует учитывать культурные особенности, наличие внешних и внутренних конфликтов, механизм процесса принятия решений в организации. В совокупности эти показатели определяют эффективность работы интеграционной группировки.

Уровень интеграционной сплоченности у АСЕАН выше, чем у ЕАЭС. В целом структура организаций различается мало, однако, как видно, АСЕАН ведет свою работу в разных направлениях. Разнонаправленность работы АСЕАН определяется прежде всего сгруппированными по секторам министерскими органами, которые действуют в рамках концепции АСЕАН, принятой в 2003 г. Данная концепция основывается на триединой идее сообществ АСЕАН — Сообщества политики и безопасности, Экономического сообщества и Социально-культурного сообщества, соответственно, ведется работа в этих трех направлениях в рамках работы специальных органов.

¹ Белокреницкий В. СААРК — арбитр для Индии и Пакистана или соперник АСЕАН? [Электронный ресурс] // РСМД. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=4878 top (дата обращения: 13.04.2015).

В ЕАЭС главный упор сделан на экономическое развитие и сотрудничество в рамках работы Евразийской экономической комиссии по обеспечению условий функционирования и развития Союза, а также разработке предложений в сфере экономической интеграции в рамках Союза. Несмотря на то, что территория ЕАЭС превышает территорию АСЕАН почти в пять раз, население АСЕАН превышает население ЕАЭС также почти в пять раз. Совокупный ВВП организаций относительно не различается, однако оборот внешней торговли АСЕАН намного больше, чем у ЕАЭС. Отсюда можно сделать справедливый вывод об эффективности экономических и финансовых механизмов в АСЕАН (таблица).

Однако наличие нетарифных барьеров препятствует интенсификации торговли как в случае ЕАЭС, так и в случае АСЕАН. Обе группировки находятся в стадии формирования экономического союза, причем ЕАЭС планирует создать и валютный союз. По оценкам экспертов, торговле в ЕАЭС мешает ряд барьеров, поэтому пока что она идет не так успешно, как планировалось. Согласно докладу Евразийского банка развития, нетарифные барьеры увеличивают издержки бизнеса на 15–30% от стоимости товаров, произведенных в странах — партнерах по Евразийскому союзу¹.

Конфликты, как внешние, так и внутренние, очень сильно влияют на стабильность интеграции. Рассматривая территориальные претензии, нельзя не заметить мощный прогресс в АСЕАН с подписанием ряда соглашений между соседями по закреплению границ. Так, в 2008 г. Вьетнам и Камбоджа подписали соглашение об окончательной демаркации границ. В августе того же года достигнута трехсторонняя договоренность между Вьетнамом, Камбоджей и Лаосом, закрепившая государственные границы в районе их стыка. В марте 2009 г. Бруней и Малайзия пришли к принципиальному согласию о морских и сухопутных границах, совместной разведке и добыче нефти и газа на шельфе Южно-Китайского моря. В начале 2010 г. Индонезии и Малайзии удалось прийти к соглашению в вопросе о принадлежности сектора Амбалат (акватория моря Сулавеси)². Но все эти соглашения не смягчают бушующего конфликта в Южно-Китайском море, где противниками являются как члены АСЕАН, так и внешние государства, выходящие за систему ассоциации. Южно-Китайское море представляет собой полузамкнутое море в бассейне Тихого океана в Юго-Восточной и Восточной Азии. Более того, говоря о других внешних факторах, АСЕАН оказывается в довольно непростом положении, когда за регион, в котором организация планирует играть ведущую роль, борются две сильнейшие мировые державы — США и Китай. Говоря о дипломатических отношениях в АСЕАН, нельзя не упомянуть беспрецедентное соглашение 2005 г. Сингапура и Вьетнама. Это Рамочное соглашение о взаимосовместимости двух стран — Framework Agreement on Singapore-Vietnam Connectivity. Такой документ не имеет аналогов в дипломатической истории Юго-Восточной Азии³.

Что касается ЕАЭС, то основным экономическим конкурентом является Китай, находящийся к востоку от Центральной Евразии, который все время поддерживал тесные политические, экономические и культурные связи со странами интеграционного объединения. В понимании китайских исследователей текущие евразийские интеграционные процессы имеют огромное значение для западной части Китая. Успешное построение отношений Китая с ЕЭС поможет обеспечить такое состояние

¹ ЦИИ ЕАБР впервые дал развернутую оценку влияния нетарифных барьеров на взаимную торговлю в ЕАЭС и рекомендации по их устранению [Электронный ресурс] // Евразийский банк развития. Официальный сайт. URL: http://www.eabr.org/r/press_center/press_releases/index.php?id_4=47912&start_4=01.01.1970&end_4=13.04.2015 (дата обращения: 13.04.2015).

² Урляпов В. Ф. Расширение АСЕАН: мотивы, значения, последствия [Электронный ресурс] // Международная жизнь // URL: <http://interaffairs.ru/author.php?n=arpg&pg=330> (дата обращения: 04.05.2015).

³ Там же.

	ВВП общий	Промышленное производство	Оборот внешней торговли	Население, млн чел	Территория, км ²
ЕАЭС	В 2013 г. Валовой внутренний продукт в ЕАЭС 2411,2 млрд долл. 3,7% от мирового ВВП*	Промышленное производство 1,5 трлн долл. США — 3,7% мирового промышленного производства	Оборот внешней торговли 932,9 млрд долл. — 2,2% от мировой доли	173,4**	20 060 400***
АСЕАН	В 2013 г. совокупный ВВП прибавил 5,1% к 2012 г. и составил почти 2,4 трлн долл., или 3839 долл. на душу населения****	—	Объем международных торговых операций — 2,377 трлн долл.	625*****	4 435 618*****

Примечания: * Евразийский экономический союз [Электронный ресурс]. Официальный сайт. URL: <http://www.eaeunion.org/about> (дата обращения: 15.04.2015). ** Евразийский экономический союз. [Электронный ресурс]. Официальный сайт. URL: <http://www.eaeunion.org/about-countries> (дата обращения: 17.04.2015). *** Евразийский экономический союз. [Электронный ресурс]. Официальный сайт. URL: <http://www.eaeunion.org/about-countries> (дата обращения: 13.04.2015). **** Российский союз промышленников и предпринимателей [Электронный ресурс]. Официальный сайт. URL: <http://xn--o1aabe.xn--p1ai/simplepage/638> (дата обращения: 15.04.2015). ***** Selected basic indicators // ASEANSTATS. URL: http://www.asean.org/images/2015/January/selected_key_indicators/Summary%20table_as%20of%20December%202014_R.pdf (дата обращения: 03.05.2015). ***** Там же.

внешнеполитической среды, которое будет способствовать углублению реформ и увеличению открытости КНР в ближайшие годы¹. Говоря о дипломатических отношениях внутри ЕАЭС, так же, как и в АСЕАН, можно заметить, что традиционными партнерами остаются самые опытные члены интеграционной группировки — ее основатели. Так, исходя из того, что большинство встреч на высшем уровне проводится В. В. Путиным, Н. Назарбаевым и А. Лукашенко, Армения, по сути, последняя не только в хронологическом и географическом плане, но и в плане политического статуса.

Большие диспропорции в торговле можно заметить в рамках АСЕАН, где старые члены Ассоциации имеют больший объем товарооборота друг с другом, нежели с новыми членами. То же самое справедливо и в отношении ЕАЭС, где активнее идет диалог между членами Таможенного союза России, Беларуси и Казахстана. Следовательно, как АСЕАН, так и ЕАЭС имеют широкий круг одинаковых проблем и большое поле для дальнейшей работы в сторону усиления интеграционных связей. Для этого у каждого объединения имеется общая база исторических, культурных, географических и экономических ценностей. Однако нельзя не заметить, что АСЕАН

¹ Ли Син. Китайская политология о смысле и перспективах Евразийского союза [Электронный ресурс] // Международные процессы // URL: <http://www.intertrends.ru/thirty-eighth/Li.pdf> (дата обращения: 27.04.2015).

опережает ЕАЭС на один шаг, поскольку у АСЕАН выработаны механизмы сотрудничества в различных областях человеческой деятельности, к тому же существует множество программ взаимодействия с другими государствами и группировками, чего не хватает ЕАЭС. Но конфликты внутри группировки представляют угрозу интеграционному процессу, поэтому данный вопрос присутствует в повестке дня организации, несомненно, для АСЕАН очень важно решение данной проблемы.

Перспективы сотрудничества

Существующие механизмы сотрудничества

К сожалению, двусторонние механизмы сотрудничества ЕАЭС с АСЕАН еще не выработаны. Однако идет эффективный диалог на уровне отдельных стран ЕАЭС с блоком АСЕАН. Особенно тесны контакты с Россией и Казахстаном, для сотрудничества с которыми АСЕАН уже осуществляет различные программы по различным направлениям, они охватывают почти все области государственных интересов. Так же действуют двусторонние диалоги отдельных стран ЕАЭС с отдельными странами АСЕАН. Наибольший интерес представляют контакты АСЕАН с Россией, Казахстаном и Беларусью.

Россия

Россия как евразийская держава традиционно имеет интересы в Азии, и АСЕАН не исключение. Качественные изменения, которые происходят в АТР, особенно затрагивают российские азиатские регионы — Сибирь и Дальний Восток, поскольку они наиболее близко расположены к восточно-азиатским странам и проявляют интерес к сотрудничеству с азиатскими партнерами. В историческом контексте у России и стран АСЕАН складывались только дружественные отношения, противоречий и конфликтов не возникало. Она не вмешивалась во внутренние дела стран и конфликты. Россия не намерена устанавливать военное превосходство в АТР, а также не рассматривает возможность установления в регионе военных баз. Россия стремится развивать сотрудничество в области безопасности со странами, а не против стран. Впервые в истории АСЕАН делегация СССР была приглашена в качестве гостя для участия в 24-й конференции министров иностранных дел, состоявшейся 19–20 июля 1991 г. в Куала-Лумпуре¹. Будучи правопреемницей Советского Союза, Российская Федерация унаследовала традиционно-дружественные отношения с Вьетнамом, Лаосом и Камбоджей. Важное место во внешнеполитической деятельности Ассоциации занимают усилия по созданию в ЮВА зоны, свободной от ядерного оружия. Соответствующий договор был подписан в Бангкоке в 1995 г. и вступил в силу в 1997 г. Страны АСЕАН добиваются гарантий соблюдения положений этого договора ядерными державами, включая Россию. АСЕАН выступает в роли одного из системообразующих элементов формирующейся архитектуры безопасности и сотрудничества в АТР. Вокруг нее концентрируется ряд диалоговых механизмов и структур, в основе которых лежит система так называемых «диалогов» Ассоциации с ведущими государствами мира, зародившаяся в 1970-е гг.²

¹ МГИМО Университет. Новости [Электронный ресурс] // URL: <http://www.mgimo.ru/news/press/document167901.pdf> (дата обращения: 03.05.2015).

² Справка об АСЕАН [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/foreigneconomicactivity/cooperation/economicaa/doc20130821_9 (дата обращения: 01.05.2015).

С 1994 г. действует **Региональный форум АСЕАН (АРФ)** по вопросам безопасности, в котором участвуют 27 стран — члены «десятки», ее диалоговые партнеры и ряд других государств АТР. Сессии АРФ на уровне министров иностранных дел проводятся ежегодно (как правило, в конце июля — начале августа), так же как и совещания министров иностранных дел Ассоциации и Постминистерские конференции¹. Членство в АРФ позволяет России не только вести активный диалог по вопросам безопасности с ключевыми партнерами, но и непосредственно влиять на процесс формирования новых структур безопасности в Азии, является важным фактором укрепления позиций России в АТР. Вехой диалоговых отношений Россия–АСЕАН стало присоединение России к **Договору о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии** (Treaty of Amity and Cooperation in Southeast Asia) 29 ноября 2004 г. Это отражает твердое намерение России сохранить мир и стабильность в регионе, что является своеобразным кодексом поведения, который регулирует межгосударственные отношения и выступает залогом к партнерским отношениям². 13 декабря 2005 г. в Куала-Лумпуре состоялся первый саммит Россия–АСЕАН, где было принято решение о регулярной организации таких встреч, но их периодичность пока не установлена. Была подписана Совместная декларация глав государств/правительств стран — членов АСЕАН и Российской Федерации о развитии и всеобъемлющем партнерстве. Россия и АСЕАН также приняли **Комплексную программу действий 2005–2015** для реализации целей и задач, поставленных в Совместной декларации. Программа направлена на поощрение и повышение диалоговых отношений России и АСЕАН путем оказания помощи АСЕАН в своих усилиях в региональной экономической интеграции и построения сообщества. Второй саммит Россия–АСЕАН состоялся 30 октября 2010 г. в Ханое (Вьетнам)³. На саммите была подтверждена приверженность партнеров консолидации и дальнейшему развитию диалога Россия—АСЕАН к развитому и всеобъемлющему сотрудничеству на пути к расширению отношений на более высоком уровне, а также достигнута договоренность тесно сотрудничать в развивающейся региональной архитектуре Азиатско-Тихоокеанского региона⁴.

Россия, определив одним из своих важнейших внешнеэкономических приоритетов интеграцию в Азиатско-Тихоокеанский регион, не может и не должна находиться в стороне от активных интеграционных процессов, которые идут в рамках этой организации. Сегодня объемы торговли между Россией и АСЕАН достаточно значительны. По данным российской таможенной статистики, они составили 15,6 млрд долл. в 2012 г. (кстати, АСЕАН приводит цифры выше — 18,2 млрд долл.), торговля услугами — около 3 млрд долл. Значительно отстают от них масштабы инвестиционного сотрудничества — в 2012 г. российские прямые инвестиции в страны АСЕАН составили около 100 млн долл.⁵. Так, развиваются связи между представителями деловых кругов. В 1998 г. в Куала-Лумпуре подписано соглашение о сотрудничестве между ТПП России и Конфедерацией ТПП АСЕАН, создан Деловой совет Россия–

¹ Там же.

² ASEAN-Russia Dialogue Relations // ASEAN [Электронный ресурс] // URL: <http://www.asean.org/news/item/overview-of-asean-russia-dialogue-relations> (дата обращения: 25.04.2015).

³ Диалоговое партнерство Россия-АСЕАН [Электронный ресурс] // Посольство Российской Федерации в Республике Индонезия // URL: http://indonesia.mid.ru/documents/1685590/0/ASEAN_obsch.pdf (дата обращения: 28.04.2015).

⁴ ASEAN-Russia Dialogue Relations // ASEAN [Электронный ресурс] // URL: <http://www.asean.org/news/item/overview-of-asean-russia-dialogue-relations>. (дата обращения: 25.04.2015).

⁵ Министерство экономического развития Российской Федерации. Справка об АСЕАН // http://economy.gov.ru/minrec/activity/sections/foreigneconomicactivity/cooperation/economicaa/doc20130821_9 (дата обращения: 01.05.2015).

АСЕАН. Председателем является Е. Н. Храмов (вице-президент ГК «Мортон»), исполнительным директором — В. И. Тарусин (исполнительный директор ГК «Петрос»). В 2005 г. создан Финансовый фонд Диалогового партнерства (ФФДП), куда Российская Федерация вносит ежегодные взносы (с 2011 г. — ежегодно 1,5 млн долл.). За счет средств ФФДП осуществляется совместная проектная деятельность. Также в декабре 2005 г. Россия и АСЕАН заключили Соглашение между правительствами государств — членов АСЕАН и правительством Российской Федерации в сфере экономики и развития. Соглашение предусматривает создание благоприятных условий для развития многогранного сотрудничества между двумя сторонами в области экономики, торговли и инвестиций, науки, технологий и культуры¹. Первые консультации между министрами экономики АСЕАН и России состоялись в августе 2010 г. в г. Дананг (Вьетнам), что создало импульс к продвижению торгово-экономических отношений на новый этап. Среди других областей взаимодействия — контакты в сфере высоких технологий, космоса, аграрного сектора, транспорта, металлургии. В большей степени развитию углубленного диалога способствует открытый в 2010 г. в Москве Центр АСЕАН при МГИМО(У) МИД России. В Центре налажен информационный обмен о диалоговом партнерстве между Россией и странами АСЕАН, в том числе — в сфере науки, культуры и образования.

Казахстан активно сотрудничает с АСЕАН также в рамках многосторонних площадок: Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), Диалог сотрудничества в Азии, Форум «Азия–Европа» (АСЕМ). Причем Казахстан является инициатором создания СВМДА и выступает за подписание между СВМДА и АСЕАН Меморандума о взаимопонимании и надеется, что ряд государств Ассоциации в ближайшем будущем войдут в СВМДА в качестве членов или наблюдателей. Подгруппа АСЕАН во главе с Малайзией выступила в поддержку кандидатуры Казахстана на членство в АСЕМ².

С 2012 г. в результате официального визита Министра иностранных дел Республики Беларусь в Республику Индонезия и по итогам переговоров с Генеральным секретарем АСЕАН было принято решение об аккредитации Чрезвычайного и Полномочного Посла Республики Беларусь в Республике Индонезии в качестве Постоянного представителя Республики Беларусь при АСЕАН. В феврале 2013 г. в Национальном собрании Республики Беларусь создана рабочая группа по сотрудничеству с МПА АСЕАН. По итогам 2014 г. товарооборот Республики Беларусь со странами АСЕАН составил 851,9 млн долл. (в 2013 г. — 750,7 млн долл.): экспорт продукции — 566 млн долл., импорт — 285,8 млн долл., сложилось положительное сальдо в размере 280,2 млн долл. (23,2 млн долл. в 2013 г.)³. Республика Беларусь имеет больше двусторонних контактов со странами АСЕАН, нежели с самой интеграционной группировкой. Особенно развиты контакты с Малайзией, Индонезией и Сингапуром. Позитивная динамика наблюдается в научно-техническом и инновационном сотрудничестве Беларуси со странами ЮВА. Поддерживаются рабочие контакты Государственного комитета по науке и технологиям и институтов системы НАН Беларуси с ведущими научно-исследовательскими и инновационными организациями Индонезии, Малайзии и Сингапура. Общие подходы к вопросам многосторонней повест-

¹ ASEAN-Russia Dialogue Relations // ASEAN [Электронный ресурс] // URL: <http://www.asean.org/news/item/overview-of-asean-russia-dialogue-relations>. (дата обращения: 25.04.2015).

² Казахстан и страны АСЕАН намерены укреплять сотрудничество [Электронный ресурс] // Министерство Иностранных дел Республики Казахстан // URL: <http://www.mfa.kz/index.php/ru/poslednie-novosti/1711-kazakhstan-i-strany-asean-namereny-ukrepyat-sotrudnichestvo> (дата обращения: 20.04.2015).

³ Сотрудничество Республики Беларусь с Ассоциацией стран Юго-Восточной Азии / Посольство Республики Беларусь в Республике Индонезия // <http://indonesia.mfa.gov.by/ru/ASEAN/> (дата обращения: 25.04.2015).

ки дня позволяют Беларуси успешно сотрудничать со странами ЮВА на международной арене¹.

Армения имеет свое представительство в АСЕАН в лице посла².

Перспективы

Как видно, Россия и АСЕАН развили широкие механизмы сотрудничества, Казахстан, Армения и Беларусь в меньшей степени, но на высоком уровне. Страны понимают, насколько важно вести диалог в АТР. Однако у Казахстана и Беларуси больше двусторонних контактов со странами АСЕАН, а диалоговых механизмов еще не выработано. Поэтому эффективнее и менее затратно было бы выстроить отношения по линии ЕАЭС–АСЕАН. Однако как в АСЕАН, так и в ЕАЭС интеграционная сплоченность находится только в стадии активного развития, что уже является благоприятным фундаментом для построения механизмов сотрудничества двух группировок нужна широкая либерализация внутри объединений. Таким образом, если процесс интеграционного проникновения продолжится, то это станет хорошей базой для сотрудничества на уровне двух региональных группировок. Здесь необходимо не допустить отката к протекционизму, поскольку нетарифные барьеры все еще присутствуют внутри каждого объединения. Более того, необходимо урегулирование внутренних конфликтов и гармонизация отношений между странами-членами, поскольку согласия между двумя региональными блоками легче достичь, если будет консенсус внутри группировки.

Существуют проекты развития двустороннего сотрудничества. Для России сегодня и на годы вперед важнейшая общая задача России и «Большого АСЕАНа» — продвигать торгово-экономические связи, как это предусмотрено Комплексной программой действий по развитию сотрудничества на 2005–2015 гг.³ Директор Института национальной энергетики С. Правосудов обращает внимание, что Москва и Ханой продолжат совместную разработку нефти и газа, а также будут осуществлять поиск новых форм взаимовыгодного сотрудничества — в частности, в российской Арктике на шельфе Печорского моря. Кроме того, планируется газифицировать транспорт. России есть что предложить на рынке товаров и услуг в едином экономическом пространстве АСЕАН. Взаимодействие с любой из стран Ассоциации открывает России широкие возможности на одном из крупнейших рынков мира. Вступая в третье десятилетие партнерских отношений, Россия и АСЕАН планируют значительно наращивать объем накопленного потенциала, а также развивать всеобъемлющий диалог в Азиатско-Тихоокеанском регионе⁴. Беларусь прорабатывает вопросы продвижения на индонезийский рынок молочной продукции, а также продукции ОАО «МАЗ», ОАО «Минский подшипниковый завод», ОАО «Гродненская табачная фабрика „Неман“», ООО «Регула», УП «Адани», СООО «Ювелирный завод „Зорка“» и др. Ведется работа по продвижению на филиппинский рынок белорусской автобусной и трак-

¹ Беларусь и страны Африки и Ближнего Востока [Электронный ресурс] // Министерство Иностранных дел Республики Беларусь // URL: http://mfa.gov.by/bilateral/asia_africa/baa8b6bcf85fdd3a.html (дата обращения: 28.04.2015).

² Посол Армении вручила свои верительные грамоты генсеку АСЕАН [Электронный ресурс] / News AM // URL: <http://news.am/rus/news/247821.html> (дата обращения: 15.04.2015).

³ Урляпов В. Ф. Расширение АСЕАН: мотивы, значения, последствия [Электронный ресурс] // Международная жизнь // URL: <http://interaffairs.ru/author.php?n=arpg&pg=330> (дата обращения: 27.04.2015).

⁴ Студнева Е. Россия и АСЕАН — за углубление партнерства в АТР [Электронный ресурс] // Международная жизнь // URL: <http://interaffairs.ru/read.php?item=11429> (дата обращения: 07.05.2015).

торной техники, продукции концерна «Белнефтехим», продуктов питания и др. С сингапурскими компаниями прорабатываются возможности налаживания инвестиционного сотрудничества в области производства продуктов питания и других сферах¹.

Но поскольку страны объединены одной интеграционной группировкой, возникает логика создания общего диалога на уровне ЕАЭС–АСЕАН для упрощения формальностей и быстроты сделок, что повысит эффективность экономики во всех странах. Такое взаимодействие выгодно всем. Так, председатель Совета Федерации В. Матвиенко в ходе официального визита в Лаос в сентябре 2014 г., выступая на заседании 35-й Генассамблеи Межпарламентской ассамблеи АСЕАН, высказала мнение о том, что перспективы создания зоны свободной торговли по линии «Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) — Евразийский экономический союз» созрели для рассмотрения на парламентском уровне². «С 1 января заработает Евразийский экономический союз и уже подготовлен проект меморандума о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и АСЕАН. В связи с этим считаю целесообразным рассмотреть на парламентском уровне перспективы создания зоны свободной торговли по линии АСЕАН — Евразийский экономический союз», — заявила Валентина Матвиенко.

Хотя всеобъемлющего проекта сотрудничества еще не существует, уже ведется работа в этом направлении. Зона свободной торговли между ЕАЭС и Вьетнамом станет мощным импульсом к сотрудничеству между АСЕАН и ЕАЭС. 28 марта 2013 г. в Ханое стартовали официальные переговоры по соглашению о создании ЗСТ. После восьми раундов переговоров под руководством члена Коллегии (министра) по торговле Евразийской экономической комиссии А. Слепнева и министра промышленности и торговли СРВ Ву Хюи Хоанга, а также межсессионных встреч, сторонам на техническом уровне удалось согласовать основное содержание соглашения. Были выработаны следующие принципы: характер документа обеспечивает баланс интересов каждой из сторон, соглашение регулирует основные положения по торговле товарами, порядку определения страны происхождения товаров, торговле услугами, инвестиционному взаимодействию, защите интеллектуальной собственности, применению санитарных, ветеринарных и фитосанитарных норм, упрощению таможенных процедур, обеспечению защитных торговых мер, устранению технических барьеров в торговле, а также внедрению электронных технологий таможенного контроля, принципам и правилам конкуренции, и по правовым вопросам. Страны-члены ТС предоставляют СРВ таможенные льготы, а как следствие, благоприятные условия для экспорта таких вьетнамских товаров, как текстильные изделия, морепродукты, сельскохозяйственные товары, а также промышленные продукты. Вьетнам в свою очередь открывает производителям из ТС рынка по таким направлениям, как мясомолочная и рыбная продукция, машины и оборудование, транспортные средства, металлопрокат и т. п.³.

Вследствие подписания данного соглашения Беларусь договорилась с российскими партнерами начать работу по продвижению на рынки Юго-Восточной Азии,

¹ Беларусь и страны Африки и Ближнего Востока [Электронный ресурс] / Министерство Иностранных дел Республики Беларусь // URL: http://mfa.gov.by/bilateral/asia_africa/baa8b6bcf85fdd3a.html (дата обращения: 25.04.2015).

² Евразийский коммуникационный центр [Электронный ресурс] / Перспективы создания зоны свободной торговли по линии АСЕАН–ЕАЭС созрели для рассмотрения на парламентском уровне // URL: <http://www.eurasec.com/evrazijjskie-novosti/4870/> (дата обращения: 20.04.2015).

³ Чан Куок Кхань. ЗСТ Таможенный союз — Вьетнам: новые возможности для сотрудничества между традиционными партнерами [Электронный ресурс] // РСМД // URL: http://russiancouncil.ru/blogs/digest/?id_4=1652 (дата обращения: 15.04.2015).

в частности стран АСЕАН. Премьер-министр Беларуси Михаил Мясникович заявил, что активизация процесса начнется через Вьетнам, с которым подписано соглашение о ЗСТ. «Создание зоны свободной торговли без искусственных барьеров и ограничений станет важным шагом в активизации сотрудничества между нашими странами. Это [соглашение о свободной торговле] базовый документ принципиального развития сотрудничества, который эволюционно может перерасти в активную фазу отношений между ЕАЭС и АСЕАН», — сказал Мясникович во время встречи с генеральным секретарем Центрального комитета Коммунистической партии Вьетнама Нгуен Фу Чонгом в ноябре 2014 г.¹

Как отмечает экономист Ариэл Нойола Родригес, Евразийский союз выходит за пределы своих континентальных границ, создавая зоны свободной торговли с Китаем в Азии, с Египтом в Северной Африке и общим рынком стран Южной Америки (МЕРКОСУР), включающим Аргентину, Бразилию, Парагвай, Уругвай и Венесуэлу. Стратегические отношения преследуют две основные цели — сократить присутствие Соединенных Штатов и Европейского союза в торговых и внерегиональных инвестиционных потоках и ускорить общую дедолларизацию путем использования национальной валюты в качестве платежного средства. Так, переход России на альтернативную платежную систему по отношению к межбанковской системе SWIFT, а также опыт создания валюты сукре, используемой в странах АЛБА (альянс стран Латинской Америки и Карибского бассейна), «свидетельствуют о растущей роли обеих сторон в создании новых институтов и финансовых механизмов, которые покидают орбиту доллара». «Евразийский союз и МЕРКОСУР должны направить свои усилия на укрепление финансового сотрудничества и параллельно сформировать общий фронт в защиту национального суверенитета и принципов международного права», — заключил Родригес². Возможно, такой сценарий подойдет и для развития экономических отношений между АСЕАН и ЕАЭС, что позволит блокам отказаться от излишней привязанности к доллару и его курсу.

Заключение

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что прямые механизмы сотрудничества АСЕАН–ЕАЭС еще не разработаны. А из всех стран только Россия смогла построить эффективный диалог со всей региональной группировкой в целом, помимо двусторонних контактов со странами группировки. Поэтому ЕАЭС может воспользоваться моделью сотрудничества по линии Россия–АСЕАН, используя такие механизмы, как саммиты глав стран — членов АСЕАН и ЕАЭС, встречи высших должностных лиц и министров иностранных дел. Разработка комплексной программы действий и дорожных карт не только в сфере экономического и энергетического сотрудничества, но и в гуманитарных областях, а также в области культуры, научного и образовательного обмена в современном мире становится очень эффективным методом работы в области сотрудничества. Двусторонние механизмы следует перестроить на многосторонний формат в рамках диалога двух региональных группировок. Это позволит сократить присутствие США, ЕС и Китая в торговых и внерегиональных инвестиционных потоках и ускорить общую дедолларизацию региона путем использования национальной валюты в качестве платеж-

¹The Interview of Mr. Aleksandr Guryanov, Belarus Deputy Foreign Minister, for radio «Belarus» [Электронный ресурс] // Министерство Иностранных дел Республики Беларусь // URL: http://mfa.gov.by/en/mass_media/b5395e5920df715c.html (дата обращения: 19.04.2015).

²Экономист: партнерство ЕАЭС и Латинской Америки бросает вызов США // РИА Новости // <http://wap.ria.ru/world/20150321/1053756194.html> (дата обращения: 28.04.2015).

ного средства. В качестве нового платежного механизма использовать переход от SWIFT к альтернативной платежной системе. Снятие тарифных и нетарифных барьеров позволит увеличить товаропоток и объем торговли между странами, ускорит обмен технологиями и знаниями. Научный и культурный обмен позволит снизить степень риска возникновения международных конфликтов. В высших эшелонах власти уже имеются планы по либерализации отношений между двумя группировками, следовательно, постепенно будут разрабатываться механизмы взаимодействия. Существуют проекты развития двустороннего сотрудничества. Но главной перспективной областью сотрудничества становится соглашение о Зоне свободной торговли между Вьетнамом и ЕАЭС. Соглашение регулирует основные положения по торговле товарами, порядку определения страны происхождения товаров, торговле услугами, инвестиционному взаимодействию, защите интеллектуальной собственности, применению санитарных, ветеринарных и фитосанитарных норм, упрощению таможенных процедур, обеспечению защитных торговых мер, устранению технических барьеров в торговле, а также внедрению электронных технологий таможенного контроля, принципам и правилам конкуренции, и по правовым вопросам. Страны-члены ТС предоставляют СРВ таможенные льготы, а как следствие, благоприятные условия для экспорта таких вьетнамских товаров, как текстильные изделия, морепродукты, сельскохозяйственные товары, а также промышленные продукты. Вьетнам, в свою очередь, открывает производителям из ТС рынки по таким направлениям, как мясомолочная и рыбная продукция, машины и оборудование, транспортные средства и металлопрокат и т. п. Вопросы инвестиционного взаимодействия, торговли услугами, перемещения физических лиц после обсуждения в двустороннем формате также были внесены в соглашение, как и положения по предоставлению преференций для совместных инвестиционных проектов. Это смелый поступок вьетнамской стороны, поскольку могут быть созданы условия по внесению поправок в уже подписанные соглашения о ЗСТ с другими странами. Создание зоны свободной торговли без искусственных барьеров и ограничений станет важным шагом в активизации сотрудничества между странами. Это [соглашение о свободной торговле] базовый документ принципиального развития сотрудничества, который эволюционно может перерасти в активную фазу отношений между ЕАЭС и АСЕАН.

ЕС и ЕАЭС: проблемы и перспективы сотрудничества в современных геополитических реалиях

Лагутина Мария Львовна

Санкт-Петербургский государственный университет
Доцент кафедры мировой политики факультета международных отношений
Кандидат политических наук
manipol@mail.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена анализу нынешнего состояния и оценке перспектив развития отношений двух интеграционных структур: Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Европейского союза (ЕС). В статье подробно рассматривается эволюция концепта Большой Европы, анализируются этапы развития двусторонних отношений ЕС со странами — членами ЕАЭС. Автор отмечает, что, несмотря на то, что в нынешних геополитических условиях диалог между ЕС и ЕАЭС затруднителен, существует объективная необходимость установления тесных связей двух блоков, что обусловлено как историческими и географическими факторами, так и современными геополитическими и геоэкономическими. Тем не менее вопрос о возможной взаимоувязке двух интеграционных проектов если и следует рассматривать в перспективе, то уже не в рамках традиционной парадигмы «Большой Европы от Лиссабона до Владивостока», а в рамках «Большой Евразии от Лиссабона до Шанхая».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Евразийский экономический союз, Европейский союз, интеграция, «Один пояс, один путь», Россия, Китай, украинский кризис, «Восточное партнерство», сопряжение, международное сотрудничество, Большая Европа, Большая Евразия

Lagutina M. L.

EU and EEU: Problems and Prospects of the Cooperation in the Current Geopolitical Conditions

Lagutina Maria Lvovna

Saint-Petersburg State University (Russian Federation)
Associated professor of World Politics Department, School of International Relations
PhD in Political Science
manipol@mail.ru

ABSTRACT

This article is devoted to analysis of the current state and prospects of development of the relationships of two integration structures: the Eurasian economic Union (EEU) and the European Union (EU). The article focuses on the evolution of the concept of the Greater Europe; the author analyzes the main stages of development of the bilateral relations of the EU with the countries-members of the EEU. The author notes that in spite of the fact that in the current geopolitical conditions a dialogue between the EU and the EEU is difficult, there is an objective necessity to establish close relations between two blocks due to historical and geographical and the current geopolitical and geo-economic factors. However, nowadays the possibility of the convergence of these two integration projects can be realized within the traditional paradigm of «the Greater Europe from Lisbon to Vladivostok», but as a part of the «the Greater Eurasia from Lisbon to Shanghai».

KEYWORDS

The Eurasian economic union, the European union, integration, «One belt, one road», Russia, China, the Ukrainian crisis, «Western partnership», conjugation, international cooperation, the Greater Europe, the Greater Eurasia

Сегодня мы в очередной раз являемся свидетелями мир-системного кризиса и качественной трансформации мировой экономической и политической систем. По экспертным оценкам, ближайшие несколько десятилетий «в мировой экономике продолжится перестановка сил — промышленно развитые страны Северной Америки, Западной Европы и Япония постепенно утратят роли лидеров, несмотря на прогнозируемое замедление темпов роста Китая (ориентировочно после 2020 года)»¹. Постепенно в мировой системе возникают новые силовые центры в Азии, Латинской Америке и Евразии. «Наблюдаемые изменения (рост дисбалансов в международно-политической, финансовой, демографической, энергетической, коммуникационных и прочих сферах) дают понять: мир на пороге нового переустройства»². В условиях современного глобального мира возможности прежней модели мирового развития во многом исчерпаны и не соответствуют требованиям мировой системы. Реальные перспективы будут лишь у тех стран, которые смогут адаптироваться к этим новым условиям и выстроить новые (альтернативные) модели глобального сотрудничества. Интеграция становится ведущей тенденцией развития мировой системы. В этих условиях страны-одиночки (даже самые крупные из них) имеют меньше шансов на эффективное участие в мировых процессах, тогда как страны, выступающие совместно со своими партнерами в формате общих интеграционных проектов, получают новые возможности для повышения эффективности своей деятельности в условиях современного глобального мира.

Европейские страны одними из первых включились в интеграционные процессы, создав наиболее успешную интеграционную структуру — Европейский союз. На разных этапах развития европейской интеграции в той или иной степени возникал вопрос о взаимодействии с ближайшими соседями — Россией и другими странами постсоветского пространства. Однако практика показала, что взаимодействие на уровне «интеграционная структура — национальное государство» не может быть полномасштабным по своему характеру в силу неравнозначности участников такого взаимодействия. У стран постсоветского пространства возникла объективная необходимость создать равнозначное по статусу европейскому интеграционное объединение из заинтересованных в этом стран. Появился Евразийский экономический союз (ЕАЭС), в основу которого легла модель европейской интеграции. Казалось бы, настал подходящий момент и создались необходимые условия для развития полноценного сотрудничества двух союзов, однако события последних лет (украинский кризис 2014 г., попытки экспорта «цветных революций» в постсоветские страны, санкционная политика Запада против России и т. д.) привели к приостановлению сотрудничества Европейского союза с Россией — одного из ключевых участников ЕАЭС. В результате намерения создателей ЕАЭС по дальнейшему взаимодействию с ЕС на уровне интеграционных структур на данном этапе потеряли всякие основания. Тем не менее по-прежнему сохраняются многие объективные факторы (географическая близость, экономическая взаимозависимость и т. д.), дающие основания предположить, что отношения будут восстановлены в ближайшие годы, но встает вопрос: на каких основаниях и в каких геополитических условиях?

¹ PricewaterhouseCoopers: прогноз развития мировой экономики с 2015 до 2050 года [Электронный ресурс] // URL: <http://gtmarket.ru/news/2015/02/11/7089> (дата обращения: 19.09.2015).

² Межевич Н. М. «Интеграция интеграций»: стоит ли искать черную кошку в темной комнате? [Электронный ресурс] // Официальный сайт Российского совета по международным делам. 2015. 18 сентября. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=65901 (дата обращения: 20.09.2015).

Проекты объединения Европы и Евразии: от «Большой Европы» к «Большой Евразии»?

О возможности объединения Европы и Евразии (России (СССР), постсоветского пространства) ученые и эксперты пишут и говорят с начала XX в.:

- например, в 1904 г. известный геополитик Дж.Х. Маккиндер впервые в своих работах предложил рассматривать пространство Большой Европы как нечто единое; по его мнению, Европа — родина прогресса и современной цивилизации, а Хартленд, контролируемый Россией, — сила, непосредственно на нее влияющая, следовательно, *союз континентальной Европы с Россией-Хартлендом* может привести к созданию мощнейшего, доминирующего мирового центра силы [2];
- в свою очередь в 1940 г. немецкий геополитик К. Хаусхофер высказал идею создания «континентального блока» на основе Германии и России: «между центральными державами континентальной Европы (Германией) и континентальной Евразии (Россией) существуют духовная связь в виде сильной народно-исторической воли»¹; однако эта идея была на корню разрушена с нападением Германии на СССР;
- в 1959 г. президент Франции Ш. де Голль ввел в политический оборот выражение «Европа от Атлантики до Урала», подразумевая под ним политическое сближение Франции, ФРГ, стран Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) и СССР; это соответствовало политике Франции того периода в Европе, направленной на противодействие США и дистанцирование от НАТО;
- в 1980-е гг. советский лидер М.С. Горбачев выступил с идеей «общего европейского дома», что должно было основываться на развитии интеграционных отношений на Западе и на Востоке Европы, а впоследствии их слиянии, результатом чего должна была стать ликвидация разделительных линий между капиталистической и социалистической системами; однако просчеты во внешней политике СССР и многочисленные уступки Западу привели СССР к кризису и распаду, в результате чего Россия на несколько десятилетий была вытеснена на периферию Европы и мировой системы в целом;
- в 2008 г. тогдашний Президент России Д. А. Медведев выступил с инициативой *нового всеобъемлющего договора о коллективной безопасности в евроатлантическом регионе (Договор о европейской безопасности — ДЕБ)*, призванного *объединить всю Евроатлантику «от Ванкувера до Владивостока»* и способствовать формированию единого пространства безопасности без разделительных линий, однако эта идея была категорично отвергнута Западом;
- наконец, в 2011 г. российский президент В. Путин и белорусский лидер А. Лукашенко в своих программных статьях предложили концепцию «интеграции интеграций»² — создания континентального блока от Лиссабона до Владивостока, которая была поддержана президентом Казахстана Н. Назарбаевым; российский лидер в своей статье констатировал европейский контекст евразийской интеграции и отметил, что проект ЕАЭС будет «...строиться на универсальных интеграционных принципах как неотъемлемая часть Большой Европы, объединенной едиными ценностями свободы, демократии и рыночных законов»³. В свою очередь, президент Беларуси обратил внимание на то, что «...в создании Евра-

¹ Хаусхофер К. Континентальный блок: Берлин — Москва — Токио [Электронный ресурс] // Библиотека Гумер. 1940. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Haus/konttbl.php (дата обращения: 12.09.2015).

² Путин В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 4 октября; Лукашенко А. О судьбах нашей интеграции // Известия. 2011. 19 октября.

³ Путин В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 4 октября.

зийского союза не следует усматривать попытку некоего раздела Европы... Евразийский союз я вижу как неотъемлемую часть общеевропейской интеграции... Мы предлагаем «интеграцию интеграций»¹. Таким образом, согласно данной идее, конечная цель евразийской интеграции — создание общего рынка от Атлантического до Тихого океанов; речь шла о первоочередном геополитическом укреплении ЕАЭС, для того чтобы потом объединиться с Европой на равных началах; предполагалось, что континентальный блок XXI в. будет иметь два центра силы — оси: Париж—Берлин и Москва—Астана.

Обзор двусторонних связей ЕС и стран ЕАЭС: а было ли сотрудничество?

Для Европейского союза восточный вектор внешней политики всегда был одним из ведущих и приоритетных. В процессе установления и развития отношений ЕС со странами Восточной Европы, постсоветского пространства и Россией была выработана система двусторонних соглашений — так называемых соглашений о партнерстве и сотрудничестве. Оценивая эту политику, можно отметить, что практически все инициативы и соответствующие документы ЕС, касающиеся постсоветского пространства, имели исключительно декларативный характер и предусматривали «адаптацию восточных соседей Союза» к системе европейских ценностей и приоритетов². Речь фактически шла о том, чтобы руководители и правительства этих стран как минимум согласовывали свою внешнюю и внутреннюю политику с соответствующими европейскими структурами: «политика добрососедства все больше приобретала черты интеграции под присмотром «старшего европейского брата»»³. Однако, начиная с 2000-х, отношения ЕС со странами постсоветского пространства начинают определяться в большей степени российско-европейскими отношениями.

До 2004 г. внешняя политика Евросоюза основывалась на идее полномасштабного сотрудничества с Российской Федерацией, правда, на условиях безоговорочного принятия ею условий Запада (демократизация, свобода слова, либерализация и т. д.). В середине 90-х гг. XX в. были заложены основы нормативной базы взаимоотношений ЕС и России: в 1994 г. между Россией и Евросоюзом было подписано Соглашение о партнерстве и сотрудничестве. В течение первого десятилетия XXI в. эта нормативная база расширялась и совершенствовалась. Большая часть достигнутых в те годы соглашений продолжает действовать по сегодняшний день, несмотря на то, что во многом уже не отвечает нынешним политическим реалиям. Что касается интеграции общеевропейского пространства со странами постсоветского пространства, то на первом этапе обе стороны не исключали ее возможности, хотя больше как отдаленную перспективу: «Европейский союз проявлял заметную заинтересованность в установлении добрососедских отношений»⁴. Наибольший интерес к экономическому сотрудничеству и возможной интеграции между Европейским союзом и Российской Федерацией пришелся на период 2003–2004 гг., однако затем тема перешла в разряд периферийных.

¹ Лукашенко А. О судьбах нашей интеграции // Известия. 2011. 19 октября.

² Политика Евросоюза в отношении стран постсоветского пространства в контексте евразийской интеграции. Доклад подготовлен группой экспертов во главе с Т. Гузенковой [Электронный ресурс] // Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. URL: http://www.perspektivy.info/oikumena/ekdom/politika_jevrosojuza_v_otnoshenii_stran_postsovetskogo_prostranstva_v_kontekste_jevrazijskoj_integracii_2015-07-08.htm (дата обращения: 19.10.2015).

³ Там же.

⁴ Там же.

Важным событием в развитии российско-европейских отношений и эволюции политики ЕС в отношении других стран постсоветского пространства стало крупнейшее расширение ЕС 2004 г., когда в единой Европе оказались страны Восточной Европы и Прибалтики, начавшие активно продвигать антироссийские настроения в Союзе. Границы Евросоюза достигли бывших советских республик. Россия же вышла из кризисного состояния 1990-х гг. и стала более активно отстаивать свои позиции как в регионе, так и на международной арене¹. С этого момента начинается постепенное похолодание отношений между Россией и ЕС, а в отношениях ЕС со странами постсоветского пространства преобладающей тенденцией становятся установление двусторонних отношений и реализация реформистских и интеграционных программ в рамках этих отношений. По мнению экспертов, в этот период становится очевидно, что взаимодействие России и ЕС качественно трансформируется: «Если в 1990-е годы оно развивалось по формуле „ведущий — ведомый“, когда от России ожидали адаптации ее внутренней и внешней политики в соответствии с нормами, ценностями и интересами ЕС, и в целом евроатлантического сообщества, то в первое десятилетие XXI века стороны все больше рассматривали друг друга в качестве неподчиненных партнеров»². Результатом таких изменений стал отказ российской стороны от участия в программе „Новое соседство“, разработанной на базе документа ЕС «Большая Европа — соседство: новые рамки для отношений с нашими восточными и южными соседями».

Примерно с середины первого десятилетия 2000-х «в европейской политике соседства «главный акцент делается на выстраивании «особых отношений» со странами СНГ и недопущении формирования регионального союза этих независимых государств под эгидой России»³. Фактически ЕС целенаправленно и вполне осознанно начинает исключать Россию из участия в политике соседства, несмотря на центральную геополитическую роль России на постсоветском пространстве: «Заявляя о своей главной цели — создании Европы „без разделительных линий“, — Евросоюз на деле выстраивает новый раздел на европейском и евразийском пространствах между Россией и другими странами СНГ»⁴. Россия, в свою очередь, пытается сохранить свое влияние в регионе, развивая различные интеграционные инициативы и проекты. Отношения ЕС и РФ постепенно входят в кризисную фазу.

Следующим важным этапом в эволюции взаимоотношений ЕС с Россией и странами постсоветского пространства стал 2008 г. В этом году Евросоюзом была запущена еще одна программа сотрудничества со странами постсоветского пространства — программа «Восточное партнерство» (ВП). Инициатором ее выступила Польша, а именно министр иностранных дел Польши Р. Сикорский. Окончательное оформление и принятие программы осуществилось на майском саммите 2009 г. в Праге. Официальной целью «Восточного партнерства» было объявлено сближение Евросоюза с Азербайджаном, Арменией, Грузией, Молдавией, Беларусью и Укра-

¹ *Бабынина Л.* ЕС и Россия: конкуренция за постсоветское пространство? [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический центр. Лаборатория общественно-политического развития стран ближнего зарубежья. URL: <http://ia-centr.ru/expert/15867/> (дата обращения: 10.10.2015).

² *Громыко А. А.* Россия и Евросоюз: динамика отношений [Электронный ресурс] // Россия, страны Европы и проблемы европейской интеграции. URL: <http://www.ieras.ru/pub/gromyko/7.pdf> (дата обращения: 10.09.2015).

³ Политика Евросоюза в отношении стран постсоветского пространства в контексте евразийской интеграции. Доклад подготовлен группой экспертов во главе с Т. Гузенковой [Электронный ресурс] // Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/ekdom/politika_jevrosojuza_v_otnoshenii_stran_postsovetskogo_prostranstva_v_kontekste_jevrazijskoj_integracii_2015-07-08.htm (дата обращения: 19.10.2015).

⁴ Там же.

иной. При этом программа исключала Россию из политики соседства. С этих пор ЕС начинает полностью концентрироваться на отношениях с постсоветскими республиками, делая ставку на их отрыв от России и двусторонние отношения каждой из них с Союзом.

Своего рода «ответом» на череду таких политических «вызовов» России и ее союзникам на постсоветском пространстве стало выдвижение ими проекта евразийской интеграции. Стоит заметить, что это только усилило конфронтационные настроения между соседями, даже несмотря на то, что изначально намерения завершить создание ЕАЭС к 2015 г. изначально оценивался западными экспертами скептически — как маловероятный. Когда же стало очевидно, что проект будет реализован в срок, в Европе потихоньку стали рассматривать варианты возможной интеграции с формирующимся евразийским интеграционным блоком. Так, до конца 2014 г. лидеры стран и официальные лица выражали поддержку идее европейско-евразийской экономической интеграции. Например, Президент России В. В. Путин выступил с предложением приступить к рассмотрению идеи зоны свободной торговли с ЕС на саммите ЕС–Россия 28 января 2014 г. 5 февраля данное предложение было поддержано президентом Казахстана Н. А. Назарбаевым. А 12 сентября официальную поддержку переговоров по свободной торговле озвучил еврокомиссар по вопросам расширения ЕС и политики соседства Ш. Фюле. Однако украинский кризис 2014 г. внес серьезные коррективы в планы сторон, а последовавшая затем санкционная политика Запада против России фактически свела к нулю все достижения предшествующего сотрудничества и завела российско-европейское, а вместе с ним и европейско-евразийское сотрудничество в тупик. ЕС ничего не осталось, как продолжить развитие системы двусторонних связей с отдельными странами ЕАЭС.

ЕС–Беларусь. Двусторонние отношения между Республикой Беларусь и ЕС были установлены в 1992 г., а в 1995 г. между сторонами было подписано Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС). Однако впоследствии Евросоюз «по политическим причинам в одностороннем порядке приостановил ратификацию СПС, а также ввел против Республики Беларусь ряд ограничительных мер, включая запрет на контакты на высшем и высоком уровнях, свертывание практического сотрудничества в различных областях, а также визовые ограничения в отношении ряда белорусских должностных лиц»¹. Вплоть до недавнего времени отношения ЕС и Беларуси носили «прохладный» характер, Беларусь была исключена из европейской программ сотрудничества со странами постсоветского пространства. Тем не менее усиление интеграционных процессов в рамках евразийского проекта «подогрело» интерес европейцев к Беларуси, которая является одной из стран-основательниц ЕАЭС. Примерно с 2013 г. «наблюдается процесс постепенной нормализации белорусско-европейских отношений, что находит свое выражение в смягчении негативной риторики с обеих сторон, в удалении из санкционных списков некоторых чиновников и бизнесменов и в постепенном наращивании дипломатических и политических контактов Беларуси, как с институтами Евросоюза, так и с соседними странами»². Беларусь постепенно включают в различные европейские проекты: «В рамках реализации Европейского инструмента соседства и партнерства в 2007–2013 гг. Беларуси выделено 71,6 млн евро на программы и про-

¹ Европейский союз [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства иностранных дел Республики Беларусь. URL: <http://mfa.gov.by/multilateral/organization/list/c723f8823e56d467.html> (дата обращения: 11.09.2015).

² Политика Евросоюза в отношении стран постсоветского пространства в контексте евразийской интеграции. Доклад подготовлен группой экспертов во главе с Т. Гузенковой [Электронный ресурс] // Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. URL: http://www.perspektivy.info/oikumena/ekdom/politika_jevrosojuza_v_otnoshenii_stran_postsovetskogo_prostranstva_v_kontekste_jevrazijskoj_integracii_2015-07-08.htm (дата обращения: 19.10.2015).

екты в сфере энергоэффективности, экологии, стандартизации, медицины, регионального развития».¹ Важным событием в развитии белорусско-европейских отношений стал Вильнюсский саммит «Восточного партнерства», прошедший в ноябре 2013 г. По его итогам фактически был открыт новый этап европейско-белорусских отношений: «от политики „заморозки“ ЕС перешел к „вовлечению“ Беларуси в сотрудничество»². Пересмотр стратегии Евросоюза в отношении Беларуси совпал с намерениями белорусских властей наладить отношения со странами Запада на фоне украинского кризиса и еще большего ухудшения отношений с Россией. На данном этапе «ЕС занимает второе место в структуре товарооборота Беларуси, на его долю приходится более 36% белорусского экспорта товаров, около 50% экспорта услуг, 20% импорта»³. Однако важно отметить, что на официальном уровне белорусское руководство всегда подчеркивало неприемлемость выбора между Россией и евразийской интеграцией и европейским вектором интеграции по принципу «или-или». Наоборот, Беларусь видит в отношениях между ЕС и ЕАЭС свою роль как некоего «связующего звена», способного обеспечить взаимодействие двух структур в период кризиса отношений. По мнению экспертов, скорее всего тенденция дальнейшего сближения ЕС с Беларусью будет только усиливаться: «очевидно, что рост экономического присутствия западных бизнесменов в Беларуси расширит и укрепит позиции евроинтеграционного лобби в республике. Соперничество европейского и евразийского проектов на территории СНГ будет только усиливаться».⁴

ЕС—Казахстан. ЕС и Казахстан подписали Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС) в 1995 г., а в окончательную силу оно вступило в 1999 г. Казахстан является страной — инициатором евразийской интеграции, а лидер Казахстана Н. Назарбаев — фактически ее идеологом. В то же время Казахстан, так же как и Беларусь, проводит так называемую многовекторную политику, в соответствии с которой намерен активно развивать отношения и со странами постсоветского пространства, и с Евросоюзом. Так, для Казахстана Евросоюз является одним из важнейших экономических партнеров: «ЕС, в совокупности, является вторым торговым партнером Казахстана после России»⁵. Однако, в свою очередь, Казахстан «занимает незначительную долю в обороте ЕС, хотя является его основным партнером в регионе Центральной Азии»⁶. В конце 2014 г. Казахстан и ЕС подписали проект соглашения о партнерстве и расширении сотрудничества, что подчеркивает намерения сторон

¹ Европейский союз [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства иностранных дел Республики Беларусь. URL: <http://mfa.gov.by/multilateral/organization/list/c723f8823e56d467.html> (дата обращения: 11.09.2015).

² *Смирнова Е. С.* Восточное партнерство Европейского союза и Республики Беларусь: история взаимодействия и дальнейшие перспективы сотрудничества [Электронный ресурс] // Евразийский юридический портал. URL: http://www.eurasialegal.info/index.php?option=com_content&view=article&id=4746:2015-09-10-06-46-22&catid=116:2011-09-19-12-34-31&Itemid=42 (дата обращения: 11.09.2015).

³ *Шаповский А.* Возможности сотрудничества с Европейским союзом в условиях евразийской интеграции [Электронный ресурс] // Проект «Цитадель». URL: <http://cytadel.org/articles/vozmozhnosti-sotrudnichestva-s-evropejskim-soyuzom-v-usloviyakh-evrazijskoj-integratsii> (дата обращения: 19.09.2015).

⁴ Политика Евросоюза в отношении стран постсоветского пространства в контексте евразийской интеграции. Доклад подготовлен группой экспертов во главе с Т. Гузенковой [Электронный ресурс] // Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/ekdom/politika_jevrosojuza_v_otnoshenii_stran_postsovetskogo_prostranstva_v_kontekste_jevrazijskoj_integratsii_2015-07-08.htm (дата обращения: 19.10.2015).

⁵ *Хамфриз М.* Европейский союз и Казахстан: сотрудничество на пороге III тысячелетия // KAZAKHSTAN. № 3, 2000.

⁶ Казахстан и Европейский союз [Электронный ресурс] // Webeconomy.ru. URL: <http://www.webeconomy.ru/index.php?page=cat&newsid=1499&type=news> (дата обращения: 12.10.2015).

продолжать углубление двустороннего сотрудничества в перспективе. В то же время руководитель Казахстана Н. Назарбаев уверен в перспективности интеграции ЕАЭС и ЕС: «Назарбаев уверен, что время санкций скоро закончится, а Европе понадобится экономика РФ, поэтому будет большое сотрудничество»¹. Руководитель сектора экономического развития постсоветских государств Института экономики РАН Е. Кузьмина считает, что Н. Назарбаев пытается превратить Казахстан в «ворота ЕАЭС»: «И это реально, поскольку Белоруссия и Россия в той или иной степени находятся под санкциями, а Армения и Киргизия в силу геополитических причин, объемов экономик не могут считаться лидерами ЕАЭС. Таким образом, Казахстан из пяти членов альянса выглядит наиболее привлекательным на сегодня, а его экономика органично встроена в мировую».²

ЕС—Армения. Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и Арменией было подписано в 1996 г. и вступило в силу в 1999 г. Изначально Арменией был выбран европейский вектор интеграции в качестве приоритетного: Армения с 2004 г. участвовала в Европейской политике соседства, с 2009 г. стала участником программы «Восточное партнерство», и в перспективе армянское руководство планировало в 2013 г. подписать Ассоциативный договор с ЕС. Однако в 2013 г. интеграционные предпочтения Армении резко изменились и было заявлено о намерении страны вступить в ближайшее время в ЕАЭС, что и произошло в январе 2015 г. Тем не менее, на данном этапе интеграционная стратегия Армении может быть охарактеризована как подход «и — и»: поддерживать связи с ЕС и участвовать в интеграции ЕАЭС. ЕС, в свою очередь, сразу же после вступления в ЕАЭС предоставил стране финансовую помощь: около 78 млн евро, предназначенные «для укрепления границ, адаптации законодательства и борьбы с бедностью»³, согласно подписанному в ноябре 2013 г. на саммите «Восточного партнерства» в Вильнюсе (вместо Соглашения об ассоциации) Меморандуму о взаимопонимании для создания единого механизма поддержки. Интересно отметить, что данный документ предполагает предоставление стране от 140 млн до 170 млн евро в 2014–2017 гг.⁴ О перспективности развития дальнейшего сотрудничества Армении и Евросоюза свидетельствует тот факт, что в октябре 2015 г. Совет ЕС утвердил мандат на начало переговоров с Арменией о новом юридически обязывающем и всеобъемлющем рамочном соглашении, которое заменит действующее с середины 1990-х гг. СПС между Арменией и ЕС. Фактически речь идет о новом этапе отношений между сторонами с учетом новых интеграционных реалий.

ЕС—Киргизия. Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Киргизией и Евросоюзом было подписано в 1995 г. и вступило в силу в 1999 г. Интересно отметить, что в случае с Киргизией ее интеграционный вектор во многом определяется личностью политического лидера республики: так, в период руководства Р. Отунбаевой Киргизия проводила политику сближения с Евросоюзом и рассматривала европейский вектор интеграции в качестве приоритетного. С 1995 г. Киргизии оказывалась материальная помощь от ЕС на реализацию различных программ по реформированию органов управления и демократизации общества (например, ТАСИС, TRASECA). Про-

¹ Панфилова В. Назарбаев уверен в интеграции между ЕАЭС и ЕС [Электронный ресурс] // Вестник Кавказа. URL: <http://www.vestikavkaza.ru/analytics/Nazarbaev-uveren-v-integratsii-mezhdu-EAES-i-ES.html> (дата обращения: 19.10.2015).

² Там же.

³ Фаляхов Р. Деньги со всех друзей [Электронный ресурс] // ГАЗЕТА.RU URL: <http://www.gazeta.ru/business/2015/01/16/6377985.shtml> (дата обращения: 18.10.2015).

⁴ Agreement between the European Union and the Republic of Armenia on the readmission of persons residing without authorization [Электронный ресурс] // Official Journal of the European Union. 2013. October 31. URL: <http://ec.europa.eu/world/agreements/downloadFile.do?fullText=yes&treatyTranId=15541> (дата обращения: 18.10.2015).

граммы предназначались для проведения различных «инфраструктурных реформ, укрепление демократии, реформирование образования, энергетики и коммуникаций»¹. Однако в конечном итоге выбор Киргизии был сделан в пользу евразийской интеграции: Киргизия стала членом ЕАЭС в мае 2015 г. Предшествовало этому пять неудачных попыток вступления страны в Таможенный союз России, Казахстана и Беларуси. Став членом ЕАЭС, Киргизия продолжает двустороннее сотрудничество с ЕС и намерена дальше развивать это сотрудничество в дальнейшем. В свою очередь, руководители ЕС неоднократно подчеркивали, что санкции не будут распространяться на все страны ЕАЭС. Продолжается финансовая поддержка Киргизии со стороны ЕС в рамках многолетней индикативной программы, рассчитанной на 2014–2020 гг. Эта программа предусматривает выделение республике 184 млн евро в виде грантов². Как и остальные партнеры Киргизии по ЕАЭС, киргизское руководство выступает за восстановление отношений между ЕС и Россией и намерено всячески способствовать этому.

Таким образом, современный этап сотрудничества ЕС и стран ЕАЭС (кроме России) базируется на системе двусторонних связей, оформленных еще в середине 1990-х гг. Несмотря на выбор этими странами вектора евразийской интеграции, сотрудничество с Евросоюзом продолжается и переходит на новые уровни, но вряд ли это сотрудничество можно оценивать как равноправное, партнерское. Страны ЕАЭС условно можно разделить на две группы: страны — основательницы ЕАЭС (Казахстан и Беларусь) и новые члены (Армения и Киргизия). Так, первая группа стран несомненный приоритет отдает участию в евразийской интеграции, в то же время, проводя политику многовекторности, в соответствии с которой в последние годы расширяет двустороннее сотрудничество с ЕС с целью сохранения некоего фундамента для возможного в будущем восстановления связей двух союзов. Вторая группа, до вступления в ЕАЭС ориентированная на интеграцию с ЕС, также продолжает сотрудничество с Европой, которое в большей степени сводится к получению ими грантовой поддержки от ЕС. В то же время, очевидно, что отношения ЕС со странами ЕАЭС по-прежнему определяются отношениями ЕС с Россией и новой геополитической ситуацией в Евразии и мире в целом.

Перспективы «Большой Евразии»

Как уже было отмечено, несмотря на нынешний кризис в современных российско-европейских отношениях, существует объективный фундамент для взаимной заинтересованности ЕС и ЕАЭС в интеграционном взаимодействии: «он основан на территориальной близости, значительных торговых потоках, потенциале инвестиционных связей, вопросах экономической безопасности, заинтересованности стран ЕАЭС в трансфере европейских технологий, нерешенности вопросов развития трансграничной инфраструктуры, наличии общих сопредельных государств»³. Эти факторы не исчезли с приостановлением сотрудничества стран ЕС и России, более того, именно они приводят к тому, что потери от антироссийской санкционной политики несет не только Россия, но и страны Евросоюза, и, пожалуй, в равной степени.

¹ *Фаляхов Р.* Киргизская дилемма Евразийского союза [Электронный ресурс] // ГАЗЕТА.RU URL: <http://www.gazeta.ru/business/2014/06/23/6082677.shtml> (дата обращения: 18.10.2015).

² ЕС — Кыргызстан: перспективы сотрудничества [Электронный ресурс] // STAN RADAR. URL: <http://www.stanradar.com/news/full/16943-es-kyrgyzstan-perspektivy-sotrudnichestva.html> (дата обращения: 18.10.2015).

³ *Винокуров Е.* Европейский и Евразийский союзы: повод для интеграции [Электронный ресурс] // ТАСС Информационное агентство России. URL: <http://tass.ru/opinions/1597482> (дата обращения: 11.10.2015).

По мнению экспертов Евразийского банка развития (ЕАБР), для ЕАЭС глубокая экономическая интеграция с ЕС чрезвычайно важна и перспективна:

- Евросоюз является крупнейшим торговым партнером России и Казахстана, Россия, в свою очередь, является третьим по значимости торговым партнером ЕС;
- ЕС мог бы сыграть важную роль в решении проблем модернизации стран ЕАЭС;
- ЕАЭС в условиях политического кризиса со странами Запада инициирует ряд соглашений о свободной торговле с партнерами вне постсоветского пространства (например, с ЕАСТ и Вьетнамом), а Евросоюз в этом контексте следует рассматривать как основного долгосрочного партнера;
- проблема Украины может быть решена в рамках глубокой экономической кооперации между ЕС и ЕАЭС, что еще более обуславливает важность и необходимость такого сотрудничества [1, с. 10].

Однако, по мнению Е. Винокурова, ЕАЭС заинтересован не просто в договоре о свободной торговле, а в глубоком, всеобъемлющем соглашении с ЕС: «прототипы потенциальной интеграции между ЕС и ЕАЭС многообразны — от глубокого и всеобъемлющего соглашения о свободной торговле (DCFTA) до всестороннего торгово-экономического соглашения (ВТЭС — comprehensive economic and trade agreement — СЕТА). Примером последнего является готовящееся Трансатлантическое партнерство по торговле и инвестициям (ТТИП) с США» [1, с. 12].

Мы уже писали в начале статьи, что образование так называемых альтернативных моделей глобального (трансконтинентального) сотрудничества является новым ведущим трендом современного этапа развития мировых интеграционных процессов. Сейчас это процесс активно запускается ведущими мировыми игроками — США и Китаем. Так, американское руководство примерно в 2008 г. выступило с инициативой реализации двух трансконтинентальных интеграционных проектов: Транстихоокеанского партнерства (Trans-Pacific Partnership, ТТП) и Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (Transatlantic Trade and Investment Partnership, ТТИП), которые фактически направлены на поддержание лидирующих позиций США в Европе и Азии. Так, в случае ТТИП речь идет о фактической интеграции Евросоюза и НАФТА. Однако с экономической точки зрения, по мнению экспертов, реализация американского проекта таит в себе больше угроз, чем выгод для стран ЕС: «заключение ТТИП может привести к потере более 600 тыс. рабочих мест в Европе, а также будет способствовать снижению социальных стандартов, что будет на руку только американцам, которые продолжают продвигать собственные интересы во всех регионах Европы»¹. В этом контексте для стран Евросоюза восстановление сотрудничества со странами ЕАЭС может стать серьезной альтернативой американскому проекту и своего рода инструментом сдерживания политического давления США на ЕС. Однако для этого важно преодолеть все те политические разногласия между сторонами, которые возникли в результате украинского кризиса 2014 г.

Пока страны ЕС сохраняют сдержанную позицию в отношении развития отношений с Россией и ЕАЭС в целом, однако постепенно наблюдается некое «потепление» в отношении России и ее политики в регионе и мире. Сегодня можно говорить о своего рода усталости мирового сообщества от конфликта на Украине, приведшего к спаду не только российской, но и европейской экономики. Постепенно на наших глазах у лидеров государств ЕС формируется понимание необходимости переосмысления подхода к сложившейся кризисной ситуации в отношении с ближайшим соседом. Можно предположить, что с ухудшением общего экономического и финансового положения еврозоны, а также проблемой наплыва мигрантов на

¹ Павловец Ю. Белоруссия может стать мостом между ЕАЭС и ЕС [Электронный ресурс] // Ритм Евразии. URL: <http://m.ritm Eurasia.org/news--2015-04-10--belorussija-mozhet-stat-mostom-mezhdu-eaes-i-es-17470> (дата обращения: 10.09.2015).

территорию ЕС из стран Ближнего Востока, обострения социальной и политической ситуации в результате этого в ряде стран ЕС, такие позитивные настроения будут только возрастать. Об этом в частности свидетельствуют последние заявления ряда европейских лидеров. Так, например, выступая на Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2015 г., канцлер Германии А. Меркель заявила, что ЕС по-прежнему заинтересован в построении «Большой Европы от Владивостока до Лиссабона»¹. О том, что между ЕС и ЕАЭС может быть создана зона свободной торговли, Меркель заявила еще в конце 2014 г. Более того, по ее словам, это могло бы снять вопросы технического характера между Россией и Украиной, подписавшей соглашение о зоне свободной торговли с ЕС. Несколько позднее немецкий канцлер подтвердила, что приветствует видение зоны свободной торговли между ЕС и ЕАЭС, но в долгосрочной перспективе, пока не будет решен украинский вопрос, об этом рано говорить². В свою очередь президент Франции Ф. Олланд также заявил, что «мир в Украине позволит установить тесные связи ЕС и ЕАЭС»³.

Однако пока европейцы ждут мира на Украине, геополитическая ситуация в Евразии кардинальным образом меняется. По словам профессора СПбГУ Н. М. Межевича, «к сожалению, первая половина 2015 г. не позволяет говорить о каких-либо положительных тенденциях в отношениях по линии: «Брюссель–Киев–Москва». Проект трансевропейской интеграции от Атлантики до Урала откладывается. Формируется глобальный интеграционный разлом между евро-атлантическим интеграционным блоком и Евразийским союзом, углубляющим интеграцию с Китаем. Одновременно закладываются основы нового мирового порядка, не только в экономике»⁴. Здесь уместно упомянуть еще об одном проекте, имеющем глобальное измерение и направленном на объединение большого евразийского пространства, — китайского проекта «Один пояс, один путь».

В сентябре 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин объявил о начале реализации китайского проекта «Один пояс, один путь», включающего две составляющие:

- сухопутный «экономический пояс», объединяющий страны на евразийском континенте — «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП);
- «морской шелковый путь XXI века».⁵

Китай предложил не просто проект классической интеграционной структуры, а мегапроект, включающий в себя различные проекты в разных сферах (от экономической до культурной), результатом чего должно стать формирование «Большой Евразии» от берегов Тихого океана до берегов Балтийского и Средиземного морей.

Концепция восстановления Шелкового пути в современной Евразии с самого начала воспринималась в России с интересом, но до недавнего времени китайский проект рассматривался российской стороной скорее как конкурентный формирующемуся ЕАЭС. Когда намерение строительства «Одного пояса, одного пути» было

¹ Меркель заявила о важности создания зоны свободной торговли с Россией [Электронный ресурс] // LENTA.RU. URL: <http://lenta.ru/news/2015/04/18/merkel/> (дата обращения: 18.10.2015).

² Меркель: зона свободной торговли между ЕС и ЕАЭС имеет место быть [Электронный ресурс] // Вести. Экономика. URL: <http://www.vestifinance.ru/videos/20336> (дата обращения: 18.10.2015).

³ Павлова Э. Олланд: Мир в Украине усилит связи ЕС и ЕАЭС [Электронный ресурс] // Биржевой Лидер: новостной интернет-портал. URL: <http://www.profi-forex.org/novosti-mira/novostievropy/france/entry1008249962.html> (дата обращения: 26.09.2015).

⁴ Европа от Лиссабона до Владивостока: общие и частные интеграционные вызовы [Электронный ресурс] // Ассоциация «Центр исследований экономического и социокультурного развития стран СНГ, Центральной и Восточной Европы» URL: http://rescue.org.ru/analytics_16_evropa-ot-lissabona-do-vladivostoka-obschie-i-chastnye-integracionnye-vyzovy.html (дата обращения: 18.10.2015).

⁵ Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути 21-го века». 23.04.2015 [Электронный ресурс] // Сайт Посольства Китайской Народной Республики в Российской Федерации. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/zgwx/t1257296.htm> (дата обращения: 14.09.2015).

только озвучено, в российской прессе начали появляться одна за другой статьи, в которых эксперты высказывали опасения по поводу того, что Россия в случае реализации китайских планов может потерять свои позиции в Центральной Азии, а может, и на всем постсоветском пространстве. Кроме того, как было отмечено выше, еще пару лет назад российское руководство все же возлагало большие надежды на создание общего экономического пространства с единой Европой, однако политический кризис 2014 г. фактически свел на «нет» все российско-европейские проекты. По мнению российского исследователя Д. В. Тренина, в результате этого российская внешнеполитическая стратегия в Евразии сегодня претерпевает качественную трансформацию: «на смену путинской концепции „Большой Европы“ от Лиссабона до Владивостока, состоящей из ЕС и возглавляемого Россией Евразийского экономического союза, приходит „Большая Азия“ от Шанхая до Петербурга».¹

Кризис в отношениях со странами Запада объективно подтолкнул Россию к интенсификации отношений с Китаем. В итоге Россия и Китай официально договорились о состыковке Евразийского экономического союза и проекта «Экономический пояс Шелкового пути»: 8 мая 2015 г. президент РФ В. В. Путин и председатель КНР Си Цзиньпин подписали «Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути», что официально закрепило российско-китайские планы о расширении экономического сотрудничества в Евразии.

Детали и перспективы сопряжения двух проектов обсуждались на саммите ШОС 2015 г., прошедшего в Уфе. Оценивая итоги саммита в Уфе и конкретно решения, принятые в отношении сопряжения китайского и российско-казахстанского проектов, можно отметить, что в Уфе были заложены основы нового этапа развития евразийского континента, которые полностью меняют геополитическую ситуацию на евразийском континенте: по крайней мере, проект нивелирует многие разногласия между РФ и КНР, в частности в отношении их влияния в регионе Центральной Азии, которая становится одной из площадок совместного взаимодействия. Кроме того, по сути, Китай и Россия вновь выступили с альтернативным западному проекту мирового развития, окончательно закрепляющим многополярное мировое устройство.

В то же время в данном проекте предусмотрено место и для стран Евросоюза. В официальном плане действий, представленном мировой общественности в марте 2015 г., отмечено, что «Один пояс, один путь» «должен объединить Китай, Центральную Азию, Россию и Европу»². Из этого следует, что без Евросоюза китайский проект будет неполным и что страны Центральной и Восточной Европы имеют свою, особую роль³. Таким образом, ЕС является частью этого глобального инфраструктурного проекта, так как его основная цель — обеспечить прямой доступ китайской продукции на европейский рынок через пространство ЕАЭС. Парадоксально, но факт: китайский проект «Один пояс, один путь» создает объективные предпосылки для будущей интеграции Европейского и Евразийского союзов, но совершенно в иных геополитических условиях и на иных основаниях.

¹ Тренин Д. В. От Большой Европы к Большой Азии? Китайско-российская Антанта [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. URL: http://www.globalaffairs.ru/ukraine_crysis/Ot-Bolshoi-Evropy-k-Bolshoi-Azii-Kitaisko-rossiiskaya-Antanta-17462 (дата обращения: 14.09.2015).

² Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути 21-го века». 23.04.2015 [Электронный ресурс] // Сайт Посольства Китайской народной республики в Российской Федерации. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/zgxw/t1257296.htm> (дата обращения: 14.09.2015).

³ Возвращение Маккиндера — Венгрия присоединяется к «шелковому пути» [Электронный ресурс] // Война и мир. URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/commentaries/view/105060/> (дата обращения: 11.09.2015).

Заключение

Подводя итог, следует подчеркнуть, что современная Евразия претерпевает серьезные трансформационные процессы, ведущие к изменению баланса сил в регионе и смене интеграционных приоритетов евразийских государств. На наших глазах на мировой карте формируются новые геоэкономические союзы:

- один — вокруг США с их оставшимися глобальными возможностями и планами создания Транстихоокеанского партнерства и Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства;
- второй — «Большая Евразия» на базе сопряжении Евразийского экономического союза и китайского проекта Экономического пояса «Шелкового пути».

Оба проекта подразумевают участие стран Евросоюза и их ключевую роль в становлении указанных геоэкономических союзов. В этих условиях, на наш взгляд, встает вопрос о перспективах самой европейской интеграции, которая в новых геополитических и геоэкономических реалиях рискует «раствориться» в новых союзах. К сожалению, несмотря на заявления европейских лидеров о намерении восстановить отношения с Россией и тем самым установить контакты с ЕАЭС, в своем нынешнем состоянии Европа не договороспособна. Теряя время и отказываясь от сотрудничества с ЕАЭС и Россией, ЕС остается один на один с предложением США, которое чревато целым комплексом проблем для будущего развития ЕС.

Изначальный замысел евразийского проекта России, Казахстана и Беларуси предполагал создание в перспективе зоны свободной торговли между ЕАЭС и ЕС как «единой Большой Европы от Лиссабона до Владивостока». Однако при всей актуальности дискуссий на тему перспектив сотрудничества Европейского и Евразийского союзов совершенно ясно, что после украинского кризиса 2014 г. и последовавшей санкционной политики Запада в отношении России, приведших российско-европейский диалог к глубокому кризису, сотрудничество на прежней основе будет затруднительно еще долгое время. На данном этапе дефицит доверия между двумя союзами принял угрожающие масштабы. Тем не менее скорее всего, в отдаленной перспективе отношения между ЕС и ЕАЭС все же будут установлены, но европейским коллегам важно понять, что это уже будет происходить совершенно в других условиях — в рамках проекта воссоздания Великого шелкового пути на пространстве современной Евразии, направленного на создание не «Большой Европы от Лиссабона до Владивостока», а скорее «Большой Евразии от Лиссабона до Шанхая».

Литература

1. *Винокуров Е. и др. Количественный анализ экономической интеграции Европейского союза и Евразийского экономического союза: методологические подходы. ЦИИ ЕАБР. Доклад № 23. 2014.*
2. *Маккиндер Х. Дж. Географическая ось истории // Полис. 1995. № 4.*

References

1. Vinokurov E. etc. *Quantitative analysis of economic integration of the European Union and Eurasian Economic Union: methodological approaches* [Kolichestvennyi analiz ekonomicheskoi integratsii Evropeiskogo soyuza i Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza: metodologicheskie podkhody]. Center of integration researches of Eurasian Development Bank. Report N 23. 2014.
2. Mackinder H. J. *The Geographical Pivot of History* [Geograficheskaya os' istorii] // Political Researches [Polis]. 1995. N 4.

Международная молодежная интеграция на евразийском пространстве

Есипов Иван Игоревич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Аспирант
Председатель «Евразийской молодежной ассамблеи»
esipov92_ivan@mail.ru

РЕФЕРАТ

В современном мире процессы интеграции различных стран играют все более важную роль. Такие процессы, главным образом, имеют место в регионах, имеющих общее экономическое, культурное, этническое, идеологическое, религиозное или лингвистическое сообщество. Развитие интеграции, как таковой, без поддержки граждан государств, которые принимают участие в интеграции, ограничено. Можно сказать, что у каждой интегральной группы есть своя собственная цель и идеология.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

молодежная политика, интеграционный процесс, безопасность, «мягкая сила», развитие межгосударственных связей, Евразийский экономический союз

Esipov I. I.

International Youth Integration at the Eurasian Space

Esipov Ivan Igorevich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Graduate student
Chairman of «The Eurasian Youth Assembly»
esipov92_ivan@mail.ru

ABSTRACT

In today's world the processes of integration of the various countries are of growing importance. Such processes mainly take place in regions, which have shared economic, cultural, ethnic, ideological, religious or linguistic community. Development of integration, as such, without the support of the citizens of the states, which take part in integration is possible only to a certain extent. We can say that each integrative group has its own purpose and ideology.

KEYWORDS

youth policy, integration process, safety, «soft force», interstate communications development, Eurasian Economic Union

В современном мире все большее значение имеют процессы интеграции в различных странах. В основном они проходят в регионах, где есть общая экономическая, культурная, этническая, идеологическая, религиозная или языковая общность. Развитие интеграции, как таковой, возможно только на определенном уровне без поддержки граждан стран-участников интеграции. Можно сказать, что у каждой интегративной группировки есть своя цель и идеология.

Наиболее развитым и успешным проектом международной интеграции является Европейский союз. Он изначально базировался на общих экономических интересах (например, ЕОУС), а после перешел и в область идеологии, выработав так называемую «либеральную концепцию», по которой и идет современное развитие национальной идеи Европейского союза.

Молодежь в данном случае является одним из ведущих игроков. Создаются молодежные объединения и парламенты, занимающиеся молодежными проектами, образованием, наукой, культурой, продвижением политических интересов, патриотическим воспитанием и т. д.

Все эти направления развиваются в странах по-разному, очень часто молодежь сама становится инициатором создания подобных объединений.

В России сейчас большой популярностью пользуются молодежные объединения, особенно в области молодежной политики. Молодежь активно участвует в них, это позволяет завести новые знакомства, получить неоценимый опыт и прикоснуться к деятельности большой политики.

В России существуют различные молодежные организации, работающие в этой области. Стоит отметить те, которые в данный момент занимаются Евразийской интеграцией. Они бывают двух видов:

1. При международных организациях (Молодежная межпарламентская ассамблея СНГ, Евразийская молодежная ассамблея (при Межпарламентской ассамблее ЕврАзЭС)).
2. Молодежные общественные движения (Молодая Евразия, Евразийское Содружество и т. д.).

Так, автономная некоммерческая организация «Евразийское содружество» (зарегистрирована в 2013 г.), которая была создана в целях обеспечения гармоничного развития интеграционных процессов между гражданскими обществами стран — потенциальных участниц Евразийского Содружества в следующих областях:

- межнациональные отношения и миграция;
- наука, образование, спорт;
- общественная дипломатия;
- молодежная политика и парламентаризм;
- культура и история.

Одной из основных функций организации является создание новых гуманитарных площадок диалога народов государств будущего евразийского объединения:

- в культуре, литературе и искусстве, прежде всего для формирования сходных духовных общностей людей как основы объединения народов;
- в образовании, прежде всего в формировании сходных образовательных стандартов обучения как основы научно-образовательных и гуманитарных обменов и единого рынка интеллектуального труда;
- в науке, прежде всего в фундаментальных исследованиях как основе будущего развития евразийской интеграции, в том числе и в экономике;
- в молодежной политике, поскольку именно поддержка и участие молодежи в этих процессах должны стать основой объединения народов в культурно-гуманитарной сфере;
- в миграционной политике как одной из самых болезненных сфер соприкосновения будущих государств евразийского содружества, требующих координации и снятия накопившихся межнациональных и межконфессиональных напряжений на внесударственном уровне;
- в спорте, назрела необходимость популяризации спортивных соревнований формата «Чемпионат Евразии»;
- в развитии культурно-гуманитарного диалога между институтами гражданского общества как сфере формирования внесударственных интеграционных информационных потоков и событий.

При реализации этих целей организация считает оптимальным достижение сочетания развития информационного присутствия Евразийского Содружества в государствах-партнерах с проведением разноплановых значимых проектов и мероприятий в гуманитарной сфере, имеющих своей целью создание сети филиалов общества как точек роста интеграционных настроений.

Движение «Молодая Евразия» — общеевразийское молодежное общественное движение, выступающее за создание Евразийского Союза на принципах возрожденного евразийства. Ведет свою деятельность с 2009 г.

Организация на базе евразийских дискуссионных клубов изучает процессы евразийской интеграции — ее основы, суть и перспективы, а также разрабатывает шаги по практической реализации постулатов евразийства в рамках евразийского проекта.

Функционируют местные евразийские дискуссионные клубы, куда входит молодежь (школьники, студенты, аспиранты) и местная интеллигенция (деятели образования, науки, политики и культуры). В них обсуждаются вопросы современной евразийской интеграции, а также изучаются идеи (философии, идеологии) евразийства (классического, прагматического, возрожденного). Такого рода клубы организованы в большинстве стран Содружества и в некоторых странах Европы.

Основной целью деятельности движения «Молодая Евразия» является соборное строительство мощного Евразийского Союза на основе идеологии возрожденного евразийства, как через евразийскую интеграцию и внешнюю политику государств, так и через проведение в жизнь новой внутренней политики и реализацию глубоких внутригосударственных преобразований «по-евразийски».

Ценность подобных организаций состоит в их открытости, мобильности и возможности работать за рамками политических, экономических или иных объединений, а также готовить молодежные кадры. Основное поле их деятельности — «мягкая сила» («soft force»).

Как известно, понятие «мягкой силы» в международный оборот ввел Джозеф Най. Он утверждал, что у государств (на примере США), помимо мощной «жесткой силы», есть и «мягкая сила». Под «жесткой силой» подразумеваются военная машина, развитая экономика, технологический отрыв. Под «мягкой силой» Джозеф Най понимал привлекательность государства, его образ и культуру.

Необходимо признать, что развитие «мягкой силы» в России имеет первостепенное значение, поскольку те вызовы, которые нам выдвигает современная политическая и международная обстановка, заставляют привлекать большее внимание к проблемам и вопросам «мягкой силы». Этим вопросом Россия озаботилась не так давно. Только в 2012 г. на Совещании послов и постоянных представителей России президент России Владимир Путин, пожалуй, впервые обратил внимание отечественной дипломатии на необходимость использовать в работе «мягкую силу».

Поэтому можно утверждать, что, к сожалению, в России, несмотря на свое количество, молодежные организации имеют ряд трудностей, связанных с функционированием и продвижением своих интересов и проектов. Только сейчас эти проблемы стали решаться ускоренными темпами.

«Мягкую силу» России можно разделить на две группы: страны СНГ и остальной мир, что связано, на мой взгляд, в первую очередь, с отсутствием языкового барьера, наличием общей истории и культуры.

Молодежные организации обычно выходят за рамки этого разделения. Для них практически не существует ни идеологический, ни культурный барьер, а языковой зачастую не вызывает проблем. Молодежь меньше подвержена политическим барьерам общения, что зачастую позволяет именно им находить наиболее приемлемые пути решения проблем.

Примером влияния молодежных организаций на формирование общественного сознания может послужить Украина, где по состоянию на 2013 г. большей поддержкой пользовались Европейские организации, которые смогли привить молодежи как части наиболее реакционного населения проект Европейской интеграции на основании в первую очередь привлекательного образа Европейского союза. Отказ В. Ф. Януковича подписать соглашение об ассоциации с ЕС

послужил толчком для выхода демонстрантов на Майдан и как следствие — государственный переворот.

Политика России в контексте «мягкой силы» в последнее время больше заточена на внешний фактор. В основном степень влияния «мягкой силы» России внутри государства связана с рейтингом президента Российской Федерации В. В. Путина. Однако основным источником роста внутреннего объединения является не экономический рост или грамотная культурно-образовательная политика, а в первую очередь Крымский синдром, гражданская война в Украине и антитеррористическая операция в Сирии. Подобный вектор, учитывая ментальность населения России, историю последних 25 лет, когда Вооруженные силы Российской Федерации находились в кризисном состоянии, современный уровень развития вооружения и успехи на внешнеполитической арене консолидируют государство на основе чувства внешней безопасности, а возвращение России как одного из мировых политических лидеров вселяет гордость в сердца граждан.

К несчастью, эффект от внешнеполитических успехов достаточно короток во временном пространстве на современном этапе. Инфляция заложила основы для создания раздражителя и кризиса на наиболее базовых человеческих ценностях и понизила их уровень жизни. Два этих явления создают достаточно взрывоопасную ситуацию, удовлетворяя более высокие ценности, но отнимая базовые, физиологические потребности (согласно пирамиде А. Маслоу), ухудшая уровень жизни населения, особенно в городах, что, в свою очередь, может привести к социальному взрыву.

Но подобная политика не всегда нравится соседям России и странам СНГ. Подобным явлениям можно противодействовать за счет работы с молодежью и создания позитивного образа государства и Евразийского экономического союза в понимании граждан как внутри страны ЕАЭС, так и за пределом союза. Однако общая квота на обучение иностранцев в России увеличилась всего на 5 тыс. и составляет на данный момент лишь 20 тыс. человек ежегодно¹. Стоимость образования в российских вузах сопоставима с европейской ценой, а уровень и социальная помощь студентам оставляет желать лучшего. Подобный дисбаланс влияет на уменьшение интереса обучения молодежи из стран постсоветского пространства в России, предпочитая западные аналоги и тем самым ребятам, сами того не замечая, становятся акторами позиции других ценностных ориентиров.

Подобная ситуация свойственна и для стран постсоветского пространства, когда внутренняя миграция студентов среди стран СНГ остается достаточно низкой по сравнению с объемом уезжающих на обучение в Европу или США.

В то же время появление большого количества международных молодежных организаций создает условия для развития межинститутских связей. Сегодня большая семья Евразийских молодежных организаций пытается решить все проблемы, возникающие на пути у процесса интеграции, от разработки идеологии до создания квалифицированных кадров для наднациональных институтов.

Тем не менее многие из этих организаций очень тяжело справляются с проблемами развития, что обычно связано с финансово-бюрократическим аспектом либо со стремлением к собственному (личностному) популизму.

Разрабатывая идеальную концепцию для молодежной организации, мы все равно сталкиваемся с площадками институтов, которые дают научное наполнение этим организациям, что позволяет им иметь больший вес на международной арене и показывать более высокое качество своей работы со студентами и молодыми преподавателями.

Размышляя над темой «мягкой силы», невозможно не обратиться к зарубежному

¹ <http://ria.ru/society/20150420/1059804142.html>

опыту. Так, в Российском совете по международным делам в апреле этого года было напечатано прекрасное интервью с президентом Токийского фонда Масахиро Акияма, который рассказал о японском опыте использования «мягкой силы», образе России за рубежом и основных проблемах на пути продвижения российской «мягкой силы».

За рубежом сложился достаточно привлекательный образ Японии и японцев. Результаты исследования общественного мнения, которое британская корпорация BBC ежегодно проводит с целью выявления отношения граждан к государствам мира, показывают, что Япония всегда занимает лидирующие позиции.

Благоприятную роль в формировании подобного образа сыграла пацифистская политика, проводимая Токио после окончания войны. Япония, будучи побежденной страной, быстро восстановилась и приобрела мощь, достаточную даже для того, чтобы успешно конкурировать с США в торгово-экономической сфере.

«Японцам удалось сформировать привлекательный образ возрожденного государства. Это и есть часть японской “мягкой силы”. Японский язык из-за своей сложности не может считаться элементом привлекательности страны, однако культура, искусство, кухня и, конечно, манга — это безусловные инструменты „мягкой силы“, — говорит господин Масахино.

Он упоминает, что в Японии огромной популярностью пользуются русская литература, классическая музыка, балет, кухня. Но, к сожалению, в общественном мнении до сих пор сохраняется негативный образ страны, сложившийся еще во времена Советского Союза.

Подводя итог, необходимо отметить, что сейчас, в контексте ситуации на Украине и преобладающего формирования одностороннего освещения процессов, привлекательность России за рубежом практически исчезла, а ее «мягкая сила» ослабла. Но, на мой взгляд, именно молодежная политика и международная молодежная коммуникация может положить начало более тесному сотрудничеству в решении конфликтов и объединить враждующие стороны, особенно в вопросах решения гуманитарных проблем, культурных и иных аспектах сотрудничества.

Политика содействия международному развитию стран Северо-Восточной Азии на Африканском континенте в XXI в.*

Буланакова Мария Александровна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры международных отношений
Кандидат исторических наук
mashbulanakova@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В фокусе исследования — значение сотрудничества Африки и Азии для развития системы МО на современном этапе. Автор рассматривает возможности этого партнерства на примере взаимодействия африканских государств и ведущих восточноазиатских доноров, выделяя как общие, так и особенные черты политики содействия международному развитию КНР, Республики Корея и Японии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

панфриканизм, африканский регионализм, Африканский Союз, политика СМР, ОПР, «Иокогамская декларация», сотрудничество Юг-Юг, ОЭСР, ТИКАД, ФОКАС, JICA, KOICA, инфраструктурное развитие, прямые иностранные инвестиции

Bulanakova M. A.

The North-East Asian countries assistance for international development on African continent in the XXI century

Bulanakova Maria Aleksandrovna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate Professor of the Chair of International Relations
PhD in History
mashbulanakova@yandex.ru

ABSTRACT

This article is dedicated to the analyzing of contemporary perspectives of African' regionalism. The main attention of the study is the importance of cooperation between Africa and Asia at the present stage of development of the system of the International relations. The author offers a comparative analysis of the policies of Japan, China and Korea in the field of international development assistance.

KEYWORDS

NEPAD, AU, FOCAC, TICAD, OECD, JICA, KOICA, Pan Africanism, Agenda-2063, ODA, FDI, infrastructural development

* Настоящая статья продолжает публикацию автора «Африканский регионализм и международные ресурсы развития Африки в XXI в.», изданную в журнале «Управленческое консультирование» № 10, 2015 г.

В XXI в. стабильность и процветание во всем мире будут достигнуты только тогда, когда будут решены проблемы Африки.

Ёиро Мори,
премьер-министр Японии (2000–2001)

В начале XXI в. Африка оказалась совершенно в новой ситуации развития, на этот момент существенно изменились как глобальные, так и региональные условия экономической и политической активности африканских государств. В то же время заметно эволюционировала и парадигма политики развития, изменился характер участников и механизмы процесса содействия международному развитию. Политика развития стала трактоваться значительно шире, на основе универсальных стратегий роста, глобальной и региональной интеграции. Изменилось понимание роли СМР в развитии африканских государств и континента в целом. Существенно возросла активность партнерских отношений Африки и внерегиональных игроков в рамках политики содействия международному развитию.

Характерным примером этих процессов может послужить динамика отношений Африки с государствами Восточной Азии: Японией, КНР и Южной Кореей. Этот вектор сотрудничества интересен сразу по нескольким причинам. Во-первых, в год 60-летия Бандунгской конференции (1955) очевидное звучание приобрела идея особой судьбы и роли Азии и Африки в современном мире. Коренные принципы Бандунга — солидарность, дружба и сотрудничество — рассматриваются в качестве основы партнерских отношений государств Азии и Африки, признаются источником общей позиции в международных процессах. На юбилейных мероприятиях в Индонезии представитель Министерства иностранных дел Японии *Kazuyuki Nakane* отмечал, что растущее партнерство Азии-Африки является важным показателем развития современных международных отношений и серьезным ресурсом влияния Азии и Африке в мире¹.

Во-вторых, интересы африканских и азиатских государств представляются довольно неоднозначными. Прежде всего, в случае с Китаем и Кореей срабатывает стереотип «общей колониальной судьбы», в то же время КНР, как пример быстро растущей экономики, может служить образцом для решения проблем, с которыми сталкиваются развивающиеся африканские экономики. Южная Корея в рамках политики развития на африканском континенте успешно продвигает собственный опыт трансформации из сельскохозяйственного в индустриальное государство. Япония, привлекая внимание к проблемам развития Африки в период всеобщего падения интереса к континенту на рубеже 80–90-х гг. XX в., долгое время державшая пальму первенства в качестве донора африканских стран, без сомнения, обладает широким влиянием на своих африканских партнеров. В целом, азиатский вектор сотрудничества остается особо важным для африканских государств, балансирующих в своей внешнеполитической активности между интересами влиятельных внерегиональных партнеров по линии СМР — США, Франции, ЕС. Очевидно, что партнерство с восточноазиатскими государствами открывает возможность разнообразить инструментарий сотрудничества путем реализации взаимодействия по линии Юг-Юг, или же трехстороннего сотрудничества (*Triangular Cooperation*).

В-третьих, восточноазиатские государства разделяют прагматику международного сотрудничества по линии содействия развитию. Япония и Республика Корея

¹ Address by Parliamentary Vice-Minister for Foreign Affairs of Japan Kazuyuki Nakane, on the Occasion of the Ministerial Meeting of the Commemoration of the 60th Anniversary of the Asian-African Conference (Bandung Conference). April 20. 2015. URL: <http://www.mofa.go.jp/files/000076894.pdf>

являются членами Организации Экономического Сотрудничества и Развития (ОЭСР), при этом Япония выступает в качестве общепризнанного традиционного донора и одного из влиятельных участников процесса СМР. Корея же является донором, который еще задолго до своего вступления в 2010 г. в ОЭСР осуществлял активную политику содействия развитию, потенциал Кореи в области СМР постоянно наращивается, доказательством чему служат цели государства по наращиванию объемов финансирования в рамках СМР. Китай выступает в качестве стратегического партнера ОЭСР, не являясь членом организации. КНР характеризуется как «новый донор», государство, разделяющее цели и приоритеты деятельности ОЭСР в области развития, т. е. таких форм сотрудничества, «при которых донорами являются развивающиеся страны, предоставляющие экспертизу и финансовую поддержку для укрепления экономического и социального положения других стран Юга [3, с. 173].

В-четвертых, следует отметить, что мотивы, цели, сферы сотрудничества восточноазиатских государств с африканскими суверенными и мультилатеральными акторами в рамках политики СМР довольно разноплановы. Место Африки во внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности азиатских государств также неоднозначно. Учитывая тот факт, что приоритетным регионом реализации СМР для всех восточноазиатских игроков остается Азия, их присутствие в Африке в качестве доноров имеет существенную национальную и интернациональную подоплеку.

Одним из традиционных доноров Африки, а также участников политики СМР выступает Япония. Официальную помощь развитию в рамках СМР Япония начала осуществлять в 1954 г., став участницей «Плана Коломбо». С этого момента Япония оказывает существенную финансовую и техническую помощь развивающимся странам, стремясь тем самым внести свой вклад в установление мира и развитие международного сообщества [1, с. 200].

Начиная с 90-х гг. XX в. оформляются устойчивые отношения Японии с африканскими государствами в рамках политики СМР. За последнее десятилетие эти отношения переживают существенное институциональное развитие. Токийская международная конференция по развитию Африки (ТИКАД), основанная в 1993 г., к началу XXI в. уже перестала устраивать самих африканцев, и они упорно настаивали на необходимости развития организационных форм партнерства. Это привело к эволюции целей и инструментов ТИКАД, в результате чего существенно усилилась роль африканских государств и АС посредством соуправления и равноправного выдвижения инициатив по развитию сотрудничества. Начиная с 2013 г. Комиссия Африканского союза выступает в качестве соорганизатора Форума.

Закономерность появления ТИКАД была связана с тем, что после окончания «холодной войны» интерес к Африке среди лидеров международного развития существенно сократился, и в этих условиях по инициативе японского правительства появляется ТИКАД как инструмент привлечения интереса международного сообщества к проблемам развития Африки. Появление подобной инициативы японского правительства приходится на период интенсивного роста японской экономики, ставшей одним из лидеров мирового развития. Характер и инструменты присутствия Японии в различных регионах мира на тот момент довольно широко критиковались. Японию обвиняли в игнорировании экономических интересов стран, в которые она приходила в качестве лидирующей экономики, «проявляя свой ненасытный звериный аппетит». В то же время конец 80-х — первая половина 90-х гг. XX в. — это период роста регионального влияния Японии, период укрепления международного статуса этого восточноазиатского государства. Японское правительство за короткие сроки увеличивает расходы на реализацию политики СМР, и уже в 1989 г.

Япония лидирует в качестве страны-донора в мире, опередив при этом США [16, с. 316]. Япония сохраняет свое лидерство в качестве ведущего мирового донора вплоть до начала 2000-х гг. В общей сумме к 2004 г. Япония предоставила 185 государствам помощь более, чем на 220 млрд долл. [7, с. 29].

Токийская конференция, которая проводится с периодичностью один раз в пять лет, стала воплощением влияния и роли Японии в процессах международного развития рубежа XX–XXI вв. ТИКАД представляет собой не только площадку для дискуссий по проблемам развития Африки, но предлагает конкретные планы действий и координации международных усилий по проблемам развития Африки. Знаковым партнером ТИКАД в осуществлении практических планов по реализации политики содействия развитию Африки выступает Японское агентство по международному сотрудничеству (JICA/ЯАМС) [9, с. 52].

Японское агентство по международному сотрудничеству (JICA), основанное еще в 1974 г. и ставшее в ходе преобразований 2008 г. одним из крупнейших механизмов реализации политики развития Японии, уже в 70-е гг. XX в. осуществляло значимые проекты в Африке: в Кении — совместный проект с Университетом сельского хозяйства и технологии, в Гане — совместный проект с Институтом Медицинских исследований, строительство моста Матади в Демократической Республике Конго и ряд других значимых проектов [9, с. 51].

В условиях первой конференции ТИКАД в 1993 г. одним из основных аспектов деятельности Японии стало внедрение азиатского опыта развития в политическую практику африканских государств. Это направление стало лейтмотивом первых саммитов и подходов Японии к реализации политики развития в Африке [15, с. 32–34].

В 1990-е гг. в русле деятельности ТИКАД I и II Агентство по международному сотрудничеству JICA фокусирует свою деятельность на обеспечении базовых потребностей человека, человеческом развитии, сокращении бедности, с пристальным вниманием к сферам образования, здравоохранения, обеспечения населения питьевой водой.

Начиная с XXI в. при возрастающей потребности африканских государств в поддержке экономического развития и роста JICA фокусирует помощь на развитии региональной инфраструктуры и обеспечении сельскохозяйственного роста. С завершением открытых конфликтов в Судане, Демократической Республике Конго, Сьерра Леоне, Либерии JICA инициирует процессы постконфликтного урегулирования и реконструкции [9, с. 51].

В рамках ТИКАД III наметились новые тенденции в реализации африканской политики Японии. Прежде всего, у Японии наряду с правительствами африканских государств появился значимый партнер по реализации стратегий развития, а именно — НЕПАД. А также в качестве новой черты японской СМР отмечают повышенный интерес японского частного бизнеса к африканским экономикам [16, с. 317–318]. Присутствие Японии в Африке в этот период структурируется вокруг задач и интересов бизнеса, но, одновременно с этим, участники сотрудничества координируют свои цели со стратегиями развития ООН, а также через НЕПАД начинают учитывать интересы африканских государств при формировании задач ОПР, чему способствуют, прежде всего, панафриканские политические тенденции.

К концу первого десятилетия XXI в. в контексте африканской политики Японии значительно усиливается компонент партнерства, а приоритетными целями становятся трансформация африканской экономики для качественного роста, активное продвижение инфраструктурного развития, обеспечение устойчивого роста [15, с. 32–34].

Последняя, на настоящий момент пятая конференция ТИКАД, прошедшая в 2013 г., стала одной из крупнейших международных конференций по проблемам СМР, проведшихся в Японии [2, с. 60; 8, с. 20–27].

По итогам V конференции было принято два принципиальных документа: «Июкогамская декларация» и «Июкогамский план действий 2013–2017 гг.». Стратегическое значение этих документов в том, что они отразили произошедшие перемены как в характере сотрудничества стран-доноров и африканских государств, так и в положении Африки в современных международных процессах. Участниками конференции ТИКАД Африка понимается не только и не столько как реципиент помощи, но как «партнер по бизнесу», и такое восприятие континента представляется на сегодняшний день доминантным. Учитывая факт перехода ООН к новым стратегиям глобального развития, следует подчеркнуть, что новое понимание Африки как равноправного и ответственного партнера вошло в стратегические документы ООН благодаря усилиям Африканского Союза и его внешних партнеров, в том числе и Японии. Новое видение Африки получило развитие в контексте реализации политики СМР.

На современном этапе Япония реализует как мультилатеральную, так и билатеральную политику содействия развитию африканским странам. Мультилатеральное сотрудничество проявляется в финансировании деятельности и денежных пожертвованиях международным организациям, сотрудничающим с Африканским Союзом и отдельными африканскими странами. Билатеральное партнерство протекает по трем основным направлениям: техническое сотрудничество, кредитование в области развития, грантовая поддержка проектов ОПР [9, с. 12].

«Техническая помощь связана с оказанием помощи в продвижении технологий, создании условий для технического развития, образованием специалистов, экспертизой технического развития. Грантовая поддержка связана с социально-экономическим развитием страны-реципиента и с широким спектром направлений фондирования от образовательных грантов до строительства мостов. Политика кредитования в области развития предполагает финансирование долгоиграющих проектов, связанных с динамикой инфраструктуры реципиента, в отличие от грантовой и технической помощи кредитование требует полного погашения средств» [12, с. 23].

Технический вектор помощи в рамках ОПР Японии координирует Японское Агентство по международному сотрудничеству JICA; грантовая поддержка реализуется Министерством иностранных дел Японии MOFA; а кредитование в рамках ОПР осуществляется через Японский банк для международного сотрудничества (JBIC). Общий объем официальной помощи развитию Японии в 2013 г., по данным ОЭСР, составил 11,786 млрд долл., или 0,23% от ВНД Японии [11, с. 402].

В рамках конференции ТИКАД V (2013) японское правительство объявило о характере и общих объемах предстоящих инвестиций в Африку, Япония планирует в ближайшие годы выйти на уровень 32 млрд долл., из них 14 млрд будут реализованы через механизмы официальной помощи развитию [8, с. 27].

Финансирование по линии официальной помощи развитию от Японии получают 49 государств Африки¹. При этом ни одно африканское государство не входит в первую десятку наиболее значимых для Японии билатеральных партнеров в системе СМР. Объем помощи Японии в отношении африканских государств в процентном соотношении к общему объему помощи в рамках СМР составлял на 2012 г. около 16%. При этом приоритетным реципиентом помощи для Японии остаются государства Азии — более 60% от общего объема помощи [11, с. 326].

Исходя из общего объема финансовой поддержки государствам Африки южнее Сахары в 2012 г., Япония предоставила помощь на билатеральной основе в объеме в 1,8 млрд долл., тогда как Центральной и Южной Азии — 4,1 млрд долл., Восточной и Юго-Восточной Азии — 4,8 млрд долл. [11, с. 326].

¹ Japan's ODA and JICA. Официальный сайт JICA. URL: <http://www.jica.go.jp/english/publications/reports/annual/2014/index.html>

Если же рассматривать первую десятку африканских получателей помощи, то прежде всего, следует назвать Танзанию, Кению, Гану, Эфиопию, Судан, Демократическую Республику Конго и др. При этом наблюдается существенный разрыв в финансировании африканского реципиента номер один — Танзании (147,91 млн долл.), и десятого получателя помощи, а именно — Уганды (68,87 млн долл.), объемы помощи разнятся практически в два раза [8, с. 130].

Как уже отмечалось выше, финансирование развития Африки со стороны доноров, в том числе и Японии, осуществляется как на билатеральной, так и мультилатеральной основе. Так, Япония переводит средства международным организациями, участвующим в развитии Африки. Общий объем финансирования по мультилатеральной линии в 2012 г. составил 4,202 млрд долл. В число получателей входят Всемирный Банк, региональные банки развития (Азиатский и Африканский), агентства ООН и др. [11, с. 405].

В связи с этим не случайно в тексте Иокогамской декларации прослеживается понимание того, что политика развития является частью глобальных процессов и поддерживает общие тенденции развития мирового сообщества, в том числе активно продвигает новое видение взаимодействия реципиентов и доноров международной помощи и таким образом существенно преобразует характер их сотрудничества.

Равноправное сотрудничество понимается как признание за африканскими государствами права выбора стратегии развития. В тексте Иокогамской декларации (2013) акцент в рамках сотрудничества делается на то, что участники ТИКАД прежде всего поддерживают прямые инициативы Африки в вопросах развития, такие как Программа инфраструктурного развития Африки; Всеобщая африканская программа сельскохозяйственного развития; Африканский инструмент экспертной оценки; ускорение промышленного развития Африки¹.

Поддержка стратегии Африканского союза как регионального актора остается ведущим принципом участников ТИКАД. Координирующие возможности АС на континенте неоспоримы. Став приемником АОЕ, Союз существенно переработал принципы и задачи организации и стал активным проводником интересов Африки в международных процессах. Активно взаимодействуя с Экономической Комиссией ООН для Африки, Африканским банком развития, Программой развития ООН, программой НЕПАД и другими международными структурами, АС институализирует интересы африканских государств, выявляя наиболее актуальные сферы развития континента и намечая возможность консенсуса интересов Африки и всех международных игроков на африканском поле.

Знаковым направлением сотрудничества в рамках ТИКАД становится социальная политика. В фокусе сотрудничества АС и Японии оказались проблемы гендерного равенства в Африке и сотрудничество в рамках десятилетия африканских женщин (2010–2020), направленное на узаконивание прав женщин, их роли и участия во всех сферах жизни континента. Среди социально значимых проектов Иокогамская декларация акцентирует внимание на политике развития потенциала молодежи посредством поддержки плана Африканского Союза по обеспечению занятости молодежи и смягчению последствий бедности.

Особое значение для стран и населения Африки имеет проблема гуманитарной безопасности в условиях перманентной конфликтности и угрозы для жизни и безопасности людей. В Декларации отмечается, что именно военные конфликты, этнополитическая нестабильность, перманентная физическая угроза жизни человека сдерживают развитие человеческого потенциала Африки. В связи с этим ведущей

¹Yokohama Declaration 2013. Hand in Hand with a More Dynamic Africa. URL: http://www.mofa.go.jp/region/page3e_000053.html

задачей партнеров континента, в частности Японии, является усиление гуманитарного вектора сотрудничества в вопросах предупреждения конфликтов, миротворческой деятельности, постконфликтном урегулировании, подавлении терроризма¹.

Японская политика содействия развитию в Африке на современном этапе сопоставима с масштабами влияния западных доноров, по данным ОЭСР, Япония занимает пятую позицию в иерархии западных доноров [9, с. 12–14]. Лидируют же Соединенные Штаты, которые являются традиционным донором и участвуют в развитии африканского континента, как и Япония, на основе критериев Комитета содействия развитию ОЭСР. Объемы ОПР США за 2013 г. составили 31,545 млрд долл., по билатеральной линии помощь Африке южнее Сахары — 8,8 млрд долл. [11, с. 379].

За Японией остается приоритет государства, которое стояло у истоков активного проникновения восточноазиатских игроков в политику содействия развитию по всему миру, прежде всего в Азии и на африканском континенте. Не менее значимой представляется роль Японии в привлечении африканских лидеров к работе в неформальных структурах глобального управления, например, именно по приглашению Японии африканские политики участвовали в работе Окинавского Саммита G-8, 2000 г. [4, с. 4]. Темой ТИКАД V был лозунг «Рука об руку с быстро растущей Африкой», Япония стремится реализовать этот подход в общих рамках политики СМР.

Официальная помощь развитию (ОПР), реализуемая Японией в Африке, нацелена на закрепление собственного глобального международного статуса. К усилению своей роли в международных отношениях посредством участия в политике СМР движутся и другие восточноазиатские игроки, и прежде всего Китай и Южная Корея. Однако их инструментарий и потенциал влияния в африканском регионе в значительной степени отличаются от возможностей «страны восходящего солнца». Если Япония — традиционный и общепризнанный донор, то КНР и РК — относительно молодые игроки в сфере СМР.

Китайская официальная помощь развитию на период 2010–2012 гг. насчитывала около 15 млрд долл., из которых примерно половина была направлена в Африку. Поток китайского финансирования по линии СМР в страны Африки, как отмечает Эллинг Тьоннеленд, сопоставим с показателями крупных традиционных доноров, так, Китай по размерам помощи существенно опережает Норвегию, которая рассматривается как один из лидеров СМР и занимает 11-ю позицию в списках КСР ОЭСР [17, с. 5].

Китай не является членом ОЭСР, но выступает в качестве стратегического партнера этой организации и участвует в финансировании проектов развития африканского континента. Финансирование проектов СМР Китая реализуется посредством Государственных банков, таких как ЭКСИМ-Банк (Экспорт-Импорт Банк) и Китайский Банк Развития. Однако деятельность этих банков направлена по большей части на финансирование деятельности китайских компаний за рубежом, и в меньшей степени — на поддержку политики развития.

Партнерство Китая и африканских государств рассматривается как одно из самых сильных и в то же время противоречивых. Это сотрудничество ведет свой отсчет с конца 60-х гг. XX в. [13, с. 11]. На тот момент пришлось активное участие Китая в строительстве железной дороги между Танзанией и Замбией (Tazara). Сегодня, несмотря на прочные связи с Восточной Африкой, особый интерес Китай проявляет к африканским странам с богатыми природными ресурсами, среди них Ангола, Нигерия, Судан, Демократическая республика Конго и др.

¹ Yokohama Declaration 2013. Hand in Hand with a More Dynamic Africa. URL: http://www.mofa.go.jp/region/page3e_000053.html

Китай выступает в качестве крупнейшего торгового партнера Африки, по показателям 2011 г. он занимал первое место в мире по объемам торговли с Африкой — 142,1 млрд долл., Япония находилась на 10-м месте с показателями — 28,3 млрд долл., Южная Корея на 13 месте — 17 млрд долл.¹ Также показательна динамика торговых отношений КНР и ее африканских партнеров. Общий объем торговли между ними на 2000 г. составлял 10 млрд долл., а к 2013г. — возрос до 210 млрд долл. [17, с. 1].

Активная политика КНР в отношении африканского континента широко дискутируется в контексте политики СМР. Существуют весомые противоречия в оценке китайской внешней политики и присутствия Китая в Африке. Двойственность интересов КНР в отношении африканских игроков усматривается в целях этого восточноазиатского государства, с одной стороны — Китай провозглашает свои интересы в области «равноправного партнерства», с другой — стремится выступать в качестве активного донора политики развития, занимая лидирующую позицию в сотрудничестве с Африкой. Одновременно исследователи отмечают, что приоритетными стимулами политики КНР на африканском континенте следует считать внутренние проблемы и задачи национального развития Китая, такие как энергетическая безопасность, обеспечение роста экспортных рынков, фактор снижения бедности и др. Тогда как политика по линии солидарности Юг-Юг в деятельности КНР представляется, по большей части, как инструмент привлечения партнеров и проникновения на континент [5; 6, с. 163–164].

Китайская политика в области СМР имеет характерные отличия. Как правило — это политика, основанная на билатеральной схеме сотрудничества, которая связана с продвижением потребления китайских товаров и услуг, одновременно существенная часть китайской СМР в области инфраструктурной политики тесным образом связана с торговой экспансией государственных китайских компаний. Политика развития, реализуемая КНР в Африке, на современном этапе претерпевает значимые преобразования, получая социальный и гуманитарный контекст. Так, $\frac{2}{3}$ объема помощи на развитие за 2010–2012 гг. было направлено на развитие социальной сферы и экономической инфраструктуры африканских государств. За последние годы эксперты отмечают появление новых тенденций в реализации СМР Китаем. Интересен факт привлечения по линии СМР африканских студентов для получения высшего образования в Китае, на период с 2012–2015 гг. была поставлена цель — привлечь до 18 000 студентов. Китай выдвигается в качестве конкурентного игрока в области профессионального образования, наряду с Германией и Японией, традиционными лидерами в сфере продвижения образовательных услуг [17, с. 5].

Сотрудничество между Китаем и странами Африки на высшем уровне организационно было оформлено в 2000 г., когда состоялся первый Форум китайско-африканского Сотрудничества (ФОКАС/ФОКАС). С этого момента «ФОКАС представляет собой рабочую структуру для реализации коллективного диалога Китая и Африканских государств на основе равенства, взаимной выгоды, в целях обеспечения мира и развития»².

Африканский Союз смог стать равноправным членом ФОКАС лишь в 2009 г., с этого момента партнерство АС и КНР рассматривается как одно из наиболее устойчивых и весомых для обеих сторон. А с 2011 г. Комиссия Африканского союза участвует в формировании повестки Форума. Присутствие Комиссии АС в ФОКАС следует связывать с усилением международной/многополярной повестки

¹Africa Partnership Forum Evaluation Report. A Forum Puts itself to the Test / Hayford P., Kloke-Lesch A., Hosang Ch. September, 2013. P. 80.

²FOCAC (2000), «Beijing Declaration of the Forum on China-Africa Cooperation». URL: <http://www.focac.org/eng/ltada/dyjbzjhy/DOC12009/t606796.htm>

в работе Форума, одновременно АС усиливает именно панафриканский контекст китайско-африканского диалога.

ФОКАС регулирует существенные финансовые потоки китайской помощи в отношении Африки. За последние 10 лет эта помощь существенно возросла. Если в 2006 г. Китай инвестировал в Африку 5 млрд долл., то в 2012 г. было принято решение о переводе 20 млрд долл., эта сумма в два потока была перечислена африканским государствам, начиная со второй половины 2013 г. Китай, реагируя на запросы Африки, с 2013 г., т. е. с момента прихода к власти Си Цзиньпина, отчетливо продвигает новую линию сотрудничества, а именно — инвестирование в развитие инфраструктуры африканского континента, в противовес политике агрессивного участия в разработке полезных ископаемых. В то же время китайская модель инфраструктурного развития Африки предполагает решение задач собственно китайской политики в регионе и основана на продвижении кредитования ресурсодобывающих отраслей, а также нацелена на создание условий для китайского бизнеса в Африке, китайских импортеров и подрядчиков. Эта стратегия тесно увязана с политикой СМР, но, как отмечают эксперты, несмотря на то, что эта политика затрагивает реальные сферы инфраструктурных преобразований африканских государств, все же она не отвечает на самые насущные запросы континента — структурные реформы экономики, трансформацию сельского хозяйства, развитие человеческого потенциала [14, с. 10–11].

Китай продолжает играть ведущую роль в ФОКАС, являясь инвестором в развитие африканского континента и продвигая собственные концепции сотрудничества, или же выстраивая сотрудничество исключительно в своих интересах. Такая ситуация, очевидно, не может уже устраивать большинство африканских государств, и, как ожидается, на VI Саммите ФОКАС, который пройдет в ЮАР в декабре 2015 г., африканские участники будут добиваться существенной модернизации диалога со своим важнейшим восточноазиатским партнером, а именно, речь пойдет о развитии новой повестки сотрудничества с учетом базовых потребностей и векторов развития самой Африки.

Уже после V Саммита ФОКАС Китай выступил с рядом инициатив, обещая африканским лидерам продвигать через ФОКАС программы сотрудничества, отвечающие наиболее насущным интересам региона. Речь идет о «4–6–1 стратегии» китайско-африканского сотрудничества и трех программах построения коммуникационных сетей [14, с. 12–13].

Новая стратегия Китая «4–6–1» в отношении африканского континента следует *четырем базовым принципам*: построения равноправных и искренних отношений, усиления солидарности и взаимной справедливости, совместной поддержки инклюзивного развития, продвижения инновационного и практического сотрудничества. Сфокусирована в *6 сферах*: промышленное сотрудничество, финансовое сотрудничество, взаимодействие по преодолению бедности, сотрудничество в области защиты окружающей среды, культурный и гуманитарный обмена, сотрудничество в области мира и безопасности. Базируется на *единой платформе* — готовности КНР к обновлению китайско-африканского партнерства в ответ на потребности развивающейся Африки и стремлении поднять партнерство на новый стратегический уровень [17, с. 3].

Практическая реализация планов по модернизации партнерства, как полагают эксперты, получит ожидаемый импульс на VI Саммите ФОКАС в 2015 г. и связано это будет с усилением позиции африканских государств в рамках ФОКАС. Процесс, который не возможен без участия Африканского Союза, прежде всего, в связи с тем, что именно региональные возможности и Устав Союза позволяют этой международной организации продвигать интересы Африки в качестве основы для повестки сотрудничества с любым внерегиональным игроком, включая и Китай.

И собственно, защита сырьевой отрасли африканских экономик от «постколониальной эксплуатации» представляется важнейшим направлением деятельности АС. Так, важным направлением обеспечения африканских интересов в сотрудничестве с Китаем может стать деятельность АС по присоединению африканских государств к Международному стандарту обеспечения прозрачности дохода от природных ресурсов (ИПДО)¹.

Участие Китая в строительстве железных дорог и автомобильных коммуникаций в Африке является фактом широко известным. Среди примеров финансирования Китаем инфраструктурных проектов можно выделить сверхскоростную трассу Тика-Найроби, важнейшую для социального и экономического развития Кении и ее соседей, скоростную трассу Кигали в Уганде и др. [13, с. 12]. Инфраструктурные инвестиции КНР в коммуникации африканских государств остаются крупнейшими, в то же время Китай наращивает свое участие в миротворческих операциях в Африке, и в этом смысле Китай становится важнейшим партнером АС и ООН по проблемам безопасности на континенте.

Во взаимодействии стран Африки и Китая можно проследить развитие трехстороннего сотрудничества, когда два внерегиональных игрока совместно участвуют в реализации проектов СМР на территории третьего участника сотрудничества, как правило, реципиента помощи. Примером может послужить сотрудничество США и КНР в области здравоохранения в Либерии [13, с. 13].

На фоне активности Китая и Японии возможности и деятельность Южной Кореи в Африке остается в тени или же комментируется исключительно сдержанно. При этом, отталкиваясь от показателей сотрудничества Кореи и африканских государств, стоит признать существенное влияние РК на процессы африканского регионализма. Корея в 2010 г. становится членом ОЭСР, а также Комитета по содействию развитию (КСР ОЭСР), по замечанию Yejoon Kim, южнокорейское государство перестает быть реципиентом и превращается в полноценного донора [6, с. 14]. Южная Корея после присоединения к ОЭСР активно наращивает финансирование по линии СМР, в 2012 г. 17,5% от общего объема корейской ОПР размером 1,6 млрд долл. было направлено 20 африканским государствам, крупнейший реципиент — Танзания (36 млн долл.) [17, с. 6–7].

Политика Южной Кореи по содействию международному развитию зарождается в 1980-е гг. Вполне официальный характер она приобретает с момента создания Фонда сотрудничества в области экономического развития — *Economic Development Cooperation Fund (EDCF)*, основанного в 1987 г. Экспортно-импортным банком Кореи. Фонд был учрежден для поддержки экономического роста в развивающихся странах. В 1991 г. в РК было основано Международное агентство по сотрудничеству (*KOICA*).

К ряду специфических черт политики развития, проводимой Республикой Корея, можно отнести уникальность статуса Кореи в качестве проводника политики развития. В течение более 30 лет Корея, начиная со второй половины 1980-х гг., оставаясь в положении реципиента помощи в рамках международной политики содействия развитию, сама начала оказывать помощь государствам-реципиентам.

Второй наиболее значимой чертой политики СМР Кореи исследователи называют доминирование билатерального подхода в осуществлении помощи. Корея не избегает мультилатеральной модели СМР, сотрудничая с ООН, АБР, АфБР и другими мультелатеральными организациями, но, судя по объемам помощи, — веду-

¹ См. о деятельности ИПДО, о процедуре присоединения и пр.: Информационный листок ИПДО. Май 2009. URL: http://sustdevelopment.narod.ru/EITI/Russian_EITI_Fact_Sheet.pdf; Информационный листок ИПДО. 2013. URL: <http://ua-energy.org/upload/files/EITI-fact-sheet-2013-russian.pdf>; Официальный сайт ИПДО. URL: <https://eiti.org/>

щим механизмом сотрудничества в рамках политики развития для Кореи остаются билатеральные связи. Так, в 2010 г., по данным Министерства иностранных дел и торговли РК, по линии билатеральных отношений Корея провела около 885 млн долл., в то же время мультилатеральные схемы СМР финансировались Кореей в объеме около 313 млн долл. В целом за период со второй половины 80-х гг. XX в. до середины 2000-х гг. Корея сумела увеличить объемы помощи практически в 30 раз [6, с. 15].

В то же время, по замечанию экспертов, объемы финансирования Кореей политики развития существенно отстают от показателей ведущих доноров ОЭСР. Республика Корея обозначила задачу удвоить объемы СМР к 2015 г., что составит 0,25% роста национального дохода РК, но даже при этом Корея будет далека от искомой цифры 0,7%, намеченной в качестве критерия эффективности политики развития еще в 70-е гг. XX в. Генеральной Ассамблеей ООН. Для сравнения, среди стран — членов ОЭСР за 2013 финансовый год объемы СМР Кореи составили 0,13% от валового национального дохода, так же как и у Словении и Греции; объемы международной помощи Японии составили 0,23%; самый высокий показатель принадлежит Норвегии — 1,07%; а самый низкий — Словакии — 0,09% [9, с. 14].

Среди наиболее характерных черт корейской политики развития следует назвать региональное распределение финансовых потоков. В структуре *KOICA* в рамках регионального управления среди прочих действует Отдел Африки, в котором выделяют два подразделения: Западная Африка и Восточная Африка [10, с. 152].

Более 50% ОПР направляется в страны Азии. Приоритет азиатского сотрудничества в политике развития Кореи очевиден. Как следует из отчета *KOICA* за 2013 г., по линии этого Агентства в азиатский регион было направлено 210,63 млн долл., средства шли на поддержку 32 государств; в то же время в Африку было вложено 95,78 млн долл. с общим числом реципиентов — 46; в Латинскую Америку — 55,34 млн долл. при участии в качестве реципиентов 27 государств, а на Средний Восток — 21,78 млн долл. при участии в качестве реципиентов шести государств [10, с. 154].

Среди лидирующих секторов помощи в рамках СМР Кореи следует назвать образование (в процентном соотношении — 29,4% от общего объема помощи), здравоохранение (15,7%), промышленность и энергетика (15,3%), государственное управление (14,4%), сельское хозяйство, рыболовство, лесное хозяйство (13,8%). При этом следует отметить, что общая динамика объемов помощи по секторам не однозначна. Если за период 2009–2013 гг. такие сектора, как здравоохранение, государственное управление потеряли в объемах помощи, то сотрудничество в сферах образования, промышленности и энергетике, сельского хозяйства, рыболовства, лесного хозяйства было усилено за счет расширения объемов помощи [10, с. 155–156].

Одним из важных факторов корейской СМР специалисты называют также собственно выбор реципиентов помощи. Корея работает с государствами со средним уровнем доходов, ограниченно участвуя в финансировании слаборазвитых государств [6, с. 15].

При этом Корея направляет средства для эффективного урегулирования конфликтов и кризисных ситуаций в странах Африки. Корея реализует различные модели урегулирования и помощи в условиях конфликтов и последствий стихийных бедствий. Так, в 2013 г. Корея осуществляла помощь Мадагаскару в преодолении последствий циклона, оказывала помощь жертвам наводнения в Южном Судане.

В 2011–2014 гг. РК реализует проект в Гане по улучшению санитарного состояния питьевой воды. Общий объем проекта — 4 млн долл. В рамках этой программы создана структура, которая, как и планировалось, продолжила осуществлять контроль за соблюдением санитарии и безопасности питьевой воды, а именно — Комитет по профилактике санитарного состояния питьевой воды [10, с. 102].

В 2013–2015 гг. Корея реализует разнообразные проекты в области образования, здравоохранения в Руанде. Одним из результативных стал проект общим объемом 4,5 млн долл., направленный на улучшение здравоохранения матерей и детей с привлечением мобильных средств связи. В проекте приняло участие 120 тыс. беременных женщин из 10 провинций Руанды. Будущие матери получили возможность консультаций с профессиональными медиками посредством мобильной связи, под контролем специалистов оказалось протекание беременности и родов, что позволило улучшить состояние здоровья как рожениц, так и новорожденных младенцев [10, с. 111].

Сотрудничество с африканскими странами находится в центре мультилатеральных проектов Кореи. Взаимодействуя с ООН, РК активно поддерживает своих партнеров-реципиентов в вопросах реализации Целей тысячелетия, в Африке это — Нигерия, Руанда. Общий объем помощи в вопросах продвижения целей тысячелетия в 2013 г. составил 5,65 млн долл. [10, с. 144].

Помощь Республики Корея странам Африки составляет примерно 20% от общего объема ОПР, реализуемой Кореей в мире. Значимой чертой участия Кореи в политике СМР специалисты усматривают стремление сочетать «ресурсную дипломатию» и «прагматическую дипломатию», которые направлены на использование СМР в экономических интересах РК. Важным элементом активности Кореи в области ОПР представляется внедрение трансформационного опыта Кореи как государства, совершившего развитие от сельскохозяйственной страны до промышленно развитого игрока Восточной Азии за период с момента завершения Корейской войны.

Очевидно, что Корея, как и другие восточноазиатские участники политики СМР, активно продвигает свое видение политики развития и рассматривает эту международную практику как элемент своей политики «мягкой силы», т. е. ресурс продвижения своих национальных интересов в различных частях мира.

Несмотря на то, что характеристики внерегионального сотрудничества Африки достаточно разнообразны и разнятся в зависимости от партнеров континента, можно обозначить общие черты и тенденции влияния этих партнерств на развитие африканского регионализма.

Рассмотренные партнерства со странами Восточной Азии отмечены регулярными и частыми встречами лидеров государств или постоянно действующим министерским уровнем координации. Устойчивой характеристикой этих взаимодействий можно назвать активные двусторонние отношения, долголетние планы сотрудничества, продолжительные и развивающиеся торгово-экономические отношения, растущий образовательный обмен, усиление культурного взаимодействия.

Перспективный характер сотрудничества закреплен в деятельности совместных рабочих механизмов, таких как ТИКАД, ФОКАС — постоянно действующих конференций и саммитов, обеспечивающих стратегический, долгосрочный и мультилатеральный характер взаимодействия.

Все восточноазиатские участники СМР рассматривают этот инструмент внешней политики как неотъемлемую часть своего влияния на глобальном уровне и ресурс продвижения национальных интересов в стратегически важном регионе. Япония, РК и КНР выступают в качестве стратегических партнеров для многих государств африканского континента. Обладают развитой институциональной моделью сотрудничества с Африкой, а также реализуют многоканальное воздействие на африканский континент: мультилатеральное и билатеральное; государственное и негосударственное; финансирование в рамках СМР и другие формы финансирования, включая прямые иностранные инвестиции; трехстороннее сотрудничество Юг-Север-Юг и сотрудничество Юг-Юг; реализуют политику «мягкой силы» и др. Япония, являясь членом G-7/8, активным участником Форума по партнерству с Африкой (APF), а также членом ОЭСР,

выступает проводником западных стандартов политики СМР в Африке. Корея поддерживает западный вектор развития СМР и во многом воспроизводит японский опыт реализации ОПР на континенте. В сотрудничестве с африканскими государствами Китай реализует важное направление международного развития, а именно — взаимодействие государств по линии Юг-Юг. Важным международным аспектом сотрудничества КНР и африканских государств эксперты отмечают растущие связи стран БРИКС с Африкой южнее Сахары и формирование новых механизмов, продвигающих на глобальный уровень не-западные модели регулирования международных процессов [17, с. 1–9].

Рассмотренные партнерства восточноазиатских государств со странами Африки по линии СМР являются значимым ресурсом развития африканского регионализма. На континентальном уровне — это сотрудничество с АС по самым значимым для африканцев аспектам развития — инфраструктурное развитие Африки и экономический рост слаборазвитых государств; развитие человеческого потенциала, включая вопросы безопасности, гендерного равенства, роста грамотности и образованности, формирование и поддержание здравоохранения; решение проблем экологического развития и рост сельскохозяйственного производства, развитие местной промышленности и др.

Участие таких государств, как Япония, КНР и РК в политике развития Африки позволяет им транслировать и адаптировать к условиям африканских государств свой «азиатский» опыт развития, опыт экономической и социальной трансформации государства на пути интеграции в мировые экономические и политические процессы.

Переосмысление роли политики СМР в развитии Африки в целом подталкивает азиатских партнеров континента развивать другие инструменты финансового участия в развитии африканских государств: прямые иностранные инвестиции, государственное и частное кредитование, проектное финансирование и др. Политика СМР становится недостаточным ресурсом финансирования целей развития континента как на билатеральном, так и на мультилатеральном уровнях. Одновременно с этим политика СМР остается важным инструментом взаимодействия государств — доноров и получателей помощи, это легитимный инструмент продвижения и обеспечения национальных интересов страны-донора в решении вопросов энергетической безопасности, расширения рынков сбыта для товаров национальных производителей, продвижения своих культурных и образовательных ценностей посредством ресурсов «мягкой силы» и др.

Как на билатеральном, региональном, так и на континентальном уровне страны Африки рассматривают взаимодействие с азиатскими партнерами в качестве важного источника укрепления собственного влияния в международных процессах. Равноправное партнерство и реализация политики СМР на основе потребностей и задач развития государств-получателей помощи открывает для Африки новые ресурсы развития регионализма, прежде всего в области инфраструктурного роста, формирования человеческого потенциала, способного обеспечить экономическое развитие и стабилизацию политических процессов на континенте.

Литература

1. Королев В. А., Кудрявцева С. С. «Мягкая сила» современной Японии: опыт и направления развития // Вестник международных организаций. 2014. Т. 9. № 2. С. 190–206.
2. Родин А. Р. Африканская политика Японии // Азия и Африка сегодня. № 8. 2014. С. 59–64.
3. Содействие международному развитию: курс лекций / под ред. В. И. Бартенева и Е. Н. Глазуновой. М., 2012.
4. Cornelissen S. Japan's Role in Africa: Principle, Pragmatism and Partnership // African East-Asian Affairs. Centre for Chinese Studies, Stellenbosch University. 2012. Vol. 70. P. 4–13.

5. *Corkin L.* Forum: African agency in the context of China-Africa relations // African East-Asian Affairs. Centre for Chinese Studies, Stellenbosch University. June, 2015. Is. 1–2. P. 162–173.
6. *Yejoon K.* Korea's cooperation policy and its implications for development cooperation with Africa // African East-Asian Affairs. Centre for Chinese Studies, Stellenbosch University. April, 2012. Vol. 70. P. 14–21.
7. Over half a century of development assistance // Observer. OECD. Japan is back! April, 2014.
8. *Japan's Official Development Assistance. White Paper.* 2013. URL: http://www.mofa.go.jp/policy/oda/page_000043.html
9. *JICA (2013), Annual Report.* 2014. URL: <http://www.jica.go.jp/english/publications/reports/annual/2014/index.html>
10. *KOICA (2013), Annual Report.* Korea International Cooperation Agency. 2014.
11. *OECD (2014), Development Co-operation Report 2014: Mobilising Resources for Sustainable Development.* OECD Publishing. 2014. URL: http://www.keepeek.com/Digital-Asset-Management/oecd/development/development-co-operation-report-2014_dcr-2014-en page412
12. *Schrifer R., Mroczkowski I.* Japan's Global Engagement: A Mapping Study of Japan's Global Role and International Contributions. The Project 2049 Institute and the Sasakawa Peace Foundation. April 2012. P. 1–29. URL: http://project2049.net/documents/japan_global_engagement_2012.pdf
13. South-South and Triangular Cooperation and its implications for the Eastern Africa sub-region: Report for the UN Economic Commission for Africa. Subregional office for Eastern Africa by the Economic Commission for Africa, Southern Africa Office. May, 2011.
14. *Yun S.* The sixth forum on China-Africa cooperation: new agenda and new approach? // Foresight Africa: top priorities for the continent in 2015. The Brookings institution. Africa growth initiative. January, 2015. P. 10–13.
15. *Yamada Sh.* From humanitarianism to trade promotion: the changing emphasis of Japanese development co-operation to Africa // African East-Asian Affairs. Centre for Chinese Studies, Stellenbosch University. June, 2015. Is. 1 and 2. P. 28–49.
16. *Yamada Sh.* The discourse on Japanese commitment to Africa: The planning process of the fourth Tokyo International Conference on African Development (TICAD IV) // Journal of Contemporary African Studies. Vol. 29, N 3. July, 2011. P. 315–330.
17. *Tjønneland Elling N.* African development: what role do the rising powers play? // The Norwegian Peacebuilding Resource Centre. Report. January, 2015.

References

1. Korolev V. A., Kudryavtseva S. S. «The soft force» of modern Japan: experience and directions of development [«Myagkaya sila» sovremennoi Yaponii: opyt i napravleniya razvitiya] // Bulletin of the International Organizations [Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii]. 2014. V. 9. N 2. P. 190–206. (rus)
2. Rodin A. R. *African policy of Japan* [Afrikanskaya politika Yaponii] // Asia and Africa today [Aziya i Afrika segodnya]. N 8. 2014. P. 59–64. (rus)
3. *Assistance to the international development.* A course of lectures [Sodeistvie mezhdunarodnomu razvitiyu. Kurs lektsii] / Under the editorship of V. I. Bartenev and E. N. Glazunova. M., 2012. (rus)
4. Cornelissen S. *Japan's Role in Africa: Principle, Pragmatism and Partnership* // African East-Asian Affairs. Centre for Chinese Studies, Stellenbosch University. 2012. Vol. 70. P. 4–13.
5. *Corkin L.* Forum: African agency in the context of China-Africa relations // African East-Asian Affairs. Centre for Chinese Studies, Stellenbosch University. June, 2015. Is. 1–2. P. 162–173.
6. *Yejoon K.* Korea's cooperation policy and its implications for development cooperation with Africa // African East-Asian Affairs. Centre for Chinese Studies, Stellenbosch University. April, 2012. Vol. 70. P. 14–21.
7. Over half a century of development assistance // Observer. OECD. Japan is back! April, 2014.
8. *Japan's Official Development Assistance. White Paper.* 2013. URL: http://www.mofa.go.jp/policy/oda/page_000043.html
9. *JICA (2013), Annual Report.* 2014. URL: <http://www.jica.go.jp/english/publications/reports/annual/2014/index.html>
10. *KOICA (2013), Annual Report.* Korea International Cooperation Agency. 2014.
11. *OECD (2014), Development Co-operation Report 2014: Mobilising Resources for Sustainable Development.* OECD Publishing. 2014. URL: http://www.keepeek.com/Digital-Asset-Management/oecd/development/development-co-operation-report-2014_dcr-2014-en page412

12. Schriver R., Mroczkowski I. *Japan's Global Engagement: A Mapping Study of Japan's Global Role and International Contributions*. The Project 2049 Institute and the Sasakawa Peace Foundation. April 2012. P. 1–29. URL: http://project2049.net/documents/japan_global_engagement_2012.pdf
13. *South-South and Triangular Cooperation and its implications for the Eastern Africa sub-region: Report for the UN Economic Commission for Africa*. Subregional office for Eastern Africa by the Economic Commission for Africa, Southern Africa Office. May, 2011.
14. Yun S. *The sixth forum on China-Africa cooperation: new agenda and new approach? // Foresight Africa: top priorities for the continent in 2015*. The Brookings institution. Africa growth initiative. January, 2015. P. 10–13.
15. Yamada Sh. *From humanitarianism to trade promotion: the changing emphasis of Japanese development co-operation to Africa // African East-Asian Affairs*. Centre for Chinese Studies, Stellenbosch University. June, 2015. Is. 1 and 2. P. 28–49.
16. Yamada Sh. *The discourse on Japanese commitment to Africa: The planning process of the fourth Tokyo International Conference on African Development (TICAD IV) // Journal of Contemporary African Studies*. Vol. 29, N 3. July, 2011. P. 315–330.
17. Tjønneland Elling N. *African development: what role do the rising powers play? // The Norwegian Peacebuilding Resource Centre*. Report. January, 2015.

«Мимикрия» как препятствие для развития отношений между Евразийским экономическим союзом и Европейским союзом

Ланко Дмитрий Александрович

Санкт-Петербургский государственный университет
Доцент кафедры европейских исследований
Кандидат политических наук, доцент
dimppa@hotmail.com

РЕФЕРАТ

Статья пытается дать ответ на вопрос, почему в условиях, когда при создании Евразийского экономического союза широко использовался опыт Европейского союза, что должно было бы облегчить развитие отношений между двумя интеграционными объединениями, на деле со стороны ЕС можно отметить крайне скептическое отношение как к перспективам самого ЕАЭС, так и к перспективам развития отношений между ним и Евросоюзом. В статье демонстрируется, что институты и политические практики, на которых основывается деятельность ЕАЭС, не только внешне, но и по сути схожи с теми, которые существуют в ЕС. В качестве важнейшей причины этого статья называет тот факт, что к разработке структуры этих институтов и особенностей этих политических практик активно привлекались российские специалисты в области европейских исследований. Однако, как показано в статье, западные элиты предпочитают не замечать сходства между ЕАЭС и ЕС, одновременно подчеркивая различия между двумя интеграционными объединениями. Для западных элит представляется крайне важным продемонстрировать, что институты и политические практики, разработанные для ЕАЭС, «почти такие же, но не совсем», как те, которые действуют в ЕС. Такое отношение делает возможным использовать для характеристики отношения западных элит к ЕАЭС понятие «мимикрия» в значении, которым эту категорию наделяет постколониальная теория международных отношений. В статье демонстрируется, что такое отношение у западных элит наблюдается не только к евразийскому интеграционному проекту, но к большинству региональных интеграционных объединений, существующих в разных регионах мира. Такое отношение называется в статье основным фактором, препятствующим развитию отношений между ЕС и ЕАЭС, между ЕС и другими региональными интеграционными объединениями.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

международные отношения, пост-колониализм, мимикрия, Евразия, Европа, интеграция, ЕАЭС, ЕС

Lanko D. A.

“Mimicry” as an Obstacle for Development of the Relations between the Eurasian Economic Union and the European Union

Lanko Dmitry Aleksandrovich

Saint-Petersburg State University (Russian Federation)
Associate Professor of the Department of European Studies
PhD in Political Science, Associate Professor
dimppa@hotmail.com

ABSTRACT

The article attempts to answer, why, though European Union's experience inspired the founders of the Eurasian Economic Union, which was expected to ease development of relations between the two integration unions, in practice, the EU is very skeptical about both the prospects of the EEU and the prospects of relations between the EU and the EEU. The article demonstrates that institutions and political practices established for the EEU do not only appear to resemble the institutions and practices working in the EU, but institutions and practices of

both integration unions are essentially similar. The main reason is that Russian experts in European studies actively participated in working out of the institutional structure and the political practices for the EEU. However, the article concludes that Western elites prefer not to notice the similarities between the EU and the EEU, while underlining differences between them. It is very important for Western elites to demonstrate that institutions and political practices of the EEU and the EU are “almost similar, but not quite”. Thus, it is justified characterizing Western elites’ attitude to the EEU in terms of ‘mimicry’, in the meaning given to that notion in Post-Colonialism in International Relations. The article explains that Western elites do not only demonstrate such kind of attitude to EEU, but almost to all other attempts of regional integration that have ever been undertaken in various parts of the world. The article names such attitude the main obstacle to development of relations between the EU and the EEU, and between the EU and other regional integration unions.

KEYWORDS

international relations, post-colonialism, mimicry, Eurasia, Europe, integration, EEU, EU

Важнейшим аспектом отношений между Западом и остальным миром является существующее на Западе противоречивое отношение к попыткам воспроизводства западных политических практик не-западными странами. Зачастую те политические практики, которые используют сами страны Запада, вызывают их резкую критику в случаях, когда аналогичные политические практики начинают использоваться странами за пределами Запада. Некоторые исследователи, подобно Л. С. Вайцберг [19], используют для определения этого феномена понятие «двойные стандарты», под которыми понимается — в широком смысле — практика применения различных критериев к ситуациям, которые настолько схожи, что заслуживают одинакового отношения, а в узком смысле — стремление скрывать или отрицать собственные недостатки, одновременно критикуя недостатки других. Вместе с тем, как будет показано ниже, страны Запада зачастую прибегают к подобной практике даже в тех случаях, когда речь не идет о недостатках.

Так, несмотря на то, что Евразийский экономический союз создавался по образцу Европейского союза, в странах — участницах последнего мы обнаруживаем крайне негативное отношение к процессам евразийской интеграции, что является важнейшим препятствием для развития взаимовыгодных отношений между двумя интеграционными объединениями. Представители западных политических и интеллектуальных элит, публично выражающие свое негативное отношение к процессам евразийской интеграции, одновременно не считают европейскую интеграцию негативным политическим процессом. Поэтому вместо понятия «двойные стандарты» для характеристики данного феномена здесь будет использовано понятие «мимикрия», привнесенное в политологию из лингвистики и биологии приверженцами постколониальной теории международных отношений. «Мимикрия» — это не только и не столько попытка создать за пределами Запада политическую практику, внешне схожую с принятой на Западе, но отличающуюся от западной практики по сути.

Понятие «мимикрия» характеризует также отношение западных элит к любым политическим практикам, возникающим за пределами Запада и внешне напоминающим принятые на Западе практики, вне зависимости от того, идет ли речь исключительно об имитации сходства с западными практиками или же о попытке воспроизвести не только внешние черты, но и суть западных практик. Как будет показано ниже, при создании Евразийского экономического союза, действительно, широко использовался опыт Европейского союза к выработке политических практик, на основе которых будет строиться сотрудничество в рамках ЕАЭС, активно привлекались российские ученые, работающие в проблемном поле европейских исследований. Несмотря на значительные внешние и сущностные сходства между евразийским и европейским интеграционными проектами, на Западе дискуссия

о ЕАЭС сводится, главным образом, к обсуждению различий между ЕАЭС и ЕС. Впрочем, подобное отношение характеризует подход западных элит не только к процессам евразийской интеграции, аналогичное отношение в ЕС мы обнаруживаем и к региональным интеграционным проектам в других частях света.

Понятие «мимикрия» в постколониальной теории международных отношений

Понятие «мимикрия» используется как в естественных науках, например в биологии, так и в гуманитарных науках, например в лингвистике. В биологии под мимикрией понимается внешнее сходство не только между различными видами животных, относящихся к разным родам, семействам или отрядам, но даже и внешнее сходство между некоторыми видами животных и растений. К мимикрии прибегают как потенциальные хищники, так и их потенциальные жертвы. Так, некоторые виды животных в процессе эволюции выработали внешнее сходство с другими видами животных или растений, чтобы на их фоне стать незаметными для потенциальных хищников. Но и некоторые виды хищников в процессе эволюции выработали внешнее сходство с потенциальными жертвами, включая способность издавать звуки, характерные для последних, чтобы таким образом привлечь потенциальную жертву. Понятие «мимикрия» в биологии появилось благодаря трудам исследователя долины Амазонки Г.У. Бейтса. В СССР проблемами мимикрии в биологии занимался, в частности, Н.И. Вавилов [9, с. 203].

В лингвистике в качестве известного, но недостаточно изученного феномена выступает «коммуникативная мимикрия», под которой понимается «изменение говорящим свойственного ему стиля коммуникации для осуществления своих целей в определенной коммуникативной ситуации» [6]. В постколониальной теории международных отношений понятие «мимикрия» появилось благодаря работам индийского ученого Х.К. Баба. Исследуя тексты, главным образом британских литературных произведений и официальных документов колониального периода, описывающих в художественной или бюрократической форме происходящее в колониях, включая Индию, он пришел к выводу об амбивалентном характере представлений имперских элит о попытках воспроизводства британских культурных, в том числе политических практик в колониях. По его мнению, результаты этих попыток воспринимаются в имперском центре в качестве практик, «почти таких же, [как те, которые существуют в имперском центре — Д.Л.], но не совсем» [12, р. 122].

В качестве примеров мимикрии можно рассматривать и попытки формирования в бывших колониях, а в более широком плане — во всех странах за пределами Запада политических институтов по образцу тех институтов, которые существуют на Западе, включая и региональные интеграционные институты. По мере формирования этих институтов на Западе возникают двойственные представления о них. С одной стороны, западные элиты стремятся искать, а иногда — и способствуют формированию за пределами Запада институтов по западному образцу. Результаты этого поиска и содействия отражаются в тех текстах — художественных и официальных, — которые создаются на Западе. В западных оценках сам факт того, что некие не-западные субъекты пытаются создавать институты по западному образцу, располагает этих не-западных субъектов ближе к оценивающим западных субъектам на шкале, основанной на концепции К. Шмитта «свой — чужой».

С другой стороны, не-западные субъекты никогда не становятся, в западных представлениях, полностью «своими». Как следствие, западные тексты концентрируются на отличиях между западными практиками и теми, которые возникают по их образцу за пределами Запада, пытаясь найти подтверждение существующим

на Западе представлениям о том, что создаваемые за пределами Запада практики лишь имитируют те западные практики, по образцу которых они создаются, но, по существу, западные и не-западные практики продолжают различаться, несмотря на кажущееся внешнее сходство. Эта амбивалентность позволила таким исследователям, как Л. Линг, указать на различия между «формальным» и «сущностным» видами мимикрии [16]. Под формальной мимикрией понимаются явные попытки имитации западных практик, не оставляющие сомнений в существовании глубоких сущностных различий между западными «оригинальными» и не-западными «имитирующими» практиками.

Под сущностной же мимикрией понимаются попытки воссоздания западных практик за пределами Запада в такой форме, которая заставляет усомниться в том, что речь идет именно об имитации, а не о создании практик «совсем таких же», в терминологии Х.К. Баба, как на Западе. Для западных элит представляется крайне трудным признать, что некие субъекты за пределами Запада оказались способны воссоздать западные политические практики без сущностных искажений, поскольку такое признание ставит этих субъектов вровень с самим Западом и разрушает стереотип о превосходстве Запада над остальным миром. Понятие мимикрии используется в исследованиях политических проблем международных отношений не только применительно к взаимоотношениям между бывшими империями и бывшими колониями. Так, это понятие применяется для анализа попыток Китайской Народной Республики воссоздавать западные практики валютного регулирования с целью включения юаня в корзину резервных валют Международного валютного фонда в трудах таких авторов, как П. Фердинанд и Дж. Вонг [14], несмотря на то, что Китай целиком никогда не был колонией какой-либо из западных стран.

Европейский союз и Евразийский экономический союз: сходство институтов и политических практик

Элиты постсоветских стран, принявшие участие в создании Евразийского экономического союза, не пытались скрывать, что он создается по образцу европейского интеграционного объединения — Европейского союза. Так, менее чем через полгода после подписания 29 мая 2014 г. в Астане Договора о Евразийском экономическом союзе Россией, Беларусь и Казахстаном (Армения присоединилась к ЕАЭС в том же году, Кыргызстан — в 2015 г.) Евразийская экономическая комиссия опубликовала издание, в котором были изложены вопросы функционирования ЕАЭС [2]. В нем на более чем 200 страницах трижды сообщается о том, что те или иные практики функционирования ЕАЭС созданы с учетом опыта практик Европейского союза. Во-первых, в издании говорится, что «для установления единых правил и подходов обеспечения безопасности и обращения продукции, требования к которой не установлены техническими регламентами Союза, будет принят международный договор» [2, с. 104].

Указывается также, что этот международный договор будет разработан «по аналогии с Директивой об общей безопасности продукции» Европейского союза¹. Во-вторых, сообщается, что для согласования макроэкономической политики стран — участниц ЕАЭС ежегодно будут вырабатываться основные ориентиры их макроэкономической политики, причем делаться это будет «аналогично процедуре, успешно (курсив мой — Д.Л.) действующей в Европейском союзе» [2, с. 115]. В-третьих, если макроэкономические показатели одной из стран — участниц ЕАЭС

¹Directive 2001/95/EC of the European Parliament and of the Council of 3 December 2001 on general product safety // Official Journal of the European Communities. 2002. January 15. P. L. 11.

не будут соответствовать ранее определенным значениям, то в этом случае должны быть разработаны и реализованы национальные либо совместные меры и рекомендации Евразийской экономической комиссии в интересах стабилизации ситуации. «Это решение, — указывает издание, — также было принято в соответствии с опытом Европейского союза» [2, с. 117], а конкретно — в соответствии со ст. 121 и 126 Договора о функционировании Европейского союза¹, составляющими основу так называемого Пакта стабильности и роста ЕС.

Институционально структура Евразийского экономического союза также напоминает структуру Европейского союза. По аналогии с Европейским советом высшим наднациональным органом ЕАЭС является Высший Евразийский экономический совет, в состав которого входят президенты пяти стран — участниц ЕАЭС. С 2010 г., когда был создан Таможенный союз Беларуси, Казахстана и России, Совет играл роль руководящего органа Таможенного союза. С 2012 г., когда было создано единое экономическое пространство трех стран, Совет играл также роль руководящего органа ЕЭП. В 2014 г., когда был создан ЕАЭС, Совет начал играть роль руководящего органа этого интеграционного объединения. После присоединения к Таможенному союзу и к Единому экономическому пространству Армении и Кыргызстана, главы этих государств также вошли в состав Совета. Совет собирается не реже раза в год, все решения на Совете принимаются консенсусом, а принятые решения становятся обязательными для исполнения всеми странами — участницами ЕАЭС. Важнейшей задачей Совета является определение состава и сферы полномочий других институтов ЕАЭС.

По аналогии с Европейской комиссией, постоянно действующим наднациональным регулирующим органом ЕАЭС является Евразийская экономическая комиссия. Она была образована вслед за созданием в 2010 г. Таможенного союза, до появления единого экономического пространства, на основе подписанных Беларусью, Казахстаном и Россией в 2011 г. Договора о Евразийской экономической комиссии и Договора о Регламенте работы Евразийской экономической комиссии. Управление комиссией осуществляется на двух уровнях: на уровне Совета Евразийской экономической комиссии и на уровне Коллегии Евразийской экономической комиссии. В Совет Комиссии входят по одному представителю от каждой страны — участницы ЕАЭС на уровне заместителя председателя правительства. В Коллегию Комиссии входят по три представителя от каждой страны-участницы ЕАЭС на уровне министров, как правило из так называемых экономических блоков правительств стран-участниц. Таким образом, структура Евразийской экономической комиссии сочетает в себе элементы структур Европейской комиссии и Совета Европейского союза.

По аналогии с Судом Европейского союза, судебным органом ЕАЭС является Суд Евразийского экономического союза. Также одним из руководящих органов ЕАЭС является Межправительственный совет, в который входят премьер-министры стран-участниц. Все они являются полупрезидентскими республиками, сходство форм правления облегчает формирование наднациональных органов власти. Это отличает ЕАЭС от Европейского союза, где часть стран-участниц является монархиями, а часть — республиками, причем из республик, входящих в состав ЕС, часть представлена в Европейском совете главами государств (например, Франция), большинство же стран ЕС представлено в Европейском совете главами правительств. Любопытно, что в Договоре о Евразийском экономическом союзе не упоминаются органы парламентского взаимодействия, которые могли бы быть созданы по аналогии с ранними формами парламентского взаимодействия в рамках интеграционных процессов в Западной Европе, например, по аналогии с Общей ассамблеей

¹ Consolidated Version of the Treaty on the Functioning of the European Union // Official Journal of the European Communities. 2012. October 26. P. C326.

Европейского сообщества угля и стали. Тем более что в рамках Евразийского экономического сообщества, действовавшего в 2001–2014 гг. и упраздненного в связи с созданием Евразийского экономического союза, действовала Межпарламентская ассамблея.

Евразийская интеграция и европейские исследования в России

С тех пор, как число членов Европейского союза увеличилось с 15 до 25 (сегодня в Европейском союзе 28 государств-членов), в результате расширения 2004 г., это интеграционное объединение стало крупнейшим торгово-экономическим партнером Российской Федерации. Несмотря на снижение товарооборота в 2014 г. в результате взаимного введения странами ЕС и Россией экономических санкций в отношении друг друга, ЕС остался важнейшим торгово-экономическим партнером России. Согласно заявлению заместителя министра иностранных дел России А. Ю. Мешкова [10], в 2014 г. товарооборот между Россией и ЕС снизился по сравнению с 2013 г. почти на 10%, снижение товарооборота продолжилось и в 2015 г., а доля Евросоюза во внешней торговле России впервые с 2004 г. упала ниже 50%. Для Евросоюза Россия также осталась третьим по значимости торгово-экономическим партнером после США и Китая. В этих условиях неудивительно, что одним из важнейших аспектов исследований политических проблем международных отношений в России являются исследования процессов европейской интеграции, европейские исследования.

Европейскими исследованиями в России занимаются, в первую очередь, в Институте Европы и Институте мировой экономики и международных отношений Российской Академии наук, а также в Московском государственном институте международных отношений (университете) Министерства иностранных дел России и в Санкт-Петербургском государственном университете. Европейскими исследованиями занимаются и в других высших учебных заведениях России, расположенных в западных регионах страны, в непосредственной близости от границы со странами ЕС. Так, в Балтийском федеральном университете имени И. Канта, расположенном в Калининграде, в 2000–2007 гг. под эгидой Совета государств Балтийского моря работал «еврофакультет», в 2009–2015 гг. он функционировал в Псковском государственном университете. О результатах работы «еврофакультета» в Пскове пока рано судить; так, в Пскове до сих пор не сформировалось регионального отделения российской Ассоциации европейских исследований.

Любопытно, что многие российские исследователи, известные своими работами в области европейских исследований, также имеют ряд научных работ по проблематике евразийской интеграции. Начало изучению процессов евразийской интеграции российскими учеными, работающими в проблемном поле европейских исследований, было положено в 2009 г., когда в книжной серии «Доклады Института Европы РАН» вышел сборник докладов, озаглавленный «ЕврАзЭС и интеграционный опыт ЕС» [3]. Помимо Ю. А. Бойко, А. Ю. Бочверва и М. Г. Носова в подготовке докладов для сборника приняли участие такие известные в России специалисты по европейским исследованиям, как Н. В. Говорова, О. Ю. Потемкина, Л. О. Бабынина, Н. Б. Кондратьева и Н. Ю. Кавешников. Также в данном контексте нельзя не отметить признанного специалиста по европейским исследованиям О. В. Буторину, чьему авторству принадлежат также несколько статей по проблематике евразийской интеграции [1].

Среди петербургских специалистов по европейским исследованиям можно также обнаружить авторов, обращавшихся к проблематике евразийской интеграции.

Во многом это было связано с тем, что именно в Санкт-Петербурге в 2001–2014 гг. располагалась Межпарламентская ассамблея ЕврАзЭС (здесь также находится Межпарламентская ассамблея стран-участниц СНГ), которая издавала, начиная с 2007 г., научный журнал «Евразийская интеграция: экономика, право, политика». Научные статьи по проблематике евразийской интеграции мы обнаруживаем у таких сотрудников кафедры европейских исследований Санкт-Петербургского государственного университета, как Д. А. Ланко [5], Ю. В. Мишалченко [7], Т. А. Романова [8] и С. Л. Ткаченко. Кроме того, те авторы, у кого мы находим значительное число статей по проблематике евразийской интеграции, нередко обращаются в своих научных работах к опыту европейской интеграции. В качестве примера можно назвать труды Ю. В. Косова [4].

Некоторые из перечисленных авторов получили образование в западноевропейских высших учебных заведениях, специализирующихся на подготовке кадров для институтов Европейского союза, в первую очередь в Колледже Европы, расположенном в Брюгге, Бельгия. Некоторые из них имеют опыт практической работы в Европейской комиссии, в других институтах ЕС. Этот свой опыт и знание процессов европейской интеграции они использовали не только для подготовки научных работ, но и для консультирования представителей органов власти России и других государств, сформировавших впоследствии Евразийский экономический союз, которые непосредственно занимались разработкой отдельных положений будущих договоров о Таможенном союзе и Евразийской экономической комиссии, о Едином экономическом пространстве и о Евразийском экономическом союзе. Это является еще одним подтверждением того факта, что при разработке институциональной структуры и политических практик для Евразийского экономического союза широко использовался опыт Европейского союза.

Взаимодействие Европейского союза с другими региональными интеграционными объединениями

Региональная интеграция в современном мире является актуальной тенденцией современных международных отношений не только в Европе и Евразии, но региональные интеграционные процессы характерны для всех без исключения регионов мира. Характер интеграционных объединений в разных регионах мира различается. Соответственно, различается и характер отношений между различными региональными интеграционными объединениями и Европейским союзом. В ряде случаев имеют место отношения между Европейским союзом и другим интеграционным объединением, в ряде же случаев ЕС предпочитает сотрудничать с отдельными странами, принадлежащими к тому или иному интеграционному объединению, но не с интеграционным объединением в целом. Так, в 1995 г. в Мадриде Евросоюз и каждая из его стран-участниц подписали Межрегиональное рамочное соглашение о сотрудничестве с южноамериканским интеграционным объединением МЕРКОСУР и с каждой из его стран-участниц. Соглашение вступило в силу в 1999 г.¹, причем МЕРКОСУР выступает в качестве одной из сторон этого соглашения.

Аналогичным образом ЕС планирует институционально оформить свои отношения с Экономическим сообществом западноафриканских государств (ECOWAS) и с Западноафриканским экономическим и валютным союзом (UEMOA). В настоящее время готовится к подписанию многостороннее Соглашение об экономическом партнерстве между странами Западной Африки и этими двумя интеграционными объеди-

¹ Interregional Framework Cooperation Agreement between the European Community and Mercosur // Official Journal of the European Communities. 1999. April 29. P. L112.

нениями, с одной стороны, и Европейским союзом и его странами-участницами, с другой стороны¹. Предполагается, что западноафриканские интеграционные объединения выступают сторонами этого соглашения. Впрочем, для его подписания пока существуют значительные препятствия. Например, Либерия, которая, как предполагается, станет одной из сторон этого соглашения, пока не является членом Всемирной торговой организации. ЕС активно поддерживает заявку Либерии на вступление в ВТО, однако до того, как это произойдет, ЕС едва ли согласится подписать торговое соглашение, одной из сторон которого будет выступать Либерия.

Что касается других интеграционных объединений, то ЕС отказывается подписывать с ними торговые соглашения, предпочитая индивидуальные торговые соглашения с каждой из стран — участниц этих интеграционных объединений. Именно на такой основе строятся отношения Евросоюза с АСЕАН — Ассоциацией стран Юго-Восточной Азии. В 2007 г. ЕС начал переговоры о создании зоны свободной торговли со странами АСЕАН, причем предполагалось, что соглашение будет заключено не между странами ЕС и странами АСЕАН, но сами интеграционные объединения — ЕС и АСЕАН — также выступают в качестве сторон этого соглашения. Однако в 2009 г. эти переговоры были свернуты по инициативе Евросоюза. Одновременно в 2007 г. ЕС ввел экономические санкции против одной из стран АСЕАН — Мьянмы, якобы из-за жестокости правительства при подавлении массовых акций политического протеста.

В 2010 г. срок действия санкций был продлен. Лишь весной 2013 г., не без влияния со стороны американской администрации (президент США Б. Обама посетил Мьянму за полгода до этого), ЕС отменил большую часть санкций против Мьянмы, сохранив эмбарго на экспорт в эту страну вооружений и «оборудования, которое может быть использовано для внутривнутриполитических репрессий»². В условиях, когда Евросоюз не хотел создавать зону свободной торговли с АСЕАН в целом, он начал переговоры по созданию зон свободной торговли с отдельными странами — участницами АСЕАН. С Сингапуром и Малайзией соответствующие переговоры начались в 2010 г., с Вьетнамом — в 2012 г., с Таиландом — в 2013 г. Ближе всех из стран АСЕАН к созданию зоны свободной торговли с ЕС подошел Сингапур, текст соответствующего соглашения с которым был согласован Европейской комиссией в 2014 г. Однако до сих пор соглашение о зоне свободной торговли между ЕС и Сингапуром остается неподписанным.

Наконец, ЕС никогда и не планировал заключения соглашения, одной из сторон которого выступал бы Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива. В первом десятилетии XXI в. Евросоюз обсуждал возможность подписания торговых соглашений по отдельности с каждой или с некоторыми из шести стран — участниц этого Совета. Однако в 2008 г. все шесть стран — участниц Совета одновременно отказались от таких переговоров. Несмотря на то, что товарооборот шести стран Персидского залива с ЕС больше, чем их товарооборот с Китаем, не говоря уже про другие страны и регионы мира, неформальные контакты между представителями Евросоюза и этих стран, имевшие место в последующие годы, не принесли желаемого результата. Таким образом, Евразийский экономический союз не является единственным интеграционным объединением, с которым Евро-

¹ Economic Partnership Agreement between the West African States, the Economic Community of West African States (ECOWAS), and the West African Economic and Monetary Union (UEMOA), of the one part, and the European Union and Its Member States, of the other part // Опубликовано на сайте Европейской комиссии в сети интернет. URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2015/october/tradoc_153867.pdf (дата обращения: 10.10.2015).

² Council Decision 2013/184/CFSP of 22 April 2013 concerning restrictive measures against Myanmar/Burma and repealing Decision 2010/232/CFSP // Official Journal of the European Communities. 2013. April 23. P. L111.

пейский союз не хочет развивать отношений. Евросоюз в принципе избегает взаимоотношений с интеграционными объединениями в других регионах мира, предпочитая налаживать отношения с отдельными странами — участниками этих интеграционных объединений. В данном контексте МЕРКОСУР является единственным исключением.

Представления о евразийской интеграции среди западных элит

Западные элиты осведомлены о том, что опыт Европейского союза широко использовался при формировании политических практик, составляющих основу процессов евразийской интеграции. Согласно заявлению, сделанному в ходе одного из заседаний восьмого Астанинского экономического форума в 2015 г., главе делегации Евросоюза в Казахстане А. Буше известно, что «опыт ЕС частично послужил в качестве источника вдохновения для основателей Евразийского экономического союза».¹ Однако на этом, в представлениях западных элит, сходства между процессами европейской и евразийской интеграции заканчиваются. Большая часть официальных документов, научных статей и научно-популярных произведений, созданных на Западе и посвященных проблематике Евразийского экономического союза, указывает не на сходства между ЕС и ЕАЭС, но на отличия между ними. Этим данные тексты схожи с западными, проанализированными в работе Х. К. Баба, которые рассматривают попытки мимикрии западных политических практик за пределами запада.

Эти тексты подчеркивают отличия между западными политическими практиками и попытками их мимикрии за пределами Запада с целью сформировать представления на Западе о том, что в результате этих попыток возникают политические практики, «почти такие же, как на Западе, но не совсем». Можно условно выделить три типа отличий между процессами европейской и евразийской интеграции, на которые указывают западноевропейские авторы. Во-первых, Европейский союз, в их представлениях, является стабильным интеграционным объединением, в то время как будущее Евразийского экономического союза представляется им туманным. В качестве основного аргумента здесь используется тот факт, что интеграционные процессы в Западной Европе протекают на протяжении почти 60 лет, начиная с подписания в 1957 г. так называемого Римского договора шестью западноевропейскими странами, в то время как Договор о Евразийском экономическом союзе вступил в силу только в 2015 г.

Предыдущий опыт экономической интеграции на постсоветском пространстве не учитывается. Это относится и к советскому опыту, благодаря которому в новых государствах СНГ изначально были приняты схожие стандарты в сфере экономического регулирования, и к опыту 1990-х гг., включая создание Союзного государства России и Беларуси, и к опыту первого десятилетия XXI в., включая создание Зоны свободной торговли СНГ, участницей которой Украина является до сих пор, и к опыту 2010–2015 гг., включая создание Таможенного союза и Единого экономического пространства. В качестве основной причины скорого краха Евразийского экономического союза называются политические противоречия между его государствами-членами. На рубеже 2014–2015 гг. американскими главным образом, авто-

¹ *Bouchez A.* Speech by Ambassador, Head of the EU Delegation to the Republic of Kazakhstan at VIII Astana Economic Forum, panel session «Development vectors of the Eurasian integration in the global context», Astana, Kazakhstan, May 21, 2015 [Электронный ресурс] // Сайт Европейской службы внешнеполитического действия. URL: http://eeas.europa.eu/delegations/kazakhstan/documents/press_corner/2015/hod_speech_aef_1_en.pdf (дата обращения: 10.10.2015).

рами было опубликовано несколько статей, посвященных разбору причин, по которым, в представлениях их авторов, ЕАЭС не просуществует долго. Две такие статьи — принадлежащие перу сотрудника Гудзонского института стратегических исследований Р. Вейтса [18] и сотрудника журнала «Foreign Policy» Р. Стэндиша [17] соответственно — были опубликованы в один день, 6 января 2015 г.

Во-вторых, западные авторы указывают на то, что в составе ЕАЭС есть одна крупная держава — Россия, остальные же страны — участницы этого интеграционного объединения являются малыми государствами, в то время как у истоков процессов европейской интеграции стояли три крупные державы: Франция, Германия и Италия (а также малые страны Бельгия, Нидерланды и Люксембург), которые не отличались существенно друг от друга ни по размеру территории и численности населения, ни по политическому влиянию и экономическому потенциалу. Этот дисбаланс между Россией и четырьмя другими странами ЕАЭС, по мнению авторов соответствующих текстов, является одной из важнейших причин будущего провала этого интеграционного объединения. Игнорируя роль других государств в процессах евразийской интеграции, в первую очередь роль Казахстана, эти авторы прямо называют ЕАЭС «российским проектом» [20], а иногда — даже личным проектом российского президента В. В. Путина [11].

В-третьих, западные авторы указывают на то, что если в основе европейской интеграции лежит экономическое сотрудничество между странами — участницами ЕС, то ЕАЭС является «в большей мере политическим и в меньшей — экономическим» проектом [15]. Эти авторы не только игнорируют экономическое сотрудничество между странами ЕАЭС (хотя для Беларуси, например, торговля с Россией составляет более половины всего внешнеторгового оборота), но они забывают и о том, что европейский интеграционный проект также является политическим в той же мере, в какой он является экономическим. На это указывают, в частности, Б. Бузан и У. Вэвер, создатели теории региональных комплексов безопасности [13]. По мнению последних, население стран Западной Европы на протяжении второй половины XX в. рассматривало возможность повторения крупномасштабных военных действий на европейском континенте, подобных Первой и Второй мировым войнам, в качестве наиболее серьезного вызова европейской безопасности. И одной из целей европейского интеграционного проекта было именно создание условий, при которых эти события не могли бы повториться.

Выводы

При создании Евразийского экономического союза активно использовался опыт Европейского союза. В частности, к работе по выработке политических практик, которые впоследствии нашли отражение в Договоре о Евразийском экономическом союзе и в других международно-правовых документах, на основе которых функционирует ЕАЭС и его отдельные институты, активно привлекались российские специалисты в области европейских исследований. Впоследствии эти специалисты отразили свой опыт участия в выработке этих политических практик в своих научных статьях. В результате, политические практики, принятые в ЕАЭС, во многом повторяют те, которые успешно действуют в ЕС. Казалось бы, сходство политических практик должно облегчить взаимодействие между двумя интеграционными объединениями. На деле же это становится препятствием для развития отношений между ними. Анализ текстов официальных документов, научных статей и научно-популярных работ, посвященных ЕАЭС и созданных западными авторами, показывает, что в них рассматриваются, главным образом, отличия между двумя интеграционными объединениями, сходства же между ними замалчиваются.

В этих текстах ЕАЭС предстает в качестве совокупности политических практик, «почти таких же, но не совсем таких», какие действуют в Евросоюзе. Это позволяет использовать для характеристики особенностей этих текстов понятие «мимикрия», введенное в постколониальную теорию международных отношений Х.К. Баба. Это понятие описывает не столько сами попытки воспроизведения политических практик, принятых на Западе, за пределами Запада, сколько те представления, которые формируются на Западе об этих попытках. Эти представления становятся препятствием для развития отношений между Западом и не-Западом, в данном случае — между ЕС и ЕАЭС, между ЕС и интеграционными объединениями в других регионах мира. Как показывает практика, единственным интеграционным объединением за пределами Запада, с которым ЕС поддерживает отношения как с единым целым, а не с его отдельными странами-участницами, является южноамериканский МЕРКОСУР.

Впрочем, как показывает практика взаимоотношений ЕС с другими интеграционными объединениями, существует и возможность преодоления негативного влияния этих представлений. Так, Экономическое сообщество западноафриканских государств может стать вторым региональным интеграционным объединением, с которым Евросоюз когда-нибудь будет выстраивать отношения на многосторонней основе, а не в двустороннем порядке с его отдельными странами-участницами. Более того, возможность налаживания отношений между ЕС и ЕАЭС, а не между ЕС и Россией, ЕС и Казахстаном и т. д. по отдельности, также не исключена. Так, в феврале 2015 г. сотрудники итальянского Института международных отношений К. Розелли и Э. Поли опубликовали доклад, в котором они доказывают, что доминирующее в Евросоюзе критическое отношение к ЕАЭС является контрпродуктивным с точки зрения интересов самого ЕС¹. Таким образом, на Западе может сформироваться и иное отношение к политическим практикам, схожим с западными, но возникающим за пределами Запада, чем то, которое характеризуется понятием «мимикрия».

Литература

1. Буторина О. В., Захаров А. В. О научной основе Евразийского экономического союза // Евразийская экономическая интеграция. 2015. № 2(27). С. 52–68.
2. Евразийская экономическая комиссия. Евразийский экономический союз. Вопросы и ответы. Цифры и факты. М. : УП ПРИНТ, 2014. 216 с.
3. ЕвразЭС и интеграционный опыт ЕС / под ред. М. Г. Носова (отв. ред.), А. Ю. Бочерева, Ю. А. Бойко. М. : Русский сувенир, 2009.
4. Косов Ю. В. Роль Римского договора в европейской интеграции // Управленческое консультирование. 2008. № 3(31). С. 46–50.
5. Ланко Д. А. Геополитика Евразии в представлении политических элит // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2012. № 11. С. 130–137.
6. Лизунова Е. А. Коммуникативная мимикрия и ее типы // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 4–4(52). С. 37–41.
7. Мишальченко Ю. В., Ткаченко С. Л. Евразийский экономический союз: перспективы построения экономического и валютного союза (на примере Европейского союза) // Евразийский юридический журнал. 2012. № 3 (46). С. 10–12.
8. Романова Т. А. Три урока европейской интеграции // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2013. № 3. С. 248–256.
9. Филиппченко Ю. А. Изменчивость и методы ее изучения. М.–Л. : Госиздат, 1929.
10. Фомченков Т. Товарооборот РФ и ЕС в 2014 году сократился на 10 процентов // Российская газета. 2015. 11 июня.

¹ Roselli C., Poli E. The EU and EEU: Hidden Opportunities for Inter-Regional Cooperation? // Опубликовано на сайте аналитического центра «International Relations and Security Network» (Цюрих, Швейцария). URL: <http://www.isn.ethz.ch/Digital-Library/Articles/Detail/?lng=en&id=188069> (дата обращения: 10.10.2015).

11. Adomeit H. Putin's 'Eurasian Union': Russia's Integration Project and Policies on the Post-Soviet Space. Istanbul : Kadir Has University, Center for International and European Studies, Black Sea Trust for Regional Cooperation, Project of the German Marshall Fund. Neighborhood Policy Paper N 4. 2012.
12. Bhabha H. K. The Location of Culture. London and New York: Routledge, 1994.
13. Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge : Cambridge University Press, 2003.
14. Ferdinand P., Wang J. China and the IMF: From Mimicry towards Pragmatic International Institutional Pluralism // International Affairs. 2013. Vol. 89. N 4. P. 895–910.
15. Jarosiewicz A., Fischer E., Bakunowicz T. The Eurasian Economic Union — More Political, Less Economic // OSW Commentary. 2015. N 157 (January 20). P. 1–8.
16. Ling L. H. M. Cultural Chauvinism and the Liberal Institutional Order: 'West vs. Rest' in Asian Financial Crisis // Power, Post-Colonialism and International Relations: Reading Race, Gender and Class / Ed. by G. Chowdhry and S. Nair. London and New York : Routledge, 2004. P. 115–141.
17. Standish R. Putin's Eurasian Dream Is Over Before It Began // Foreign Policy. 2015. January 6.
18. Weitz R. After Ukraine, Putin's Eurasian Union Might Be Dead on Arrival // World Politics Review. 2015. January 6.
19. Wiseberg L. S. Human Rights in Africa: Toward the Definition of the Problem of a Double Standard // Issue: A Journal of Opinion. 1976. Vol. 6. N 4. P. 3–13.
20. Wiśniewska I. Eurasian Integration: Russia's Attempt at the Economic Unification of the Post-Soviet Area. Warsaw : Centre for Eastern Studies, 2013.

References

1. Butorina O. V., Zakharov A. V. *On a scientific basis of the Eurasian Economic Union* [O nauchnoi osnove Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza] // the Eurasian economic integration [Evraziiskaya ekonomicheskaya integratsiya]. 2015. N 2(27). P. 52–68. (rus)
2. *Eurasian Economic Commission. Eurasian Economic Union. Questions and answers. Figures and facts* [Evraziiskaya ekonomicheskaya komissiya. Evraziiskii ekonomicheskii soyuz. Voprosy i otvety. Tsifry i fakty]. M. : PRINT Unitary Enterprise, 2014. (rus)
3. *EurAsEC and integration experience of the EU* [EvrAzEs i integratsionnyi opyt ES] / Under the editorship of M. G. Nosov (ex. edition), A. Yu. Bochever, Yu. A. Boyko. M. : Russian souvenir [Russkii souvenir], 2009. (rus)
4. Kosov Yu. V. *Role of the Roman contract in the European integration* [Rol' Rimskogo dogovora v evropeiskoi integratsii] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2008. N 3 (31). P. 46–50. (rus)
5. Lanko D. A. *Geopolitics of Eurasia in representation of political elite* [Geopolitika Evrazii v predstavlenii politicheskikh elit] // Euroasian integration: economy, law, policy [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. 2012. N 11. P. 130–137. (rus)
6. Lizunova E. A. *Communicative mimicry and its types* [Kommunikativnaya mimikriya i ee tipy] // Bulletin of the Kemerovo State University [Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta]. 2012. N 4–4 (52). P. 37–41. (rus)
7. Mishalchenko Yu. V., Tkachenko S. L. *Eurasian Economic Union: prospects of creation of the economic and currency union (on the example of the European Union)* [Evraziiskii ekonomicheskii soyuz: perspektivy postroeniya ekonomicheskogo i valyutnogo soyuza (na primere Evropeiskogo soyuza)] // Eurasian law journal [Evraziiskii yuridicheskii zhurnal]. 2012. N 3 (46). P. 10–12. (rus)
8. Romanova T. A. *Three lessons of the European integration* [Tri uroka evropeiskoi integratsii] // Eurasian integration: economy, law, policy [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. 2013. N 3. P. 248–256. (rus)
9. Filipchenko Yu. A. *Variability and methods of its studying* [Izmenchivost' i metody ee izucheniya]. M.–L. : State publishing house [Gosizdat], 1929. (rus)
10. Fomchenkov T. *Commodity turnover of the Russian Federation and the EU in 2014 was reduced by 10 percent* [Tovarooborot RF i ES v 2014 godu sokratilsya na 10 protsentov] // Russian newspaper [Rossiiskaya gazeta]. 2015. June 11. (rus)
11. Adomeit H. *Putin's 'Eurasian Union': Russia's Integration Project and Policies on the Post-Soviet Space*. Istanbul : Kadir Has University, Center for International and European Studies, Black

Sea Trust for Regional Cooperation, Project of the German Marshall Fund. Neighborhood Policy Paper N 4. 2012.

12. Bhabha H. K. *The Location of Culture*. London and New York : Routledge, 1994.
13. Buzan B., Waever O. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge : Cambridge University Press, 2003.
14. Ferdinand P., Wang J. *China and the IMF: From Mimicry towards Pragmatic International Institutional Pluralism* // International Affairs. 2013. Vol. 89. N 4. P. 895–910.
15. Jarosiewicz A., Fischer E., Bakunowicz T. *The Eurasian Economic Union – More Political, Less Economic* // OSW Commentary. 2015. N 157 (January 20). P. 1–8.
16. Ling L.H.M. *Cultural Chauvinism and the Liberal Institutional Order: 'West vs. Rest' in Asian Financial Crisis* // Power, Post-Colonialism and International Relations: Reading Race, Gender and Class / Ed. by G. Chowdhry and S. Nair. London and New York : Routledge, 2004. P. 115–141.
17. Standish R. *Putin's Eurasian Dream Is Over Before It Began* // Foreign Policy. 2015. January 6.
18. Weitz R. *After Ukraine, Putin's Eurasian Union Might Be Dead on Arrival* // World Politics Review. 2015. January 6.
19. Wiseberg L. S. *Human Rights in Africa: Toward the Definition of the Problem of a Double Standard* // Issue: A Journal of Opinion. 1976. Vol. 6. N 4. P. 3–13.
20. Wiśniewska I. *Eurasian Integration: Russia's Attempt at the Economic Unification of the Post-Soviet Area*. Warsaw : Centre for Eastern Studies, 2013.

Развитие молодежного научно-технического сотрудничества в государствах-партнерах по Евразийскому экономическому союзу (проект «Евразийская объединенная ассоциация «Фаб-лабов»)

Вовенда Алексей Викторович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Директор Международного евразийского центра науки, образования и инноваций
Кандидат политических наук
vovenda@szipa.ru

Корягин Петр Андреевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Заведующий отделением координации проектной деятельности Международного евразийского центра науки, образования и инноваций

РЕФЕРАТ

Статья посвящена рассмотрению некоторых аспектов развития молодежного научно-технического сотрудничества в государствах-партнерах по Евразийскому экономическому союзу в долгосрочной перспективе, а также характеристике проекта «Евразийская объединенная ассоциация «Фаб-лабов».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

молодежное научно-техническое сотрудничество, Евразийский экономический союз, «Евразийская объединенная ассоциация «Фаб-лабов»

Vovenda A. V., Koryagin P. A.

The Development of Youth Scientific and Technical Cooperation in the Partner Countries of the Eurasian Economic Union (project «Eurasian United Association «Fab-Labs»)

Vovenda Alexei Victorovich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Director of the International Eurasian Center of Science, Education and Innovations
PhD in Political Science
vovenda@szipa.ru

Koryagin Petr Andreevich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Head of the Department of Coordination of Project Activity of the International Eurasian Center of Science, Education and Innovations

ABSTRACT

The article considers some aspects of the development of youth scientific — technical cooperation in the states — partners of the Eurasian Economic Union in the long term, as well as the characteristics of the project Eurasian united association «Fab-Labs».

KEYWORDS

youth scientific and technical cooperation, the Eurasian Economic Union, Eurasian united association «Fab-Labs»

22 июня 2015 г. в ходе совместного заседания Интеграционного клуба при Председателе Совета Федерации и Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации были определены базисы развития научно-технического сотрудничества в государствах-партнерах по Евразийскому экономическому союзу в перспективе. Среди них следует выделить разработку концепции единой научно-технической политики государств-партнеров по ЕАЭС, формирование Евразийской инновационной системы, объединяющей национальные инновационные ресурсы, разработку и использование технологических платформ, объектов инфраструктуры для практической реализации глобальных наднациональных проектов.

В соответствии с вышеизложенным вполне логичным выглядит то, что ключевая роль в развитии межгосударственного молодежного научно-технического сотрудничества должна отводиться именно высшим учебным заведениям, в которых существуют экспертно-аналитические советы, исследовательские центры и лаборатории.

В целом, говоря об инновационных механизмах развития межгосударственного научно-технического сотрудничества в рамках ЕАЭС, следует выделить ряд ключевых аспектов:

- необходимость применения современных информационных технологий, позволяющих дистанционно реализовывать проектную деятельность в рамках межвузовского партнерства (проведение форсайт-сессий, вебинаров, телемостов, интернет-конференций и т. д.);
- повышение конкурентоспособности вузов как научных и экспертно-аналитических центров в контексте развития современных образовательных трендов (академическая мобильность, международные совместные образовательные программы, унификации учебных стандартов и т. д.);
- важность внедрения новых организационных форм межвузовского взаимодействия (создание образовательных кластеров).

Особое внимание предлагаем уделять созданию различного рода партнерских сетей в рамках данного направления (активное включение вузов в развитие таких проектов как создание «Совета по научно-исследовательской инфраструктуре при Департаменте развития интеграции ЕЭК» и т. д.).

Немаловажным является и понимание роли вузов в развитии межгосударственного научно-технического сотрудничества в рамках ЕАЭС как ведущих центров международного молодежного и студенческого взаимодействия, инноваций, студенческой науки и культуры.

Необходимо создавать системы профильных лабораторий (в том числе в интерактивном формате, т. е. в интернете) с привлечением молодых ученых вузов стран евразийского партнерства, а также разрабатывать проекты конкурсов (олимпиад) исследований молодых ученых и студенческих работ вузов стран евразийского пространства.

Вузам необходимо стать центром в сфере предоставления услуг по продвижению на рынке научно-прикладных молодежных инновационных проектов (направление «проектного тьюторства» сейчас активно развивается).

Проведение ставшего уже традиционным Евразийского молодежного инновационного конвента, по мнению Председателя Государственной Думы Федерального Собрания РФ С.Е. Нарышкина, внесло немалый вклад в развитие интеллектуального потенциала талантливой молодежи, предоставляя ей возможность встретиться на одной площадке с мэтрами мировой политики и дипломатии, ведущими экспертами-экономистами и авторитетными специалистами.

В рамках Конвента на базе Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики прошел круглый стол «Инновационные технологии: от настоящего к будущему»; была организована проектная площадка для представления молодежных проектов в сфере

высоких технологий и робототехники. Круглый стол был организован тремя вузами (СЗИУ РАНХиГС, ИТМО, Политехнический университет).

В рамках данного мероприятия Международным евразийским центром науки, образования и инноваций СЗИУ РАНХиГС была предложена идея по созданию объединенной Евразийской ассоциации «Фаб-лабов» (центров технического творчества молодежи).

«Fab Lab»¹ (англ. fabrication laboratory) — открытая научно-производственная лаборатория-мастерская, предназначенная для технического творчества, проведения образовательных мероприятий, разработки и выпуска инновационных продуктов.

Подобные лаборатории успешно конкурируют с крупными производственными центрами, работающими в сфере серийного производства, преимущественно из-за связанного с серийным производством отрицательного эффекта масштаба. Многими специалистами отмечается высокий потенциал развития подобных лабораторий в России. Существует успешный опыт создания и развития «Фаб-лабов» в Санкт-Петербурге на площадках некоторых вузов (Политехнический университет, ИТМО).

В настоящий момент возникает возможность, а фактически необходимость создания Евразийской ассоциации «Фаб-лабов» (центров технического творчества молодежи) как витрины развития интеграционных процессов в научно-технической сфере государств евразийского пространства. Это объясняется рядом причин:

Во-первых, Ассоциация может способствовать успешному появлению Фаб-лабов (Центров технического творчества молодежи) в тех регионах, где это необходимо. В этом смысле Санкт-Петербург может выступить методологической и организационной базой проекта. А в качестве ведущих центров реализации проекта могут выступить три вуза: Политехнический университет и ИТМО как ведущие научно-технические исследовательские центры, СЗИУ РАНХиГС как центр развития «проектного тьюторства».

Во-вторых, подобное сообщество создает синергию инновационного развития, определяет сильные и слабые стороны научных центров евразийского пространства и создает комплексный баланс, необходимый для развития прорывных технологических проектов. (Например, ряд «Фаб-лабов» в Беларуси, специализирующихся на создании уникальных технологических продуктов, дополняют разработки «Фаб-лабов» в России, в Казахстане и в совокупности получается уникальный инновационный прорыв, реализованный в рамках евразийского пространства, обеспечивающий конкуренцию ведущим центрам США, Сингапура, Японии и т. д.)

В-третьих, государства члены ЕАЭС могут выступать крупным заказчиком технологических проектов для данной Ассоциации, которая при необходимости может координировать деятельность «Фаб-лабов», использовать преимущества специализаций региональных научно-технических центров для достижения единых общих целей.

В данном контексте Северо-Западный институт управления Президентской академии может обеспечить организационную основу для формирования подобной Ассоциации, подготовить специалистов в области технологического менеджмента, управления инновациями, стратегического развития и т. д.

Необходимо также отметить, что данный проект был поддержан Евразийским клубом экспертов СЗИУ РАНХиГС, заседание которого прошло 27 октября 2015 г.

В качестве механизмов реализации данного проекта на первом этапе необходимо организовать и провести ряд мероприятий для продвижения этой иници-

¹ Программа «Fab Lab» была начата в «Media Lab» в Массачусетском технологическом институте в результате сотрудничества «Grassroots Invention Group» и «Center for Bits and Atoms».

циативы и обсуждения Программных документов по данному предложению. К таким мероприятиям следует отнести «Третий евразийский молодежный инновационный конвент» (совместно с Евразийской молодежной ассамблеей) и молодежную платформу Первого форума регионов СНГ (совместно с Молодежной МПА СНГ).

В целом реализация таких проектов необходима в контексте сохранения результатов проведенных исследований коллективами молодых ученых для их практического применения в рамках развития научно-технического сотрудничества государств-партнеров по ЕАЭС как базы евразийской экономической интеграции.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ, ПРИНИМАЕМЫХ К РАССМОТРЕНИЮ РЕДАКЦИЕЙ

Предлагаем Вам разместить статьи в научно-практическом журнале «Управленческое консультирование», адресованном специалистам в различных отраслях государственного управления, ученым и преподавателям.

Журнал «Управленческое консультирование» включен ВАК Минобрнауки РФ в Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук. Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН. Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека).

Издание выходит ежемесячно. Все статьи проходят научное рецензирование.

Правила оформления статей, принимаемых к рассмотрению редакцией

В соответствии с рекомендациями ВАК, редакцией устанавливаются требования к содержанию и оформлению публикуемых в нем статей.

Для публикации в журнале Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС при Президенте РФ «Управленческое консультирование» принимаются оригинальные научные материалы, соответствующие основной направленности издания, преимущественно связанной с исследованием процессов управления социально-экономическими и политическими системами, актуальных проблем государственного и муниципального управления, экономики, общества и реформ.

Требования к направляемым в редакцию материалам

1. Автор представляет в редакцию:
 - ♦ распечатанный экземпляр статьи, подписанный автором, а также электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Бумажный вариант должен полностью соответствовать электронному; в конце текста автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником, материал не содержит сведений ограниченного распространения»
 - ♦ две рецензии — внешнюю и внутреннюю, заверенные печатью.
2. Все представленные статьи проходят научную экспертизу. В случае если по результатам экспертной оценки получена отрицательная рецензия (статья рекомендуется к доработке или отклоняется от опубликования), автору направляется аргументированный отказ или рекомендации по доработке.
3. Рецензии хранятся в архиве редакции в течение одного календарного года с момента их представления и могут быть представлены по запросу авторов и ВАК Министерства образования и науки РФ.
4. Плата с аспирантов за публикацию рукописей статей не взимается.

Требования к оформлению материалов

1. Каждая статья должна быть сопровождается:
 - **сведениями об авторах** (на русском и английском языках), которые указываются в первой подстрочной ссылке — сноске (для нее следует использовать символ *) и включают в себя фамилию, имя, отчество полностью; ученую степень; ученое звание; место работы; должность; адрес электронной почты. После указания места работы в скобках указывается город;
 - ◆ **кратким рефератом на русском и английском языках**, раскрывающим основное содержание статьи (≈ 200–300 слов);
 - ◆ **ключевыми словами на русском и английском языках**.
2. Технические требования к материалу:
 - поля — 2,5 см везде;
 - ◆ номера страниц — в низу страницы, выравнивание — справа, номер на первой странице не указывается;
 - ◆ шрифт — Times New Roman;
 - ◆ аннотации, ключевые слова — 12 кегль, межстрочный интервал — 1;
 - ◆ основной текст — 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5;
 - ◆ ссылки — затекстовые (вынесенные за текст документа и оформленные как список использованной литературы **в алфавитном порядке**), 12 кегль, межстрочный интервал — 1. **Ссылки на электронные ресурсы, правовые и законодательные акты, архивные материалы и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещенный в конце статьи!**
3. Порядок расположения материалов:
 - ◆ инициалы и фамилия автора(-ов). Расположение — по центру, кегль — 12. Ссылка на сведения об авторе(-ах);
 - ◆ название статьи (на русском и английском языках). Расположение — по центру, кегль — 14, полужирный шрифт;
 - ◆ краткий реферат на русском языке;
 - ◆ краткий реферат на английском языке (идентичный реферату на русском языке);
 - ◆ ключевые слова на русском языке;
 - ◆ ключевые слова на английском языке;
 - ◆ основной текст статьи.
4. Требования к оформлению:
 - ◆ абзацный отступ — 1,25 см (меню «Формат» → «Абзац». Табулятор «Tab» не используется);
 - ◆ расстановка переносов не применяется;
 - ◆ все примечания, в том числе сведения об авторе, оформляются как подстрочные ссылки, или сноски, вынесенные из текста в низ полосы документа;
 - ◆ все лишние пробелы убираются, между словами должен быть только один пробел; знаки препинания (за исключением тире) ставятся сразу же за предваряющим его словом без пробела;
 - ◆ выделения внутри текста набираются только курсивом (подчеркивания, слова, набранные прописными буквами, полужирным шрифтом, не допускаются);
 - ◆ нумерованный список пунктов дается в обычном порядке (1, 2, 3 и т. д.), причем каждый пункт начинается с нового абзаца;
 - ◆ маркированный список пунктов оформляется только с помощью тире.
5. Оформление ссылок (**ВАЖНО!!!**):
 - ◆ ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 (требования к кратким затекстовым ссылкам);
 - ◆ краткая затекстовая ссылка содержит следующие элементы: фамилия и инициалы автора (курсив) издания, основное заглавие, сведения об издании, место

издания, издательство (если название издательства отсутствует хотя бы в одной публикации, то необходимо опустить названия издательств в других публикациях, либо указать название издательства во всех ссылках, т. е. привести к единообразию), год издания, сведения о местоположении объекта ссылки (если ссылка дается на часть документа), обозначение и порядковый номер тома или выпуска, физическая характеристика (полный объем издания либо конкретные страницы). Области библиографического описания разделяются точкой;

- ◆ для связи с текстом порядковый номер библиографической записи в затекстовой ссылке указывают в отсылке, которую приводят в квадратных скобках в строку с текстом. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста, в отсылке указывают порядковый номер источника и диапазон страниц, на которых помещен объект ссылки. Сведения разделяют запятой. Если отсылка содержит сведения о нескольких затекстовых ссылках, группы сведений разделяют знаком «точка с запятой»;
- ◆ список литературы в конце статьи дается **в алфавитном порядке**.

Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов Word Art в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в форматах *.tiff или *.jpg.

Примеры оформления материалов

1. Сведения об авторе

Иванов Иван Иванович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)

Заведующий кафедрой

Доктор философских наук, профессор.

E-mail:

Телефон:

2. Краткие затекстовые ссылки

В тексте:

«А. В. Виленский называет его «своего рода „золотым легионом“ постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

7. Россия в глобализирующемся мире : политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М. : Наука, 2004.

3. Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках

◆ *Монографии:*

Филиппов Г. Г. Роль организации в механизме политической власти. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2008.

◆ *Статьи в научных сборниках:*

Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М. : Прогресс, 1972.

◆ *Публикации в многотомных изданиях:*

Ирвинг В. Собр. соч. В 5 т. : пер. с англ. М. : ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.

Карамзин Н. М. История государства Российского : в 12 т. М. : Мир книги, 2003. Т. 7.

◆ *Статьи в научных журналах:*

1. Кириленко В. П., Дронов Р. В. О современных методах нейтрализации коррупционных процессов // Государственная служба: Вестник Координаци-

онного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 46–53.
2. Шамахов В. А. К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 6–15.

◆ *Статьи в газетах:*

Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.

◆ *Правовые акты:*

О науке и государственной научно-технической политике: Федеральный закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 45. Ст. 3274.

О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.

◆ *Архивные документы* (при первой ссылке указывается полное наименование архива, далее допускается его сокращенное название):

Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.

Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.

◆ *Электронные ресурсы оформляются следующим образом:*

1. Манойло А. В. Объекты и субъекты информационного противоборства [Электронный ресурс] // ПСИ-ФАКТОР: Сайт информационного ресурсного центра по научной и практической психологии. Библиотека. Информационная война. Информационное противоборство. URL: <http://psyfactor.org/lib/psywar24.htm> (дата обращения: 23.02.2013).

2. Образ врага. Все об «Аль-Каеде» [Электронный ресурс] // VIP. Lenta.Ru: издание Rambler Media Group. 2004. 23 июня. URL: <http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23/alqaeda/> (дата обращения: 20.09.2012).

Ссылки на таблицы и рисунки приводятся внутри текста: (табл. 2, рис. 1). Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

2015. № 11(83)

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Научно-практический журнал
Выходит ежемесячно
Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. В. АНТОНОВА

Сдано в набор 01.11.2015.
Подписано к печати 15.11.2015.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 14,35. Тираж 650 экз.
Заказ № 11/15.

Научные редакторы
д. филос. н., профессор Н. И. БЕЗЛЕПКИН
д. э. н., профессор В. А. ПЛОТНИКОВ
д. э. н., профессор Л. С. САВЧЕНКО

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Аннотации статей и перевод
на английский язык В. В. ПОЛЯХ

Корректор Н. Б. НЕНАХОВА
Верстка Т. П. ОЛОНОВОЙ

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52288 от 25 декабря 2012 г.

Индекс по Объединенному каталогу «Пресса России» 82909, по каталогу
Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» 70107

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления – филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61
Тел. (812) 335-94-97